

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Лалин П.А.** Ведомство по делам просвещения и организация образования в Китае в поздние годы династии Цин (кон. XIX – нач. XX вв.).....5
- Белая И.В.** Тексты по даосской алхимии для женщин из собрания Хэ Лунсяна: опыт исторического анализа.....14

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

- Винокурова Л.И., Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Григорьев С.А.**
В ожидании ледохода: социальные аспекты разрушительных наводнений в сельской Якутии (кон. XX – нач. XXI вв.).....28
- Бадмаев А.З.** Интернациональные студенческие отряды: советско-монгольский опыт.....41

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

- Хамидулин В.С.** Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее общество.....49

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Агапов В.Л.** «Хулиган печатного слова»: история владивостокского журналиста Ф.В. Мисюры и его газеты «Текущий день».....61
- Недлин Л.Я.** Из истории журналистского образования в России: первая школа журнализма в советской России (Петроград, 1918 г.).....76
- Князькина Т.А.** К истории организации медицинской помощи населению дальневосточных окраин Российской империи (кон. XVIII – сер. XIX вв.).....88
- Бакшутлов С.Н.** Милицейское образование на Дальнем Востоке России: организация и правовое регулирование.....95
- Власов С.А.** Развитие кооперативов и их роль в борьбе с товарным дефицитом на Дальнем Востоке в годы перестройки.....100
- Оропай И.П.** К вопросу о туристской политике на Дальнем Востоке России (1989-2012 гг.).....107

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Пилюгина Е.В.** Постмодерн в формате «Нового Средневековья».....118
- Шкурова М.В.** Проблема мифа в «Философии символических форм» Э. Кассирера.....124
- Шульмин И.А.** Понятие «складка» в творчестве М. Мерло-Понти и Ж. Делёза и его кинематографические проекции (на материале художественных фильмов В. Абдрашитова и С. Лобана).....129

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

- Косилова Е.В.** Некоторые наблюдения над методологией в биологии и психологии.....136

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, профессор, Центр криминологии и социально-правовых исследований (Centre for Criminology and Sociolegal Studies), Университет Торонто (University of Toronto)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е. ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук, помощник директора Школы гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 15.03.2016.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 17,11.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Lapin P.A.** Education department and organization of education in China in the late Qing dynasty
(late XIXth – beginning of XXth century).....5
- Belaya I.V.** Texts on the Taoist alchemy for women from He Longxiang's collection: an attempt of historical analysis.....14

ANGLES OF SOCIAL DYNAMICS

- Vinokurova L.I., Filippova V.V., Suleymanov A.A., Grigorev S.** Waiting for an ice-break:
social aspects of devastating floods in rural Yakutia (late XXth – beginning of XXIst century).....28
- Badmaev A.Z.** International student brigades: Soviet-Mongolian experience.....41

THEORETICAL DIMENSION OF SOCIETY

- Khamidulin V.S.** Theoretical perspectives in immigrant incorporation research.....49

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Agapov V.L.** "Hooligan of press": the story of journalist Feodor V. Misyura and his newspaper «Tekushchii den».....61
- Nedlin L.Ya.** From the history of journalism education in Russia: the first School of journalism
in the Soviet Russia (Petrograd, 1918).....76
- Kniazkina T.A.** Towards the history of the healthcare institutions in the Far Eastern outskirts
of the Russian Empire, late XVIIIth – mid-XIXth century.....88
- Bakshutov S.N.** Police education in the Russian Far East: organizational and legal framework.....95
- Vlasov S.A.** Development of cooperatives and their role in the fight against shortages
in the Russian Far East during perestroika.....100
- Oropay I.P.** Towards the tourism policy in the Russian Far East, 1989-2012.....107

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Pilyugina E.V.** Postmodernity in the neo-Middle Ages format.....118
- Shkurova M.V.** The problem of myth in «The philosophy of symbolic forms» by E. Cassirer.....124
- Shulmin I.A.** The concept of the fold in the works of Merleau-Ponty and Deleuze
and its cinematic projections (the case of films by V. Abdrashitov and S. Loban).....129

METHODOLOGY OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

- Kosilova E.V.** Some observations on methodology of biology and psychology.....136

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), Professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Far Eastern Federal University, corresponding member of Russian Academy of Science
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), University of Toronto
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), National Research University «Higher School of Economics»
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

K.S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), assistant director, School of Humanities

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <http://dvfu.ru/web/soh/gis-dv>
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 371

П.А. Лапин*

ВЕДОМСТВО ПО ДЕЛАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ В ПОЗДНИЕ ГОДЫ ДИНАСТИИ ЦИН (кон. XIX – нач. XX вв.)

Статья посвящена истории появления в 1905 г. в Цинской империи первого в истории монархического Китая централизованного учреждения по делам образования – Ведомства по делам просвещения (*Сюэбу*), ставшего важным итогом проводившихся в стране реформ прозападного толка. Новая организация занималась реализацией единой образовательной политики, реформированием учебной структуры в столице и на местах, унификацией методической базы. Автор приходит к выводу, что предпринятые шаги по модернизации системы образования оказались эффективными и способствовали накоплению в Поднебесной новых, актуальных и практически востребованных знаний, необходимых китайским властям для реализации национальной политики по усилению государства в условиях колониализма.

Ключевые слова: Цинская империя, Ведомство по делам просвещения, образование, политика «самоусиления», культурное строительство

Education department and organization of education in China in the late Qing dynasty (late XIXth – beginning of XXth century). PAVEL A. LAPIN (Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)

The article focuses on the history of Education department (*Xuebu*), the first centralized education affairs office in the Chinese Imperial history, which was established in 1905 as a major result of the western-style reforms of the previous decades. The new body was engaged in the implementation of a unified education policy, reform of educational structures in the capital and provinces, unification of methodological bases of the Chinese education. The author concludes that the steps taken to modernize the educational system of China were very effective and contributed to the accumulation of new topical and practical knowledge in the country that were of great importance for the successful implementation of the national policy on strengthening of the state under colonialism.

Keywords: Qing dynasty, Education department, Chinese education, self-strengthening movement, cultural building

Реформы в области образования в Китае второй половины XIX – первых лет XX вв. являлись частью масштабных преобразований, проводившихся в Цинской империи в Новое время. Это был важный этап становления китайской государ-

ственности, период модернизации восточной империи по западному образцу.

Во второй половине XIX в. некогда мощная Цинская империя погрузилась в глубокий системный кризис. В результате военных столкновений

* ЛАПИН Павел Андреевич, кандидат исторических наук, руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае.

E-mail: waijiao2000@mail.ru

© Лапин П.А., 2016

с западными державами Китая была навязана серия неравноправных договоров, превративших его в полуколонию. Неспособность дряхлеющей монархии противостоять натиску европейцев показала всю несостоятельность китайской традиционной системы государственного управления в условиях колониальной политики Нового времени и привела к зарождению в 1860–1880-е гг. реформаторского течения «За освоение заморских дел» (*Янью юньдун*) или «Движение за самоусиление» (*Цзыцян юньдун*). В конце XIX в. это движение было подвергнуто критике за либеральность подходов и на его смену пришли новые инициативы китайских прогрессистов, апогеем преобразовательной деятельности которых стало проведение летом–осенью 1898 г. акции «Сто дней реформ».

Большое внимание уделялось реформированию системы образования,¹ с обновлением которой в Пекине связывали успешное заимствование передового мирового опыта и научных знаний, лежавших в основе технологического прогресса европейских государств и их военного усиления. Важнейшей инициативой на этом направлении стало учреждение в 1905 г. в китайской столице Ведомства по делам просвещения (*Сюэбу*).

Создание этой структуры было вызвано значительными изменениями в политике подготовки квалифицированных кадров для нужд государства в условиях вовлечения Китая в систему международных отношений нового типа. Дело в том, что традиционно функции по организации образования в Китае были возложены на Ведомство обрядов (*Либу*) и подчинявшееся ему Училище Гоцзыцзянь (конфуцианское Училище «Сынов Отечества») [11, с. 28–29]. Либу являлось прежде всего дипломатической структурой², а в части образования лишь обеспечивало организацию и проведение всекитайских государственных экзаменов на получение

ученой степени (*кэцзюй*), что более тысячи лет и являлось сутью китайского обучения и учености [25, с. 58]³. Гоцзыцзянь, в свою очередь, как классическое учебное заведение осуществляло образовательную деятельность в целях подготовки государственных служащих для центральных и местных органов власти, которые поступали туда опять-таки через систему «кэцзюй»⁴. То есть когда все образование в государстве строилось «на тщательном изучении классических книг и многочисленных к ним комментариев, знание которых давало счастливому право на занятие государственных должностей» [2, с. 174], существование такой однотипной структуры по организации обучения, даже со всеми ее недостатками, было оправданным, когда же в конце XIX в. классическое образование начало уступать

³ Система государственных экзаменов (*кэцзюй*), зародившаяся в Китае в древности и просуществовавшая вплоть до начала XX в., формально предоставляла всем жителям Китайской империи право получить ученую степень и соответствующую ей должность в государственном аппарате. Экзамены делились на три больших тура: *тунши* (трехэтапные отборочные экзамены), по итогам которых претендент получал первую ученую степень *шэньюань* («студент»; неофициально обладатель этой степени именовался *сюцай*), далее шли *сянши* (провинциальные экзамены), проводившиеся один раз в три года в главном городе провинции; сдавшие этот экзамен кандидаты получали степень *цзюйжэнь* (вознесенный). Третий тур – *дяньши* (дворцовые экзамены), проводимые также один раз в три года в Императорском дворце (зал Баохэдянь). Кандидаты, выдержавшие экзамены при дворе, получали степень *цзиньши* (продвинувшийся муж); утверждение степени *цзиньши* и распределение новых *цзиньши* по разрядам происходило во время дополнительного экзамена при дворе (*юйши*), известным также как «чакао», темы для которого определялись самим императором. Подготовка к экзаменам осуществлялась в государственных и частных школах (*шюань*), во множестве открывавшихся во всех провинциях Китая (подробнее о системе государственных экзаменов в императорском Китае см., например: [2, с. 220–223; 7, с. 327; 6, с. 82–87, 110]). Все *цзиньши* распределялись на вакантные должности в центральных ведомствах и в провинции. Безусловно, самым перспективным местом распределения считалась академия Ханьлиньюань, работа в которой впоследствии давала потенциальные возможности для занятия высших государственных постов империи. Академия являлась не столько научным или образовательным, сколько политическим органом: в ее стенах разрабатывались правительственные акты, ее сотрудники привлекались для написания официальных династийных историй, обучения членов императорской семьи.

⁴ Подробнее о деятельности Гоцзыцзянь см., например: [25, с. 72–75].

¹ В ходе «Ста дней реформ» (продолжались с 11 июня по 21 сентября 1898 г.) молодой и прогрессивный император Гуансюй издал 120 указов, направленных на преобразование различных сфер жизни государства, 40 из них имели отношение к реформам в области культуры и образования [29, с. 91].

² В цинский период оно осуществляло внешнеполитические контакты китайского двора с иностранными государствами Юго-Восточной Азии (так называемые страны Южных морей) и отвечало за прием посольских миссий от тамошних правителей. Эта же структура ведала вопросами внутриведомственного протокола, организовывала масштабные мероприятия с участием императора и членов правящего дома (обряды возведения на престол, военные смотры, церемонии при отмечании знаменательных дат, включая праздники по лунному календарю, обряды погребения).

место новому образованию, построенному по западным стандартам и нацеленному на прививание слушателям практических знаний и умений, особо востребованных в период бурных реформ, сохранение старой административной образовательной системы было уже бессмысленно. «Основа всех реформ, – верно указывал выдающийся прогрессист Лян Цичао (1873–1929), – заключается в подготовке специалистов; их обучение предполагает открытие [новых] школ, учреждение же школ подразумевает отказ от *кэцзюй*, и все это требует больших изменений государственного аппарата» [16, с. 21]. Последующий ход исторических событий показал безальтернативность указанного мыслителем пути.

Понимание необходимости реформирования административных основ китайской системы образования начало формироваться в среде столичной прогрессивной интеллигенции еще в 1880-х гг. Находившиеся в Китае иностранные миссионеры предлагали учредить специализированное ведомство нового типа, которое смогло бы курировать вопросы образования по всей империи [9, с. 76]. Идеи иностранных служителей культа были восприняты китайцами лишь в середине 1890-х гг. Прогрессисты-либералы Хэ Ци (1859–1914) и Ху Лиюань (1847–1916) в своей работе «Рассуждения о новой политике» («Синь чжэн лунь») предлагали провести масштабные административные реформы, учредив восемь специализированных министерств, в том числе Сюэбу [9, с. 77]. В 1898 г. их идеи были подхвачены вдохновителями «Ста дней реформ» Лян Цичао и Кан Ювэем (1858–1927), которые выступили за расширение списка профильных ведомств до двенадцати. Вопросы образования, по их мнению, должно было курировать созданное Управление школ (*Сюэсяо цзюй*). С тем, чтобы избежать дублирования функций при открытии этой структуры, реформаторы предлагали лишить Либу права регулировать вопросы образовательной политики. «Появившийся в столице университет, работавшие в разных провинциях средние, начальные и специальные школы, медицинские, юридические, педагогические училища [самостоятельно занимаются] переводом и изданием западных книг, составляют урочное расписание. Все эти вопросы не должны регулироваться Либу» [14, с. 4029].

Предложения идеологов «Ста дней реформ» оказались радикальными и в итоге были отклонены двором. В качестве компромисса предлагалась схема, при которой курировать вопросы образования мог бы открывшийся в том же 1898 г. Пекинский университет. Ректор учебного заведения (*гуаньсюэ дачэнь*; досл. с кит. – «главный чиновник по делам обучения») наделялся правом

управлять образованием в рамках всей империи [22, чжи 28, сюаньцзюй 2, сюэсяо 2, цз. 170, с. 3126]. Представлялось, что Пекинский университет как новое учреждение будет способен сформулировать основы всекитайской образовательной политики и внедрить передовые наработки на местах [10, с. 94]⁵.

Ситуация, при которой ректор университета совмещал две должности, продолжалась до начала 1904 г., когда в Пекине был принят «Базовый устав по вопросам образования» (*Сюэу ганьяо*), в соответствии с которым учреждался Комитет по учебным делам (*Сюэу чу*) и вводилась должность главного управляющего по делам образования (*цзунли сюэу дачэнь*) [2, с. 174-175; 28, с. 8]. Это было последнее административное решение до официального учреждения Сюэбу, открытие которого уже в начале 1904 г. анонсировала одна из центральных газет «Да гун бао» [3, л. 4об].

В начале 1905 г. группа местных чиновников-прогрессистов Чжан Чжидун, Чжан Байси, Жунцин направила двору коллективный доклад, попросив упразднить старую система государственных экзаменов «кэцзюй» как не отвечающую требованиям подготовки кадров (реформа по реорганизации этой системы велась в Китае начиная с 1903 г.). Прошение было удовлетворено и в конце того же года на базе Комитета по учебным делам было создано Ведомство по делам просвещения, первым министром которого стал известный политический деятель, член Военного совета, ученый, член академии Ханьлинь, монгол Жунцин (1859–1917) [27, с. 142; 28, с. 8-11].

Так, в Цинской империи появилось современное ведомство по делам образования. В 1906 г. был разработан проект устава Сюэбу, окончательно утвержденный в 1909 г., в котором формулировались цели и задачи этой службы, определялась сфера ее деятельности. [28, с. 17-20]. Сюэбу создавалось для «управления делами образования и науки во всех провинциях» [19, с. 232; 28, с. 18]. В 1906 г. в его ведение было переведено Гоцзыцзянь, а в середине того же года вышел указ о разграничении полномочий Сюэбу и Либу. Последнему вменялось в обязанности завершить все мероприятия по упразднению экзаменационной системы «кэцзюй» и после этого делегировать все свои функции по надзору в области образования новоучрежденному Сюэбу [28, с. 11-17]. Доста-

⁵ Первым ректором столичного университета и одновременно главным чиновником по делам образования был назначен видный политический и государственный деятель, придворный советник Сунь Цзянай (1827–1909) [10, с. 94].

точно быстро была оформлена внутренняя структура Ведомства⁶ и определен штат сотрудников⁷.

Исполняя положения устава, Сюэбу приступило к разработке единой государственной политики в области образования в рамках всей империи. Надо сказать, что это была непростая задача, так как чиновникам этого ведомства приходилось осуществлять многие виды работы впервые. Старая системы образования, построенная на системе «кэцзюй», была упразднена, а новая система, в том числе учебно-административная, только формировалась. Если в период с 1862 г. по 1894 г. в империи было открыто всего 37 учебных заведений нового образца, в которых велась подготовка по военным, кораблестроительным, медицинским и горно-инженерным специальностям [1, с. 31; 15, с. 10; 18, с. 91-92], а за год до отмены «кэцзюй» и учреждения Сюэбу (1904 г.) – 4 476 школ, то на следующий год после проведенных реформ (1906 г.) их количество составляло уже 23 862 (при этом более 21 тыс. учебных заведений были государственными), которые посещали более 540 тыс. учащихся [4, с. 107-108]⁸. В 1912 г. число учебных заведений превысило 87,2 тыс., а количество

⁶ Для выполнения поставленных задач в Сюэбу было учреждено шесть профильных департаментов (департамент высших и специальных учебных заведений (*чжуаньмэнь сы*), департамент общеобразовательных учебных заведений (*путун сы*), департамент профессиональных учебных заведений (*шиэ сы*), департамент окружного инспектора просвещения (*шисюэ гуань*), департамент счетных дел (*куайцзи сы*) и департамент общих дел (*цзуньфу сы*)) и двенадцать специальных отделов, функционирование которых обеспечивало несколько административных подразделений (подробнее о структуре Сюэбу см.: [2, с. 111-117].

⁷ Штатное расписание Сюэбу, в окончательной редакции сформированное в 1908 г. и утвержденное приказом по ведомству (№ 138), включало 41 должность в центральном аппарате во главе с министром-шаншу [25, с. 289] и двенадцать должностей, учрежденных для окружных инспекторов в провинциях [23, с. 142]. На должности в ведомство зачислялись молодые перспективные люди, получившие хорошее образование (некоторые из сотрудников обучались за рубежом: например, Се Тяньбао (32 года), получил образование в США; Лу Сяожи (25 лет) – в Японии) и практический опыт работы в органах государственной власти [20, с. 16-17].

⁸ Такой значительный всплеск открытия в империи учебных заведений нового типа был связан не только со стремительной переориентацией образования на практический лад, формированием нового поколения молодежи, выросшей в условиях реформ (с 1860-х гг.), но и в том числе с отменой системы «кэцзюй», которая «высвободила» многие тысячи прогрессивных людей, нацеленных на получение практического образования в интересах государственного строительства.

учащихся в них – 2,9 млн. человек [30, с. 350]. Больше количество образовательных учреждений было открыто в столичной провинции Чжили, где был сосредоточен главный управленческий и интеллектуальный потенциал (в 1909 г. – 11 201), однако наибольшее количество учащихся было в провинции Сычуань (в 1909 г. – 343 938 человек) [5, с. 254-255]⁹.

Эффективное управление столь значительным количеством учебных заведений по всему государству и приведение их к единому стандарту предполагали осуществление глубоких преобразований на местах. В начале 1906 г. в каждой провинции был учрежден пост управляющего по делам образования, на который сроком на три года назначались чиновники Сюэбу [20, с. 16]. В их обязанности входило обеспечение реализации образовательной политики центральных властей на местах. В 1909 г. Сюэбу принимает Устав об инспекторах, деливший всю империю на двенадцать учебных округов, каждый из которых один раз в

⁹ Начиная с 1903 г. в Китае шло планомерное реформирование системы учебных заведений, в целом завершившееся к 1910 г. Административно образовательная структура выглядела следующим образом: низшими учебными заведениями являлись подготовительные школы (*мэнянюань*), далее шла начальная школа (*сяосюэ тан*), делившаяся на разряды – младший и старший. Окончившие начальную школу поступали в среднюю школу (*чжунсюэ тан*; по состоянию на 1910 г. их количество не превышало 400, количество учеников – 30 тыс.), в которой с 1909 г. начали выделять классическое отделение (*вэнь кэ*) и реально-практическое отделение (*ши кэ*). Следующей ступенью была высшая школа (*гаодэн сюэтан*; в 1909 г. открыто 24 таких школы, количество слушателей – 4127 человек), выпускники которой могли поступать в университет (*дасюэтан*). До 1909 г. в империи было открыто три университета (Пекинский, Бэйянский и Шаньсийский), занятия в которых посещали 749 студентов. Выпускники начальных школ старшего разряда и средних школ могли также поступать в профессиональные учебные заведения (*шиэ сюэтан*), основными разновидностями которых были сельскохозяйственные училища (*нуньэ сюэтан*), технические или ремесленные училища (*гуньэ сюэтан*), коммерческие училища (*шаньэ сюэтан*), училища торгового мореплавания (*шанчуань сюэтан*), учительские или педагогические училища (*шифань сюэтан*); многие другие образовательные учреждения объединялись в сеть так называемых специальных учебных заведений, к которым относили, например, школы иностранных языков в провинциях (*фаньянь гуань*) или историко-филологический институт (*цуньгу тансюэ*), открытый в 1910 г. в провинции Хубэй, но дальнейшего распространения не получивший (подробнее о системе учебных заведений в пореформенный период династии Цин см.: [2, с. 176-209; 5, с. 256]).

три года инспектировался выездной комиссией Ведомства. Продолжительность инспекционных работ в округе не могла быть меньше 80 дней; в ходе проверки оценивалась работа управляющего по делам образования по обеспечению единого образовательного процесса на местах [23, с. 142].

Учреждение управлений по образованию в провинциях и создание института учебных инспекторов были важным административным решением Сюзбу, обеспечившим реализацию единого образовательного стандарта в рамках всей империи и предоставившим столичным властям возможность наладить взаимосвязь с провинциями, что было весьма полезно для обновления образовательной политики с учетом новых веяний на местах.

Эпоха реформ вносила свои коррективы и в содержание национального образования, определяла его приоритетные направления. Упор был сделан на развитие практического образования. В 1909–1910 гг. Сюзбу приняло ряд инструктивных документов, нацеленных на развитие практических или реальных учебных заведений, где давались знания по техническим, торгово-коммерческим, сельскохозяйственным и педагогическим специальностям. Причем учительские семинарии выводились в ранг наиболее значимых, так как именно там, по замыслу реформаторов, должны были готовиться преподаватели, способные давать новые, востребованные обществом знания¹⁰. На примере программы развития педагогического образования (принята в 1907 г.) были разработаны правила по стимулированию всего практического образования, включая принципы подбора преподавателей, зачисление слушателей, содержание обучения, премирование наиболее успешных выпускников и их распределение на службу [17, с. 24; 20, с. 18]

Важным видом работ стало приведение к единому стандарту учебных пособий. Уже в 1906 г. Сюзбу опубликовало «Требования по первой проверке временных учебных пособий для низших начальных школ», в соответствии с которыми все учебники, по которым велось обучение в школах этого уровня, должны были направляться на оценку в Ведомство. По итогам проверки был сформирован перечень учебных книг, рекомендованных Сюзбу для использования при преподавании школьных курсов; утвержденный список был опубликован в ведомственной газете «Сюзбу гуаньбао». В него было внесено 45 наимено-

ваний учебников общим объемом 105 томов [26, с. 86]. Образовательное ведомство требовало, чтобы впредь все начальные учебные заведения в империи пользовались исключительно указанными учебниками. В 1907 г. такие же проверочные мероприятия были проведены применительно к учебникам, которые применялись для преподавания в начальных школах старшего разряда. Было рекомендовано 27 учебных пособий, включая материалы по преподаванию английского языка [26, с. 86]¹¹.

В последующие годы Сюзбу проводило регулярную работу по сертификации учебных пособий, научных журналов, вспомогательных дидактических материалов для учебных заведений разных уровней. В общей сложности с 1906 г. по 1911 г. дидактическая комиссия при Сюзбу рекомендовала 371 вид учебников, было отклонено 313 видов пособий, которые авторы предлагали для включения в общий перечень [26, с. 87]. Кроме того, велась работа по определению пригодных для преподавания переводных научных и учебных материалов.

Это был первый опыт по установлению государственного регулирования содержания китайского образования, и ценен он был прежде всего тем, что давал властям возможность привносить в обучение элементы, в том числе идеологические, которые соответствовали бы интересам государства и общества, быстро менявшихся в условиях реформ.

Обеспечение дидактическими материалами учебных заведений, расширение кругозора учащихся через чтение дополнительной литературы, повышение уровня доступности научных знаний и вообще содействие росту грамотности китайского населения требовало открытия публичных библиотек разных уровней. Организация библиотечного дела в Китае была также поручена Сюзбу. В 1910 г. Ведомство приняло «Устав развития библиотек в Пекине и провинциях», состоявший из двадцати статей и системно описывавший принципы устройства книгохранилищ, комплектации их печатными изданиями, организации хранения фондов и допуска читателей, финансирования [24,

¹⁰ Если в 1909 г. специальных учебных заведений в Китае было открыто всего 254, то училищ, где готовили будущих педагогов, – 415 [17, с. 25; 20, с. 18].

¹¹ Это был первый опыт по выбору единого для всех цинских учебных заведений начального уровня учебников по иностранному языку. Несмотря на открытие в 1861 г. в Пекине первой пекинской Школы иностранных языков (*Тунвэньгуань*), в которой, кроме английского языка, также преподавались русский, французский, немецкий и японский языки, и появление позже языковых школ по всему государству, рекомендованные пособия по английскому языку появились лишь в 1907 г.

с. 68-69]. Предполагалось открытие столичных библиотек, а также библиотек на уровне провинций, городов и уездов.

В 1909 г. еще до принятия устава в Пекине была открыта первая публичная библиотека – Цзинши тушугуань («Столичная библиотека»). При помощи Сюэбу книгохранилище вело активную работу по собирательству памятников китайской письменности: в год открытия из Дворцовой канцелярии и академии Ханьлинь туда была передана крупнейшая на тот момент в Китае энциклопедия – Энциклопедия годов правления Юнлэ (*Юнлэ дадянь*), в 1911 г. в библиотеку было доставлено более 8 тыс. уникальных свитков-цзюаней тибетско-буддийских текстов, обнаруженных в пещерном храмовом комплексе в Дуньхуане. А вообще за короткий период с 1909 г. по 1911 г. в фонды учреждения поступило 151 475 единиц хранения, при этом 28 тыс. – старопечатные книги [12, с. 80].

Параллельно с открытием Пекинской библиотеки шла работа по созданию книгохранилищ в провинциях. Примечательно, что некоторые библиотеки появились там еще до образования самого Сюэбу, но большая их часть была основана как раз в период с 1908 г. по 1912 г. – всего 18 [24, с. 71].

Эффективная работа Сюэбу обеспечивалась надежным финансированием. Начиная с 1906 г. на нужды Ведомства ежегодно ассигновывалось 50 тыс. лянов серебра. Кроме этого, провинциальным управлениям по образованию приказывалось максимально контролировать расходы, а излишки направлять в Сюэбу, которое распределяло их уже в рамках всегосударственного финансирования образования. Средства, в частности, направлялись в наиболее отдаленные, неблагоприятные и бедные районы государства (провинции Аньхой, Гуйчжоу, Синьцзян), где открывались школы и классы элементарного образования для всех желающих [21, с. 86]. Так власти пытались содействовать повышению уровня грамотности своих подданных и обеспечению равного доступа к получаемым знаниям¹². Кроме этого, несмотря на упразднение системы «кэцзюй», Сюэбу продолжало премировать наиболее отличившихся выпускников государственных учебных заведений (в свое время Либу щедро награждало победителей государственных экзаменов) [23, с. 143].

Сюэбу в том виде, в котором его учредили в 1905 г., просуществовало до 1911 г., когда в ре-

¹² В 1907 г. в общей сложности было открыто 614 таких элементарных школ с количеством учащихся 18 222 человека, в 1909 г. количество учебных заведений этого типа увеличилось до 975, а учащихся – до 25 545 человек [21, с. 86].

зультате Синьхайской революции было преобразовано в Министерство образования (*Цзююй бу*). Китай вступил в новый период развития, в корне отличавшийся от монархического, что ставило перед китайским образованием новые задачи.

Такова была история первого в многовековой истории Китайской империи централизованного учреждения по делам образования – Ведомства по делам просвещения. Эта структура появилась в результате проводившихся в Цинском государстве во второй половине XIX вв. реформ по западному образцу, когда прогрессивное чиновничество, осознав ненадежность традиционных формы государственного правления и оценив военно-технический потенциал западных держав, пустилось в поиски новых путей развития своего государства. Хотя проведенные реформы не смогли обеспечить независимость Китая или усилить его настолько, чтобы он мог эффективно противостоять колониальным державам, они, тем не менее, способствовали развитию международных контактов Цинской империи, что делало процесс изучения иностранного передового опыта более успешным.

Ведомство по делам просвещения, созданное уже в поздний период династии Цин, являлось одной из важнейших государственных структур в китайском государственном аппарате, отвечавших за реализацию образовательной политики в рамках всей империи. Это был первый опыт и от его успеха во многом зависело то, насколько новое образование, пришедшее на смену государственным экзаменам «кюцзюй», будет воспринято и поддержано китайским обществом.

Власти уделяли большое внимание поддержке образования, весьма тщательно подходя к различным аспектам его организации. Процесс создания новой структуры занял длительное время: шел поиск наиболее оптимальных вариантов – от реализации образовательной политики на базе Пекинского университета (по примеру французской, английской и отчасти российской модели), до создания централизованного специализированного ведомства, которым стало Сюэбу. На службу туда зачислялись высокопрофессиональные специалисты – представители новой интеллигенции, его руководителями становились авторитетные политические и государственные деятели из прогрессивного крыла.

Видно, что новая структура оказалась способной последовательно реализовывать основы образовательной политики в пределах всего государства. Большое значение в этом смысле имели инициативы по созданию образовательных округов, назначению туда инспекторов, унификации

дидактической базы обучения. При разработке образовательной политики Сюэбу исходило из нужд реформ, уделяя особое внимание вопросам развития практического образования. Выпускники специализированных учебных заведений включались в процесс модернизации государства.

Однако даже при таком новаторском подходе к разработке образовательной политики и формированию кадрового резерва в работе ведомства иногда возникали трудности, вызванные активной борьбой прогрессистов и консерваторов. Назначенный в 1906 г. на пост министра Сюэбу известный организатор образования, ученый, видный государственный деятель, активный сторонник модернизации Чжан Чжидун (1837–1909) с целью сохранения культурного наследия предложил начать воссоздание классических школ, где бы изучались канонические произведения древности, – Цуньгу сюэтан (Историко-филологический институт) (подробнее об этом см: [13, с. 85–88]). Открыв такую школу у себя в провинции Хубэй (до назначения он служил там губернатором), министр хотел распространить эту практику и на другие районы, однако попытка эта оказалась неудачной. Тенденции к обновлению китайского общества и государства были слишком сильны и принимать идею создания конфуцианских школ, от которой отказались только год назад (1905 г.), никто не хотел.

Стоит также признать, что и к реализации самих инициатив по модернизации образования пекинские администраторы подключились довольно-таки поздно. В той же Российской империи первые попытки создания всероссийской системы образования, объединившей воедино все учебные заведения под эгидой Министерства народного просвещения, были предприняты на тот момент более века назад – в начале 1803 г., когда по рассмотрению доклада «об устройении училищ и распространении наук в империи Нашей» император Александр I признал «за нужное утвердить предварительные правила народного просвещения» [8, док. 1, с. 21].

В целом реформы в области образования в Цинской империи конца XIX – начала XX вв. и учреждение ведущего ведомства по делам просвещения сыграли заметную роль в развитии Китайского государства. Отказ от традиционной политики по подготовке кадров, основанной на государственных экзаменах «кэцзюй», и приоритетное внимание новому практическому обучению обеспечили модернизацию различных отраслей государства, вели к преобразованию идейно-политических и мировоззренческих основ китайского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Biggerstaff, K., 1961. The earliest modern government schools in China. New York: Cornell University Press.
2. Бруннерт И.С., Гагельстром В.В. Современная политическая организация Китая. Пекин: типография Успенского монастыря при Российской духовной миссии, 1910.
3. Бэйцзин цзян яо шэ сюэбу (В Пекине должны учредить Ведомство по делам просвещения) // Да гун бао (№ 596), 25 февраля 1904 г. С. 4об.
4. Ван Ди. Цин мо цзиньдай сюэтан хэ сюэшэн шулян (Количество учебных заведений нового типа и количество обучавшихся в них учеников в поздние годы династии Цин) // Шисюэ юэкань. 1986. № 2. С. 75-88.
5. Ван Ди. Цин мо синьчжэн юй цзиньдай сюэтан дэ синци (Новая политика в поздние годы династии Цин и зарождение учебных заведений нового типа) // Цзиньдай ши яньцзю. 1987. № 3. С. 245-270.
6. Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Восточная литература, 1999.
7. Воскресенский Д.Н. Человек в системе государственных экзаменов // История и культура Китая. М.: Наука, 1974.
8. Высшая школа Санкт-Петербурга XIX – начало XX века. Сборник документов. СПб.: Лики России, 2007.
9. Гуань Сяохун. Вань цин сюэбу дэ юньнян чаньшэн (Зарождение и появление Ведомства по делам просвещения в позднецинский период) // Лиши яньцзю. 1998. № 2. С. 75-88.
10. Гуань Сяохун. Вань цин сюэбу чэнли цянъ дэ чжунъян цзяоюй синчжэн цзигуо яньгэ (Эволюция административной центральной образовательной структуры до учреждения Ведомства по делам просвещения в позднецинский период) // Цзиньдай ши яньцзю. 1998. № 4. С. 89-105.
11. Гуань Сяохун. Вань цин сюэбу яньцзю (Исследования Ведомства по делам просвещения в позднецинский период). Гуанчжоу: Гуанчжоу цзяоюй чубаньшэ, 2000.
12. Гуань Сяохун. Вань цин сюэбу юй цзиньдай вэньхуа шиэ (Ведомства по делам просвещения в позднецинский период и культурное дело в Новое время) // Чжуншань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2000. № 2. С. 78-83.
13. Гуань Сяохун. Чжан Чжидун юй вань цин сюэбу (Чжан Чжидун и Ведомство по делам просвещения в позднецинский период) // Лиши яньцзю. 2000. № 3. С. 80-91.

14. Гуансюй чао дунхуа лу (Хроники близ ворот Дунхуа периода правления императора Гуансюй). Т. IV. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1958.

15. Ли Цзянюань, Ян Лэ. Люэлунь янью юньдун шици чжунго гаодэн цзяюй чжиду дэ бяньгэ (Реформы системы высшего образования в Китае в период Движения по усвоению заморских дел) // Гаоцзяо таньсо. 2006. № 6. С. 9-13.

16. Лян Цичао. Лунь бяньфа бу чжи бэнь юань чжи хай (О вреде незнания первооснов при проведении реформ) // Чжунго цзиньдай ши цзыляо цунькань. Усюй бяньфа. Шанхай: Шэньчжоу гогуан шэ, 1953.

17. Ли Юй. Шишу вань цин сюэбу дуй шиэ цзяюй дэ туйдун (Анализ продвижения практического образования Ведомством по делам просвещения в поздние годы династии Цин) // Шиань чжие цзишу сюэюань сюэбао. 2005. № 2. С. 23-25.

18. Сунь Чуньчжи. Люэлунь янью юньдун юй чжунго цзяюй цзиньдайхуа (Описание Движения по усвоению заморских дел и модернизация образования в Китае) // Шаньси дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 1996. № 3. С. 91-95.

19. Усюй бяньфа данъань шиляо (Архивные источники по реформе года «усюй» [1898]). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1958.

20. Фань Цин. Вань цин сюэбу дуй чжунго цзиньдай цзяюй дэ гунсянь (Вклад цинского Ведомства по делам просвещения в образование в Китае в Новое время) // Ханьдань шичжуань сюэбао. 2001. № 4. С. 15-21.

21. Цин мо чоубэй лисянь данъань шиляо (Архивные материалы по подготовке к конституционным преобразованиям в конце династии Цин). Т. I. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1979.

22. Цин ши гао (Черновая история династии Цин). Т. XII. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1976.

23. Цинь Лихун. Лунь вань цин сюэбу дэ фачжань (О развитии Ведомства по делам просвещения в позднецинский период) // Цзяюй пинлунь. 2013. № 2. С. 141-143.

24. Чжай Чжихун. Сюэбу юй во го сяньдай тушугуань чуанцзянь (Ведомство по делам просвещения и создание современных библиотек в Китае) // Синь шицзи тушугуань. 2010. № 4. С. 68-71.

25. Чжан Дэцзэ. Циндай гоцзя цигуань каолюэ (Разыскания о системе государственной власти в цинский период). Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2001.

26. Чжан Юньцзюнь. Вань цин сюэбу юй цзиньдай цзяокэ шу дэ шэньдин (Ведомство по делам просвещения в позднецинский период и утверждение учебных пособий в Новое время) // Лиши данъань. 2011. № 1. С. 84-103.

27. Чжунго цзиньдай сюэчжи шиляо (Исторические материалы по системе образования в Ки-

тае в Новое время). Второе издание. Т. I. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1987.

28. Чжунго цзиньдай ши цзыляо хуэйбянь. Цзяюй синчжэн цигоу цзи цзяюй туаньти (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образовательная административная структура и образовательные коллективы). Шанхай: Шанхай цзяюй чубаньшэ, 2007.

29. Чжунго цзяюй ши яньцзю. Цзиньдай цзяюй (Исследования истории образования в Китае. Раздел: Новое время). Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2009.

30. Чэнь Цзинпань. Чжунго цзиньдай цзяюй ши (История образования в Китае в новое время). Пекин: Жэньминь цзяюй чубаньшэ, 1979.

REFERENCE

1. Biggerstaff, K., 1961. The earliest modern government schools in China. New York: Cornell University Press.

2. Brunnert, I.S., Gagel'strom, V.V., 1910. Sovremennaya politicheskaya organizatsiya Kitaya [Modern political organization of China]. Pekin: Tipografiya Uspenskogo monastirya pri Rossiyskoy dukhovnoy missii. (in Russ.)

3. 北京将要设学部// 大公报, 1904年2月25日 (596号), p. 4. (in Chinese)

4. 王笛, 1986. 清末近代学堂和学生量// 史学月刊. 第2期, pp. 75-88. (in Chinese)

5. 王笛, 1987. 清末新政与近代学堂的兴起// 近代史研究. 第3期, pp. 245-270. (in Chinese)

6. Volkov, S.V., 1999. Sluzhylie sloi na traditsionnom Dal'nem Vostoke [Serving classes in the traditional Far East]. Moskva: Vostochnaya Literatura. (in Russ.)

7. Voskresensky D.N, 1974. Chelovek v sisteme gosudarstvennykh ekzamenov [A person in the system of state examination]. In: Istoriya i kul'tura Kitaya. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Vysshaya shkola Sankt-Peterburga 19 – nachalo 20 veka. Sbornik dokumentov [High schools of Saint-Petersburg in the 19th – early 20th century. Collection of documents]. Sankt-Peterburg: Liki Rossii, 2007. (in Russ.)

9. 关晓红, 1998. 晚清学部的酝酿产生 // 历史研究. 第2期, pp. 75-88. (in Chinese)

10. 关晓红, 1998. 晚清学部成立前的中央教育行政机构沿革 // 近代史研究. 第4期, pp. 89-105. (in Chinese)

11. 关晓红, 2000. 晚清学部研究. 广州: 广东教育出版社. (in Chinese)

12. 关晓红, 2000. 晚清学部与近代文化事业 // 中山大学学报 (社会科学版). 第2期, pp. 78-83. (in Chinese)

13. 关晓红, 2000. 张之洞与晚清学部 // 历史研究. 第3期, pp. 80-91. (in Chinese)
14. 光绪朝东华录. 第4册. 北京: 中华书局, 1958. (in Chinese)
15. 李江源, 扬乐, 2006. 略论洋务运动时期中国高等教育制度的变革 // 高等探索. 第6期, pp. 9-13. (in Chinese)
16. 梁启超, 1953. 论变法不知本源之害 // 戊戌变法. 中国近代史资料丛刊. 第4册. 上海: 神州国光社. (in Chinese)
17. 李玉, 2005. 试述晚清学部对实业教育的推动 // 十堰职业技术学院学报. 第2期, pp. 23-25. (in Chinese)
18. 孙春芝, 1996. 略论洋务运动与中国教育近代化 // 山西大学学报 (哲学社会科学版). 第3期, pp. 91-95. (in Chinese)
19. 戊戌变法档案史料. 北京: 中华书局, 1958. (in Chinese)
20. 樊清, 2001. 晚清学部对中国近代教育的贡献 // 邯郸师专学报. 第4期, pp. 15-21. (in Chinese)
21. 清末筹备立宪档案史料. 上册. 北京: 中华书局, 1979. (in Chinese)
22. 清史稿. 第12册. 北京: 中华书局, 1976. (in Chinese)
23. 秦莉红, 2013. 论晚清学部的发展 // 教育评论. 第2期, pp. 141-143. (in Chinese)
24. 翟志宏, 2010. 学部与我国现代图书馆创建 // 新世纪图书馆. 第4期, pp. 68-71. (in Chinese)
25. 张德择, 2001. 清代国家机关考略. 北京: 学苑出版社. (in Chinese)
26. 张运君, 2011. 晚清学部与近代教科书的审定 // 历史档案. 第1期, pp. 84-103. (in Chinese)
27. 中国近代学制史料, 1987. 第二辑, 上册. 上海: 华东师范大学出版社. (in Chinese)
28. 中国近代教育史资料汇编. 教育行政机构及教育团体. 上海: 上海教育出版社, 2007. (in Chinese)
29. 中国教育史研究. 近代卷. 上海: 华东师范大学出版社, 2009. (in Chinese)
30. 陈景磐, 1979. 中国近代教育史. 北京: 人民教育出版社. (in Chinese)

ТЕКСТЫ ПО ДАОССКОЙ АЛХИМИИ ДЛЯ ЖЕНЩИН ИЗ СОБРАНИЯ ХЭ ЛУНСЯНА: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена исследованию сочинений из коллекции даосского деятеля начала XX в. Хэ Лунсяна «Собрание работ по женской алхимии» (*Нюй дань хэ бянь*). В работе дается краткая характеристика вошедших в собрание источников, обсуждаются вопросы их авторства и происхождения. Особое внимание при анализе текстов уделяется даосским методам самосовершенствования для женщин и связанным с ними философско-религиозным представлениям.

Ключевые слова: Китай, даосизм, алхимия, Хэ Лунсян

Texts on the Taoist alchemy for women from He Longxiang's collection: an attempt of historical analysis. IRINA V. BELAYA (Independent researcher, Kursk, Russia)

The article investigates the works from the «Collection of female alchemy» (*Nüdan hebian*) by He Longxiang, an early XXth century Taoist figure. The paper gives a brief description of the sources included in the collection, discussing their authorship and origin. Special attention in the analysis of texts is paid to Taoist methods of self-improvement for women and related philosophical and religious ideas.

Keywords: China, Taoism, alchemy, He Longxiang

В 1906 г. при поддержке влиятельного даосского монастыря Эрсяньань (г. Чэнду) было издано самое большое собрание сочинений о женском мастерстве внутренней алхимии под названием «Собрание работ по женской алхимии» (*Нюй дань хэ бянь*)¹. На протяжении многих лет эти тексты собирал китайский эрудит и ученый из Цзиньяня по имени Хэ Лунсян, ища разрозненные работы о женской практике по даосским обителям в провинции Сычуань². Некоторые сочинения по «женской алхимии» стали известны нам благодаря усилиям этого даосского

деятеля. Приведенные Хэ Лунсяном в содержании коллекции сведения позволяют определить локальное происхождение вошедших в нее текстов – горы Эмэйшань, Суйшань, Цинчэншань, окрестности Пуяна, Чэнду, Пэншуй, Цзиньяня, а также географический ареал их распространения – провинция Сычуань. Коллекция Хэ Лунсяна имеет большую ценность для исследования даосских источников эпохи Цин (1644-1911), результаты которого могут дополнить знания по истории китайской культуры, философии, религии и медицины.

О важности вошедших в «Собрание работ по женской алхимии» источников свидетельствует их включение в современное собрание даосских текстов «Даосские книги, не вошедшие в Дао цзан» (*Цзан вай дао шу*) [25, т. 7, т. 10, т. 11, т. 26]. Также, некоторые тексты из «Собрания работ по женской алхимии» были снабжены комментариями и переизданы под названием «Избранные произведения из “Собрания работ по женской алхимии” с комментариями» (*Нюйдань*

¹ «Женская алхимия» (*нюй дань*) – символическое обозначение специального комплекса даосских методов, учитывающих специфику женского организма и направленных на его преобразование с целью обретения статуса небожительницы (*нюй сянь*) и получения ранга в Ином мире.

² Об истории создания этой коллекции и предисловии Хэ Лунсяна к «Собранию работ по женской алхимии» см.: [5; 14].

* БЕЛАЯ Ирина Витальевна, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Курск.

E-mail: belaya-irina@rambler.ru

© Белая И.В., 2016

хэбянь сюаньчжэ) в 1991 г. под редакцией Цю Сяобо и Цзян Хуна [20], и в сборнике работ по «женской алхимии» «Хрестоматия по женской алхимии» (*Нюйдань цзинь*) под редакцией Тао Бинфу в 1989 г. [21, с. 1-188]. В настоящее время многие из сочинений, входивших в эту коллекцию, присутствуют в составе различных изданий, посвященных методам «пестования жизни» (*ян шэн*) и оздоровительным практикам для женщин под названием «дыхательные упражнения для женщин» (*нюй цзы ци гун*). Последнее и самое полное на данный момент переиздание сочинений по «женской алхимии» в двух томах, включающее тексты из «Собрания работ по женской алхимии», было осуществлено в 2012 г. под названием «Женская алхимия как учение о дороге в мир небожителей» (*Нюйдань сянь дао*) [19].

Согласно «Малому словарю по даосизму» (*Дао цзяо сяо цы дянь*), это книжное собрание состояло из 18 текстов в 19 цзюанях³ [18, с. 138]. В него входили: 4 теоретических сочинения (книги-основы *цзин*), 6 сочинений практического характера (*цзюэ*, *цзэ*) и 8 поэтических сборников (*ши*)⁴, 5 из которых снабжены прозаическими комментариями. Из 18 сочинений присутствующих в *Нюйдань хэбянь* 12 работ были собраны почти столетием ранее настоятелем даосской обители Циньянгуна (расположена на территории пров. Сычуань в г. Чэнду) Фу Цзиньцюанем (1765-1845), но только 7 из них вошли в его коллекцию «Важнейших методов [очищения] золота и киновари для женщин» (*Нюй цзинь дань фа яо*) [25, т. 11, с. 512-541].

1. *Нань нюй дань гун и тун бянь* («Обсуждение различий и общих черт в алхимическом мастерстве мужчин и женщин») [25, т. 26, с. 448-455].

³ Е. Валусси называет другую цифру – 14 сочинений, исключая *Кунь юань цзин*, *Кунь нин цзин*, *Цзю пинь лян хуа цзин* и *Нюй сю чэн ту*. Она так же объединяет обе части «Собрания поэтических произведений о женской алхимии» (*Нюйдань ши цзи*) под одно общее название «Первая и вторая части “Собрания поэтических произведений о женской алхимии”» (*Нюйдань ши цзи цян хуа*) и добавляет к списку источник «Введение в малое искусство неправильных школ» (*Пан мэнь сяо шу сяо инь*) [14, р. 266].

⁴ Ссылки на источники указаны по современному изданию даосских сочинений «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*» [25], где они могут входить в состав других сочинений под другими названиями, что оговорено отдельно. Некоторые тексты «женской алхимии» не вошли в состав *Цзан вай Дао шу*, в таком случае ссылка будет дана на сочинения из «Собрания работ по женской алхимии» в составе других сборников. Так же с текстами сочинений из «Собрания работ по женской алхимии» на китайском языке можно ознакомиться в приложении к диссертационному исследованию С. Нэсвальд [12, р. 441-562].

Одно из ключевых сочинений по «женской алхимии». Предисловие к нему датировано 1903 г. Автором этой работы была Янь Цзэхуань⁵ (ф. 1880-1906), *нюй-ши* из Чжюяна (округ Хуаян, пров. Сычуань), а редактором Хэ Вэйле из Сяньцзина (расположен между Жэньшоу и Цзиньянем, пров. Сычуань). Как объясняет в предисловии Янь, поводом для ее переселения к горам Эмэйшань, где она заинтересовалась «женской алхимией» и составила это сочинение, стали волнения и беспорядки в Яньцине, вызванные «Боксерским восстанием». Текст посвящен описанию различий в мужской и женской практике «внутренней алхимии». Основные положения подкреплены цитатами из других даосских источников, касающихся проблем гендерного совершенствования (напр. «Разъяснение трудностей во возвращении совершенства» (*Сю чжэнь бянь нань*) [25, т. 8, с. 467-492] Лю Имина⁶, «Главы о трех жизненных силах» (*Сань мин пян*), «Десять правил правильного пути женского совершенствования, [по традиции] Матушки-владычицы Запада» (*Си-ван-му нюй сю чжэнь ту ши цзэ*) [25, т. 10, с. 533-540]⁷ и др.). По сути, работа представляет собой ком-

⁵ Е. Валусси предполагает, что Янь Цзэхуань помогала Хэ Лунсяну редактировать «Собрание работ по женской алхимии» и даже дала название этой коллекции [14, р. 248]. Хотя мы склонны рассматривать это скорее как гипотезу. Если предположить, что это могло быть так, тогда возможно и то, что под фамилией другой женщины, Хэ Вэйле, которая помогала Янь редактировать *Нань нюй дань гун и тун бянь*, скрывался сам Хэ Лунсян.

⁶ *Сю чжэнь бянь нань* («Рассуждение о трудностях при возвращении совершенства») [25, т. 8, с. 467-492] датируется 1798 г. Представляет собой ответы Лю Имина (1734-1821), одиннадцатого патриарха школы Лунмэнь (Врата дракона), на вопросы его учеников, посвященные различным аспектам практики внутренней алхимии (*нэй дань*). Из 120 вопросов, обсуждающихся в сочинении, в вопросах 91-95 [25, т. 8, с. 486-487] затрагиваются проблемы женского самосовершенствования [15, р. 166-167].

⁷ «Десять правил правильного пути женского совершенствования, [по традиции] Матушки-владычицы Запада» (*Си-ван-му нюй сю чжэнь ту ши цзэ*) [25, т. 10, с. 533-540]. Одно из самых ранних самостоятельных произведений по «женской алхимии». Записано в даосской обители в горах Цзиньгайшань в 1799 г. О традиции «женской алхимии», связанной с этой местностью, и данном сочинении заинтересованный читатель может прочесть в наших статьях [3; 4]. Подробное исследование даосизма в горах Цзиньгайшань и перевод «Си-ван-му нюй сю чжэнь ту ши цзэ» представлены в диссертации М. Эспозито [11].

пиляцию фрагментов из разных источников по «женской алхимии», вошедших в «Собрание работ по женской алхимии», особенно из таких сочинений как «Сводные разъяснения женской алхимии» (*Нюй дань хуэй цзе*) и «Суть женской алхимии» (*Нюй дань цо яо*). Современные комментарии к этому тексту выполнил даосский наставник Чэнь Иннин (1880-1969) в «Учении о Дао для женщин: собрание работ» (*Нюй цзы дао сюэ сяо цун шу*) (1935-1939 гг.) [24, с. 63-76].

2. «Цяо-ян цзин» *нюй гун сю лян* («Женское мастерство совершенствования и очищения из «Книги-основы Цяо-яна»»). Под одноименным названием эта работа представлена в собрании «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*» (*Цзан вай дао шу*) [25, т. 26, с. 428]. Изначально текст имел заголовок «Женское мастерство совершенствования и очищения» (*Нюй гун сю лян*) [25, т. 11, с. 660] и входил в 1 цз. антологии сочинений по «внутренней алхимии» «Книга-основа Цяо-яна» (*Цяо-ян цзин*) [25, т. 11, с. 652-662], которую составил Фу Цзиньцюань. Как указано в предисловии к этой антологии, Цяо-ян, или Цяо-ян-цзы – это прозвище даосского деятеля Лю Юя (1257-1308), возродившего в эпоху Юань даосское учение Чистого и ясного пути преданности и сыновней почтительности (Цзин-мин чжун-сяо дао) [13, р. 177]. Вероятно, это прозвище Лю Юй заимствовал у своего наставника Сюй Суня (ок. 239-292) – полубогородного основателя этой школы, который был родом из Цяояна.

Как гласит традиция, это краткий текст (по версии из собрания «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*», т. 11 в составе «Книги-основы Цяо-яна» – 253 иероглифа, как самостоятельное произведение из собрания «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*», т. 26 – 271 иероглиф) был передан полубогородным даосским наставником Люй Дунбином (Патриархом Люем, по прозвищу «Чистый свет», Чуньян Люй цзу) даосскому учителю Фу Цзиньцюаню, однако не был включен Фу Цзиньцюанем в коллекцию «Важнейших методов [очищения] золота и киновари для женщин» (*Нюй цзинь дань фа яо*). Эта работа посвящена описанию метода «Великое *иньское* начало очищает тело» (*тай инь лян син*). Его целью является преобразование женского тела через «обезглавливание Красного дракона» с помощью массажа груди и дыхательных упражнений. Описанный в сочинении метод был взят за основу женского совершенствования и впоследствии дополнялся деталями или цитировался полностью в других источниках, посвященных женской практике.

3. *Нюй цзинь дань* («Золото и киноварь для женщин»)⁸ в 2 цз. [25, т. 26, с. 418-427].

Как считают некоторые специалисты, это сочинение было написано в Западном павильоне Спящих облаков (*Во юнь си сюань*), в Юйдаиси, что находится в южной части района Цзиньню г. Чэнду, к юго-западу от храма Манчжуши (пров. Сычуань). Автором этой работы был даосский деятель Юн Чжун по прозвищу Чжэнь-и-цзы [12, р. 6, п. 11]. По другим предположениям, Юнчжун – это название местности, из которой был родом Чжэнь-и-цзы [10, р. 206]. Существует также гипотеза, что Чжэнь-и-цзы было прозвищем не мужчины, а женщины [12, р. 301, п. 352]. Согласно предисловию, которое датировано 1892 г., Чжэнь-и-цзы записал наставления в «женской алхимии» по просьбе женщин-даосок (*кунь нюй*), которые расспрашивали его о Пути-Дао. Первая часть содержит 12 уставных правил (*гуй цзе*) в форме запретов. Вторая часть – «Изустные наставления» (*коу цзюэ*) детально описывает женскую практику, разделенную на 24 ключевых темы, такие как «Сдерживание сердца» (*шоу синь*), «Вращивание внутренней природы» (*ян син*), «Вращивание дыхания-ци» (*ян ци*), «Сосредоточение духа» (*нин шэнь*), «Три жизненные силы» (*сань мин*), «Пещера ци» (*ци сюэ*), «Знание времени» (*чжи ши*), «Обезглавливание дракона» (*чжань лун*), «Нивелирование [женского] тела» (*син инь*), «Поиск киновари» (*цю дань*), «Очищение себя» (*лян цзи*), «Как передвигать вперед и вспять [киноварное начало]» (*шунь ни*), «Как рождается киноварь» (*дань шэн*), «Собирание снадобья» (*цай яо*), «Смешивание киновари» (*хэ дань*), «Огневой режим» (*хо хоу*), «Подогревание и насыщение» (*вэнь ян*), «Эмбриональное дыхание» (*тай си*), «Вычисление» (*ду шу*), «Формирование эмбриона» (*то тай*), «Кормление грудью» (*жун бу*), «Созерцание стены» (*мянь би*) и «Вознесение ввысь» (*чун цзюй*) [14, р. 270]. Каждая тема предваряется семисложным четверостишьем, за которым следует его детальное обсуждение.

Согласно «Золоту и киновари для женщин», прежде чем начать практику, женщина должна добиться контроля над своими чувствами и желаниями, следуя 12 предписаниям, что приведет к успокоению сердца. Если ее сердце спокойно, то она может сконцентрироваться на своей внутренней природе (*син*) и начать вращивать дыхание-ци и дух-шэнь. Далее она должна обратить внимание на три области в своем теле, в которых берет начало женская жизненная сила (*мин*). Сосредоточив-

⁸ «Золото и киноварь» – регулярное для китайской культуры обозначение даосской алхимии.

шись на источнике возникновения *ци*, она сможет предугадать наступление месячных и начать работу по их устранению («обезглавливать дракона» *чжань лун*), еще до их начала. Когда «дракон обезглавлен», ее тело претерпевает изменения, теряя внешние половые различия, и становится более андрогинным. Используя *ци* от преобразованной крови, она может приступить к созданию киновари (*дань*). Через последовательные этапы самопреобразования даоска создает «бессмертный эмбрион» и готовится к его «рождению» через макушку головы. Заключительная стадия вскармливания ее нового бессмертного тела требует от нее полной отрешенности от мира и сосредоточения на выводе духа-*шэнь* за пределы старого тела, который должен подняться на Небеса [14, р. 270-271].

Текст дополняет и развивает идеи четырнадцати поэм из «Поучений Изначальной владычицы Сунь Буэр» (*Сунь Буэр юань цзюнь фа юй*) [25, т. 10, с. 805-806] и приводит цитаты стихотворных строк из этого источника. Помимо указанных фрагментов в «Золото и киноварь для женщин» включен метод «Великое *иньское* начало очищает тело» (*тай инь лян син*) из работы «Женское мастерство совершенствования и очищения из “Книги-основы Цяо-яна”». Подробные разъяснения методов «женской алхимии» Чжэнь-и-цзы подкрепляет изречениями даосских деятелей и патриархов, восходящих к школе Совершенной истины (Цюаньчжэнь). Особым авторитетом у Чжэнь-и-цзы пользуются четыре полубогородительных патриарха этого учения – Ли Нивань, Чжунли Цюань, Люй Дунбинь и Лю Хайчань. Помимо них в источнике встречаются высказывания реальных лидеров различных субтрадиций школы Совершенной истины – от наставников, стоявших у истоков этого движения – Ма Даньяна (1123-1183) и Лю Чаншэна (1147-1203), до основателей школы У-лю пай – У Шоуяна (1573-1644) и Лю Хуаяна (ок. 1736). Все это дает нам основание полагать, что работа «Золото и киноварь для женщин» была создана даосским деятелем, принадлежавшим к школе Совершенной истины. При комментировании отдельных глав Чжэнь-и-цзы обращается к философскому наследию Мэнцзы и Чжуанцзы. Обсуждение, анализ и перевод фрагментов этого источника выполнены Сарой Нэсвальд [12].

4. *Нюй дань цо яо* («Суть женской алхимии») [25, т. 11, с. 512-514].

Происхождение этого сочинения приписывается даосскому наставнику Фу Цзиньцюаню. Оно открывает его коллекцию «Важнейших методов [очищения] золота и киновари для женщин», в составе которой приведено без названия. Текст

начинается с описания космологических различий между мужчиной и женщиной в терминологии «Книги Перемен» (*И цзин*), затем переходит к обсуждению внутренней топографии мужского и женского тела, отводя особую роль груди в женской практике. В работе описываются физиологические изменения женского организма, начиная от зачатия до 49 лет, и рекомендуется преобразование женской конституции с помощью метода «Великое *иньское* начало очищает тело» (*тай инь лян син*), включая его подробное описание⁹. Следуя изустным наставлениям учителя и выполняя метод *Тай инь лян син*, через три-пять лет, как утверждает источник, женщина сможет обрести Дао. Текст был переведен на английский язык Дугласом Вайлом [16, р. 202-204].

5. *Ху тьянь син го нюй дань ши цзэ* («Десять правил женской алхимии [с помощью которых обретается] плод внутренней природы Волшебного мира»), более известное под своим кратким названием *Нюй дань ши цзэ* («Десять правил женской алхимии») [25, т. 26, с. 455-465].

У этой работы отсутствует предисловие, также неизвестна и дата ее написания. Текст восходит, согласно традиции, к древнему Будде Чистой радости (Цин-ле гу-фо) с гор Хуацзаншань. Это одно из основополагающих сочинений по «женской алхимии», разъясняющее этапы и принципы женского совершенствования в десяти главах. Оно начинается с упражнений по очищению женского тела и преобразования дыхания-*ци* и постепенно доходит до стадии проявления бессмертного духа даоски, которая описана в главе «О том, как отделить дух и вывести из [телесной] оболочки» (*и шэнь чу кэ*). Результатом прилежного исполнения упражнений и предписаний станет обретение Дао-Пути, вознесение на Небеса и получения ранга небожительницы (глава «О том, как постичь Дао и обрести Совершенство» *ляо дао чэн чжэнь*). Главы «О том, как пестовать Совершенство и преобразовать [кровь] в дыхание-*ци*» (*ян чжэнь хуа ци*), «О том, как девятью круговращениями [дыхания-*ци*] очистить тело» (*цзю чжуань лян син*), «О том, как применять огонь и амулет» (*юнь юн хо фу*), «О том, как применять эмбриональное дыхание» (*мо юнь тай си*) посвящены последовательному описанию методов преобразования «грязного» *иньского* тела даоски в «чистое» *янское*. Когда ее тело очищено, а «красная кровь превратилась в белое *ци*» она приступает к пестованию своей внутренней природы и нравственному совершенствованию.

⁹ С подробным описанием и переводом фрагмента из *Нюй дань цо яо*, разъясняющим метод *Тай инь лян син* можно познакомиться в нашей статье [6, с. 145-146].

ванию, в которое входит обязательное соблюдение шести заповедей-предписаний (*лю цзе*). Этой теме посвящены главы «О беспримерном усердии в обретении заслуг» (*гуан ли гун син*) и «О том, как непреклонно придерживаться [заповедей-предписаний]» (*чжи цзянь син чи*). После усвоения нравственных принципов даоска может начинать работу над созданием своего нового «бессмертного тела». Описание этой практики изложено в главе «О том, как приручать и вскармливать Изначальный дух» (*тяо ян юань шэнь*). После длительного процесса преобразования Изначальный дух (*юань шэнь*) становится чистым, уподобляясь «сосуду со льдом, в гранях которого играют лучи света», прозрачным, «как вода в осеннем пруду, в котором отражается диск полной луны». Во время заключительной стадии вскармливания бессмертного эмбриона, изложенной в главе «О том, как отделить дух и вывести из [телесной] оболочки» (*и шэнь чу кэ*) даоска погружается в состояние созерцания. Так же как плод тыквы, созрев, отделяется от стебля, так же и дух-шэнь – полностью сформировавшийся в новое бессмертное тело даоски, должен научиться покидать тело и возвращаться назад. Иначе, предупреждает источник, если дух не сможет оставить тело, после смерти человека он превратится в *гуя* – голодного призрака Загробного мира. В предпоследней главе этого сочинения, озаглавленной «Об ожидании спасения и вознесении в Небеса» (*дай ду фэй шэн*) содержатся разъяснения, почему женщина даже после завершения практики не может самостоятельно подняться на Небеса. Согласно источнику, несмотря на то, что ее тело стало *янским*, ее *иньская* природа еще не очищена до конца. Поэтому она должна продолжать накапливать заслуги и совершенствовать себя в добродетелях, ожидая, когда совершенномудрые сжалятся над ней и переведут на Иной берег. Завершается сочинение небольшой поэмой из восьми семисложных строк. Современные комментарии к этому источнику выполнил даосский наставник Чэнь Иннин [24, с. 36-46].

6. *Нюй гун лян цзи хуань дань ту шо* («Иллюстрированное разъяснение женского мастерства самоочищения и круговращения киновари») [25, т. 26, с. 428-432]

Согласно содержанию «Собрания работ по женской алхимии», эти наставления поведал в 1900 г. отшельник с гор Эр-эшань (Эр-эшань жэнь). Горы Эр-эшань – это старое название гор Суйшань. Текст снабжен иллюстрацией даоски, выполняющей созерцательные упражнения (см.: [5, с. 459, рис. 1]). Фундаментальное сочинение, посвященное практике «женской алхимии».

В нем содержатся разъяснения ключевых этапов алхимического преобразования женского тела, которое начинается с «обезглавливания Красного дракона» (*чжань чи лун*) и уменьшения груди¹⁰. После завершения метода «Великое *иньское* начало очищает тело», как гласит источник, «лицо женщины расцветет, словно цветок персика, а ее кожа станет белоснежной». Особое внимание при описании процесса алхимического преобразования внутренних «ингредиентов» киновари (*дань*) сосредоточено на «пещере в груди» (*жу фан сюэ*), «море крови» (*сюэ хай*) и других потаённых местах внутренней топографии женского организма, изображенных на рисунке. По окончании всех упражнений, изложенных в тексте, даоска должна дожидаться указа о вознесении на небеса, чтобы «навечно войти в семью Матушки-владычицы Запада (Си-ван-му)». Заканчиваются наставления поэмой Люй Дунбиня из 56 семисложных строк, посвященной женскому совершенствованию. Перевод этого сочинения на английский язык был выполнен Е. Валусси [13].

7. *Нюй дань хуэй цзе* («Сводные разъяснения женской алхимии») [25, т. 26, с. 433-447].

Считается, что это сочинение было передано Буддой Безграничного спасения (У-лян цюэ-фо) Старцу с запада от Луны (Юэ-си лао-жэнь). Как предполагает канадская исследовательница даосизма С. Нэсвальд, под прозвищем Юэ-си лао-жэнь скрывался составитель антологии работ Чжан Саньфэна¹¹ даосский деятель Ли Юаньчжи (1806-1856), который был так же известен как Ли Сиюэ [12, р. 7], однако, это предположение нуждается в серьезной проверке. «Сводные разъяснения женской алхимии» состоят из 11 поэм и прозаических рассуждений, объясняющих разные аспекты женского совершенствования, включая созерцательные практики, «женскую алхимию» и методы чань-буддизма [12, р. 7]. Наставления предваряются вступлением, в котором обсуждаются космологические и психофизиологические различия между мужчиной и женщиной, обуславливающие отличия в их практике. Среди авторов этого собрания наряду с персонажами даосского пантеона, такими как Матушка-владычица Нефритового пруда

¹⁰ Перевод фрагмента «Иллюстрированного разъяснения женского мастерства самоочищения и круговращения киновари», разъясняющего метод «обезглавливания Красного дракона», представлен в нашей статье [6, с. 146-147].

¹¹ Эта работа сохранилась до наших дней в составе современного книжного собрания «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*» под названием «Полное собрание сочинений учителя Чжан Саньфэна» (*Чжан Саньфэн сянь шэн цюань цзи*) в 8 цз. [25, т. 5, с. 378-638].

(Яо-чи ван-му, т.е. Си-ван-му) и Совершенный Белого лотоса (Бай-лянь чжэнь-жэнь), присутствуют будды и бодхисаттвы.

8. *Кунь цзюэ* («Наставления о женском начале-кунь») [25, т. 11, с. 539-541].

Согласно традиции, данное сочинение приписывается даосской наставнице школы Совершенной истины (Цюаньчжэнь) Сунь Буэр (1119-1182), подвижничество которой пришлось на эпоху Цзинь. Этот источник известен нам под таким же названием по собранию Фу Цзиньцюаня «Важнейшие методы [очищения] золота и киновари для женщин». Наставления состоят из семи кратких главок, разъясняющих классические принципы и категории даосского искусства «внутренней алхимии» такие как: «тигр и дракон», «свинец и ртуть», «иньское и янское ци» и т.д. в ракурсе женского самосовершенствования: «Подлинное описание наставлений» (*чжэнь чжуань ю цзюэ*), «[Что] необходимо знать о циклических знаках гэн и цзя» (*гэн цзя сюй чжи*), «Подробные разъяснения о том, как применять изученное» (*сюэ юн сян шо*), «Одновременное совершенствование внутренней природы и жизненной силы» (*син мин шуан сю*), «О тщательном различии наличия и отсутствия» (*шу бянь ю у*), «Желтые ростки и белый снег» (*хуан я бай сюэ*) и др. Во второй главе рекомендуется использовать метод «отсечения головы дракона» (*юн фа чжань лун чжи тоу*), однако его подробное описание не приводится. Завершаются наставления послесловием от лица Лин-ян-цзы (прозвище, под которым скрывалась Хэ Сяньгу).

9. *Нюй дань ши цзи цянъ пянь* («Первая часть “Собрания поэтических произведений о женской алхимии”») [21, с. 159-171].

Эта работа первоначально входила в собрание Фу Цзиньцюаня «Важнейшие методы [очищения] золота и киновари для женщин» под названием «Поэтические наставления сонма Совершенных» (*Цюнь чжэнь ши цзюэ*) [25, т. 11, с. 535-537]. Представляет собой подборку стихов, которые, согласно традиции, были написаны даосками, жившими в разные исторические эпохи. Включает в себя 3 поэмы, приписанные У Цайлуань (IV в.), 6 поэм – Фань Юньцюа (III в.), 6 поэм – Юэ Хуацуй, 4 поэмы – Тан Гуанчжэнь (XII в.), 5 поэм – Чжоу Сюаньцзин (XII в.). Перед каждым стихотворным циклом приводится краткое жизнеописание даосской подвижницы. Несмотря на то, что в сборнике приведены поэмы, написанные от лица даосок, проблематика «женской алхимии» в них не затрагивается. Стихи посвящены описанию опыта духовного постижения Дао, пере-

данного с помощью образов из даосской сотериологии и терминологии «внутренней алхимии». Перевод этого собрания на английский язык был осуществлен Т. Клири [9, р. 57-73]. Современные комментарии к поэмам выполнил даосский наставник Чэнь Иннин [24, с. 77-87]. Более полная информация о даосских подвижницах Тан Гуанчжэнь и Чжоу Сюаньцзин, детальный разбор поэм и критический анализ вопроса их авторства представлены в диссертационном исследовании Ян Лю [17, р. 246-257].

10. *Нюй чжэнь дань цзюэ* («Алхимические наставления для женщин [вступающих в ранг] Совершенных») [21, с. 183-188].

Состоит из трёх поэм по 40 семисложных строк каждая. Изложил Чэнь Юнцин из Пуяна, по прозвищу У-синь-цзы. Предисловие отсутствует, дата написания неизвестна.

Первая поэма, озаглавленная «Тайные наставления о том, как Великое *иньское* начало очищает тело» (*тай инь лянь син би цзюэ*), сосредоточивается на обсуждении космологических и психофизиологических различий между мужчинами и женщинами, постепенно углубляясь в тонкости мастерства «женской алхимии». Хотя в основе человеческого тела, пишет Чэнь Юнцин, находятся как *иньское* так и *янское* начала, они расположены по-разному в зависимости от пола: у мужчин жидкостное начало (*цзин е*) внутри *ян* содержит *инь*, а у женщин жидкостное начало внутри *инь* содержит *ян*. Поэтому женский путь совершенствования – через *иньское* начало пестовать *янское*, или, как говорится в наставлениях, «чтобы поймать Золотого ворона отправляйся возвращать Луну». Далее в поэме следует поэтическое описание процессов преобразования женского тела через образы и метафоры, присущие символическому языку «женской алхимии»: «отруби голову дракону» (*чжань дуань лун тоу*), «направь дыхание во дворец Пурпурно-мельчайшего (Цзы-вэй-гун)» и т.д., не углубляясь в их детальное разъяснение. Исполнение всех вышеуказанных упражнений приведет, как утверждает источник, к вызреванию в груди даоски совершенномудрого эмбриона (*шэн тай*) и появлению *янского* начала по прошествии семи дней. После прохождения этого этапа практика женщины станет тождественна мужской и тогда ей понадобится наставник для получения изустных наставлений (*коу цзюэ*), чтобы продолжить работу.

Вторая поэма озаглавлена «Тайные наставления о том, как трижды обезглавить Красного дракона» (*сань чжань чи лун би цзюэ*). В ней говорится, что женщина, которая решится возвращать

Совершенство (*сю чжэнь*), должна поднять «меч» и «обезглавить Красного дракона». Но для того, чтобы полностью посвятить себя практике, она будет вынуждена разорвать мирские привязанности – «отвернуться от мужа и пойти наперекор матери». Однако, предупреждается в поэме, изменить женское тело так же трудно, как «повернуть вспять течение вод Желтой реки». Для того, чтобы не допустить выливание наружу «квинтэссенции» (*цзин хуа*) дыхания-ци и крови, Красный дракон должен быть «обезглавлен» трижды. Чтобы *иньское* начало полностью исчезло и появилось *янское*, необходимо сосредоточить дальнейшую практику на дыхании. На начальном этапе работы с дыханием даоска должна «развести огонь в печи» и «сварить в котле Желтые ростки». Тогда пары горячего *ци* «взметнутся прямо вверх, до Небес», затем «ниспадут вниз по Многоэтажной башне», после чего «попадут в глиняный горшок». Наставления второй поэмы описывают процесс преобразования дыхания-ци через его постепенное нагревание в Киноварных полях – символических «печах» и «котлах», и прохождение по всему телу снизу-вверх, к голове («Небесам»), а затем обратно вниз через трахею («Многоэтажную башню») до особого места в груди. После этого автор переходит к вполне традиционным символам «внутренней алхимии», таким как «киноварь и ртуть», «серебро и свинец», которые даоске необходимо соединить по парам в груди согласно «сродству видов» (*тун лэй*). Результатом прилежной практики станет образование «золота и киновари», преобразование тела, «преодоление смерти и возвращение к жизни».

Третья, заключительная поэма называется «Тайные наставления для женщин, культивирующих Совершенство» (*нюй цзы сю чжэнь би цзюэ*). В ней заостряется внимание на предостережениях и запретах. Женщина, которая еще не познала свое сердце и внутреннюю природу, не должна никому передавать наставлений, изложенных в поэмах. Разглашение наставлений до окончания практики, предупреждает автор, может привести не только к небесной каре подвижницы, но и свести на нет уже достигнутые результаты – «утрате в печи Истинного свинца». Та же, которая успешно прошла большую часть пути, ни в коем случае не должна задерживаться на последнем этапе «вывода духа из тела», иначе «бушующее пламя безумия» поглотит ее. Соединив в груди мужское (*цянью*) и женское (*кунью*) начала, даоска должна поторопиться подняться на Небеса. Кроме того, нельзя сворачивать с Пути *сяней* к мирскому пути, принимать советы от замужних женщин, не изучавших Путь-

дао и следовать какой-либо иной практике, отличной от учения «женской алхимии». Нужно остерегаться мирских страстей, сохранять в сердце человеколюбие и сострадание и старательно различать истинное Дао от ложного. Только женщина, которая обуздала страсти своими природными качествами, всем сердцем мыслящая отправиться в Нефритовые чертоги (*яо тай*) сможет распространить эти наставления среди людей и разъяснить изложенное в них учение.

11. *Нюй дань яо янь* («Важнейшие поучения по женской алхимии») [20, с. 94-96; 12, р. 532-533].

Согласно традиции, это сочинение было передано полупоэтическим даосским наставником Люй Дунбином Фу Цзиньцюаню, однако не было включено в его коллекцию «Важнейших методов [очищения] золота и киновари для женщин». Источник отсутствует и в составе современного даосского собрания «Даосские тексты, не вошедшие в *Дао цзан*». Этот короткий текст описывает медитативные упражнения, массаж поясницы, живота, лица и других частей тела. «Важнейшие поучения по женской алхимии» – единственный среди «Собрания работ по женской алхимии» источник, который содержит рецепт приготовления облатки – даосского снадобья из разнообразных компонентов, напоминающего по форме шарик. Эта облатка состоит из девяти ингредиентов растительного происхождения, в состав которых входят спаржа, имбирь и грецкий орех. В дополнении к рецепту в тексте описан ритуал и молитва астральному божеству Тай-и¹², которыми должно сопровождаться принятие снадобья. Ингредиенты, входящие в состав облатки, обладают общеукрепляющим и омолаживающим действием на организм женщины. Если принимать это снадобье один месяц, то оно, согласно источнику, вернет волосам черный цвет, укрепит эссенцию-цзин и дух-шэнь и продлит годы жизни.

Некоторые зарубежные исследователи относят это сочинение к категории парных методов совершенствования [10, р. 212]. На первый взгляд может показаться, что в источнике действительно рекомендуется союз мужчины и женщины. Сердце женщины сравнивается с нераскрывшимся бутонотом лотоса, который не смо-

¹² Тай-и – Великий Единственный, почитался как даосское божество школой Высшей чистоты (Шанцин), в Древнем Китае получил статус астрального божества, а еще ранее – название созвездия и звезды. Другие даосские методы, связанные с визуализацией Тай-и, обсуждаются в монографии С.В. Филонова [8, с. 401-406].

жет дать плод без дождя и росы. В китайской культуре выражение «дождь и роса» является символом мужского начала-ян, репликой которого в организме мужчины выступает эссенция-цзин. Как в представлениях древнекитайских врачей, соединение *янского* начала – эссенции-цзин мужчины и *иньского* начала – крови женщины приводит к зачатию ребенка, так и в даосской «внутренней алхимии» соединение двух начал *инь* и *ян* – «свинца» и «ртути» ведет к получению «киновари» и созданию бессмертного тела даоса. Однако, под мужчиной в данном сочинении подразумевается не земной, а небесный, или скорее даже божественный супруг, с которым даосская подвижница вступает в ритуальный союз. Целью описанной в тексте практики является создание в теле даоски Великой киновари (*да дань*). Во время ритуала ее *иньское ци* соединяется с *янским* дыханием-ци, которое она вдыхает с лучами восходящего солнца. Это *ци* превращается в Нефритовую влагу (*юй е*) и смешивается с Золотой эссенцией (*цзинь цзин*) божества Тай-и, которая проникает в даоску через макушку головы, запуская алхимический процесс «зачатия» ее нового бессмертного тела. В завершении ритуала даоска должна написать божественный титул Тай-и и принять приготовленное снадобье. Судя по фрагментарности изложенных наставлений, мы можем предположить, что это произведение являлось частью другого даосского источника, на страницах которого и разъяснялась дальнейшая практика, которая, возможно, не имела женской специфики и поэтому не была включена в «Важнейшие получения по женской алхимии». Подробное исследование и перевод данного сочинения представлен в нашей публикации [6].

12. *Си чи цзи* («Собрание поэтических произведений “Западный пруд”») [20, с. 97-106].

Это собрание составил даосский наставник Фу Цзиньцюань. Изначально оно входило в коллекцию Фу Цзиньцюаня «Важнейшие методы [очищения] золота и киновари для женщин» под заглавием «Поэтические наставления в алхимии для женщин» (*Нюй дань ши цзюэ*) [25, т. 11, с. 532-534]. Сборник открывается предисловием от лица Чун-ян-цзы (Мудреца Двойного ян) – даосского деятеля XII в. Ван Чунъяна (1112-1170), основателя школы Совершенной истины (Цюаньчжэнь), завершается послесловием от лица Лин-ян-цзы (Хэ Сяньгу). «Западный пруд» – другое название Нефритового пруда (*Яо чи*), что находится во владениях Матушки-владычицы Запада (*Си-ван-му*). Собрание включает 18 поэм о «да-

осской алхимии», приписанных младшей дочери Си-ван-му (Матушки Металла, Цзинь-му) госпоже-владычице Предельного совершенства (Си-чи-цзинь-му шао-нью Тай-чжэнь ван фу-жэнь). Поэмы снабжены комментариями, восходящими, согласно традиции, к Хуэй-чунь-цзы (Люй Дунбиню) и другим даосским патриархам субтрадиции Цюаньчжэнь.

13. *Нюй дань ши цзи хоу пян* («Вторая часть “Собрания поэтических произведений о женской алхимии”») [21, с. 173-182].

Состоит из 18 стихотворений по четыре семисложных строки, каждое из которых сопровождается небольшим комментарием. Приписываются небожителям-сяням, буддам и Совершенным – Совершенному Белого лотоса (Бай-лянь чжэнь-жэнь), Совершенному Голубого облака (Цин-юнь чжэнь-жэнь), Будде великого милосердия и чистоты (Да-ци чунь-чжэнь фо) и т.д. Стихи посвящены различным аспектам мастерства «женской алхимии». Были издааны даосским наставником Фу Цзиньцюанем в печатне Цишаньтан, располагавшейся в Цяньчжуне (современный Пэншуй, пров. Сычуань), однако, не были включены им в состав «Важнейших методов [очищения] золота и киновари для женщин». Источник так же отсутствует и в современном собрании даосских текстов «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*».

14. *Кунь нин цзин* (Книга-основа об умиротворенности женского начала-кунь»), также упоминается как *Кунь нин мяо цзин* («Чудесная книга-основа об умиротворенности женского начала-кунь»). Этот источник представлен в собрании даосских текстов «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*» в составе «Важнейших методов [очищения] золота и киновари для женщин» даосского наставника Фу Цзиньцюаня [25, т. 11, с. 515-527]. Как известно из предисловия Хэ Лунсяна, это произведение так же входило в книжное собрание даосской обители Эрсяньань «Путь прозрения, определяемый женским началом-кунь».

Работа открывается предисловием от лица безымянной даосской монахини (*нюй гуань*), датированным 1743 г. Как считает Е. Валусси, женщина, которая написала предисловие, была также и автором самого этого произведения [14, р. 272, п. 65]. После предисловия следует введение, в котором излагается мифическая история появления «Книги-основы об умиротворенности женского начала-кунь». Согласно сюжету, по высочайшему повелению Изначального августейшего владыки-повелителя Девяти небес

(Цзю тянь юань хуан ди цзюнь), Изначальная владычица (*юань цзюнь*) (т.е. Сунь Буэр юань цзюнь – прим. авт.) составила эту книгу-основу, запрягла в облачную колесницу упряжку журавлей и отправилась в земли Цянь (т.е. в Цяньчжун, совр. Пэншуй, пров. Сычуань), где оставила эти наставления праведным мужам, дабы они передали их женщинам. «Книга-основа об умиротворенности женского начала-кунь» состоит из 24 глав, которые первоначально были разделены на две равные части. Текст изложен в парадигме идеологии «трех учений» (*сань цзяо*) – конфуцианства, даосизма и буддизма, и восхваляет их принципы. Почти вся первая часть сочинения посвящена обсуждению морально-этических правил, написанных в духе конфуцианских уложений для женщин¹³. Женщина должна «Вращивать хорошие качества» (*сю шань*), «Чтить добродетели» (*цзун дэ*), «Размышлять над своими ошибками» (*сы го*), проявлять «Искренность и сыновнюю почтительность» (*чэн сяо*), быть «Скромной и честной» (*цзе ле*) и т.д. В заключение первой части описываются «Учение для женщин» (*нюй цзяо*) и «Путь жены» (*фу дао*). Вторая часть наставлений начинается с «Обсуждения покоя» (*шо цзин*), философских рассуждений об «Основе женского начала» (*кунь цзи*), «Сердечной сущности» (*синь ти*), «Внутренней природе и жизненной силе» (*син ми*), постепенно переходя к теоретическим основам «внутренней алхимии» (*нэй дань*) в ракурсе женского совершенствования, которым посвящена глава «Золото и киноварь» (*цзинь дань*). Традиционные ингредиенты киновари – свинец и ртуть рассматриваются в контексте методов «женской алхимии» (*нюй дань*). Путь женского начала (*кунь дао*), говорится в источнике, очень прост: прежде нужно прервать желания, забыть чувства, а после войти в комнату, где следует предаться созерцанию (*да цзо*) и очищать себя (*лянь цзи*) также как в мужском совершенствовании, регулируя дыхание. Дыхательным упражнениям следует посвятить часы *цзы*, *у*, *мао* и *ю*. Когда стабилизируется триграмма Цянь (Небо), а триграмма Кань (Вода) поменяется местами с триграммой Ли (Огонь), тогда Сокровенное женское (*сюань пинь*) установится, из треножника (*дин*) прорастут Желтые ростки (*хуан я*) и вскоре с «Небес» (соответствующих в человеческом теле голове) спустится сладкая роса (*гань лу*). Тогда необходимо охранять (*шоу*) одухот-

воренную киноварь (*лин дань*) в Изначальной палате (*юань ши*) и возвращать Совершенное дыхание-ци в Желтых покоях (*хуан фан*). Через семь седмиц (т.е. через 49 дней), как гласит источник, упрочится киноварная основа, через сто дней Красный дракон будет укрощен (*чи лун сян*). Очищать тело – поясняется в книге-основе – это и значит очищать дыхание-ци (*лянь син цзи лян ци*). Именно в этом, согласно тексту, и заключается метод Великой киновари (*да дань фань*). От «женской алхимии» повествование плавно переходит к даосской космогонии, провозглашая сущностное подобие небесного устройства и человеческого тела, уподобляя семь звезд «Нефритового ковша» (*юй доу*) (т.е. созвездия Большой медведицы) семи отверстиям в человеческом теле, расположенным в голове. Завершается повествование философскими рассуждениями о сердце. Ключ к прозрению – чистое, милосердное сердце, которого не могут коснуться грязь и пороки. Современные комментарии этого источника выполнил даосский наставник Чэнь Иннин [24, с. 5-21].

15. *Пан мэнь лу* («Перечень [методов] неправильных школ») [12, р. 554-562]. Издан Фу Цзиньцюанем в печатне Цишаньтан. В состав его лекции «Важнейших методов [очищения] золота и киновари для женщин», как и в собрание «Даосских книг, не вошедших в *Дао цзан*» источник включен не был.

Это сочинение состоит из 20 поэм с комментариями, в которых критикуются разнообразные методы и упражнения, не относящиеся к «истинному» учению «внутренней алхимии» или искажающие его суть. Согласно предисловию, «неправильные школы» (досл. «боковые врата» *пан мэнь*) являются отступлением от Дао-Пути. К ним относится всё, что «не соответствует круговороту дыхания-ци Неба и Земли, принципам совершенномудрых, обереганию внутренней природы и избавлению от страстей», потому что, говорится в предисловии, великий Путь-Дао предельно легок и прост и не может быть запачкан себялюбием и желаниями. В поэмах, переданных, согласно традиции, Сян-юэ вэньтун гу-фо, У-лян ду-ши гу-фо, Тай-цзи юань-цин фо, Цин-фэн гу-фо и др. приводятся различные примеры «ложных учений» и предупреждения о невозможности постичь Дао и стать небожителями-сянями такими путями. В сопровождающих стихи комментариях детально разбираются описанные в них неправильные методы. В поэме, открывающей сборник, осуждаются те, кто «покупая наложниц и ночуя у проституток», с

¹³ О конфуцианских уложениях для женщин см. работу Ю.С. Мыльниковой, посвященную «Четверокнижью для женщин» (*Нюй сы шу*) [7, ч. 1, с. 300].

помощью методов «искусства внутренних покоев» (*фан-чжун-шу*) «крадут Изначальное *ци*» у партнерши, восполняя свою эссенцию-*цзин* и возвращая дух-*шэнь*. Такие, предупреждается в поэме, не станут гостями острова Пэнлай, иначе бы все распутники и гуляки, поясняется в комментарии, уже бы стали небожителями-*сянями*. В последующих поэмах затрагивается проблема неправильного исполнения даосских методов «внутренней алхимии», таких как «воздержание от пищи», «втягивание чистого *ци* и выплевывание грязного», «эмбриональное дыхание», нарушение «огневого режима» при создании киновари. Особенно заостряется внимание на неправильной трактовке одного из этапов процесса «внутренней алхимии», который называется «приготовление и вкушение снадобья». В комментарии к этому стихотворению высмеиваются люди, которые понимают это выражение как рецепт из арсенала «внешней алхимии» (*вай дань*). Они принимают снадобья из золота и других минералов, препараты из плаценты и проглатывают семенную эссенцию-*цзин*. Поступая так же, как делают животные, им никогда не стать небожителями с помощью подобных методов, говорится в комментарии. В других стихах критикуются методы искусства *Дао-инь* и других упражнений, таких как «Восемь отрезков парчи» и предупреждается об их последствиях. В одной из поэм осуждаются обманщики, которые дурачат жадных людей, обещая выплавлением киновари превратить железо и камни в серебро и золото. Они берут деньги на постройку пышных залов, устанавливают печь для получения киновари, рядятся в красивые одежды, вкушают дорогие яства, нанимают слуг и помощников. Так обманывают тех, кто не знает, что процесс «выплавления киновари» нужно производить в собственном теле, а не гнаться за наживой. Неправильных школ такое множество, что все и не перечесать, однако истинное учение заключено лишь в чистоте и покое нашей внутренней природы. Таково «Прежде небесное великое Дао», так становятся *сянями* и буддами. «Надо себя выплавлять в себе», в этом и содержится чудесное преобразование тела и духа, говорится в заключении. Поэмы не отражают какой-либо специфики методов «женской алхимии». Однако, как считал Хэ Лунсян, они могут быть полезны женщинам на стезе самосовершенствования, выступая в качестве предостережений от вступления в «неправильные школы» и практики методов, относящихся к «Искусству внутренних покоев».

16. *Кунь юань цзин* («Книга-основа о первоизданном женском начале-*кунь*»). Этот текст так же известен под названием *Цин цзин юань цзюнь* «*Кунь юань цзин*» («Книга-основа о первоизданном женском начале-*кунь*» Изначальной владычицы Чистоты и спокойствия»). Известно, что это сочинение входило в собрание «Путь прозрения, определяемый женским началом-*кунь*» (*Кунь юань цзюэ лу*) из даосской обители Эрсяньань. Источник включен под одноименным названием в «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*» в составе собрания Фу Цзиньцюаня «Важнейшие методы [очищения] золота и киновари для женщин» [25, т. 11, с. 530-531].

Единственное из вышеперечисленных произведений, которое, предположительно, имело более раннее происхождение в составе «Полного собрания сочинений Патриарха Люя» (*Люй цзу цюань шу*), датированном 1683 г. [25, т. 7, с. 357-359]. Приписывается даосской наставнице Сунь Буэр (1119-1182). Как гласит легенда о происхождении этого текста, данная книга-основа была поведена в то время, когда Изначальная владычица Сунь Буэр проживала в г. Хуаян (совр. Чэнду)¹⁴, где в пещере открывался вход на Небеса. «Книга-основа о женском первоизданном начале» начинается с прославления таких женских качеств как уступчивость, мягкость, послушность: «Небо – *ян*, земля – *инь*, небо движется, земля покоится, *Цянь* идет, а *Кунь* за ним следует <...> Дао начала-*Цянь* (Неба) свершает мужчина, а Дао начала-*Кунь* (Земли) свершает женщина...». Однако в практике самосовершенствования важны оба начала – без мужского начала-*ян* не может достичь долговечности женское начало-*инь*, а без женского начала-*инь* не сможет зародиться *ян*. Далее перечисляются женские божества и простые женщины, которые обрели Дао-Путь,

¹⁴ Стоит отметить, что Сунь Буэр никогда не посещала пров. Сычуань и г. Хуаян. Подвижничество реальной даосской наставницы Сунь Буэр проходило в пров. Шаньдун, Шэньси и Хэнань. Сунь Буэр была уроженкой г. Нинхай, расположенном на Шаньдунском полуострове и действительно, как гласит традиция, впоследствии уединилась в пещере, где занималась даосскими методами самосовершенствования и обрела Дао-Путь. Однако, согласно преданию, эта пещера располагалась не возле г. Хуаян, а около г. Лоян. Таким образом, подвижничество Сунь Буэр в пещере близ г. Хуаян, описанное в *Кунь юань цзин*, не имеет отношения к историческим событиям, а свидетельствует о распространении ее культа в пров. Сычуань или об опечатке в самом источнике. Подробно о жизни и духовном пути этой даосской наставницы можно прочесть в следующей работе: [2].

став почитаемыми небожительницами. Все они, говорится в источнике, являются воплощением женского первоначала (*кунь юань*), смиренно возвращали совершенство и обрели Дао-Путь. Затем повествование переходит к философским рассуждениям о Дао, сердце, внутренней природе, мужском и женском началах, чистом и грязном, подвижном и спокойном. Обычное сердце – «плоти комок», полное страстей и желаний противопоставляется совершенному «сердцу Дао». «Отказавшись от совершенствования сердца разве можно обрести Дао?» – основной лейтмотив этого произведения. Заканчивается гимном (*gāthā*), воспевающим «безбрежное, непостижимое сердце», мужское и женское начала *инь* и *ян*, их взаимопревращение одного в другое и вознесение в заоблачные выси.

17. *Цзю пинь лян хуа цзин* («Лotosовая книга-основа в девяти категориях»). Как следует из содержания «Собрания работ по женской алхимии», это сочинение входило в состав сборника «Путь прозрения, определяемый началом-кунь» из даосской обители Эрсяньань. В состав современного собрания «Даосские книги, не вошедшие в *Дао цзан*» текст не включен. Из содержания коллекции известно, что «Лotosовая книга-основа в девяти категориях» состояла из 9 глав: «О том, как возвращать внутреннюю природу и культивировать Совершенство» (*ян син сю чжэнь*); «О Прежде небесном и После небесном» (*сянь тянь хоу тянь*); «Прямые указания о Сокровенной заставе» (*чжи чжи сюань гуань*); «Инь цзяо цзан цзин»; «О том, как закладывать основу и очищать себя» (*чжу цзи лян цзи*); «О парном совершенствовании внутренней природы и жизненной силы» (*син мин шуан сю*); «О том, как направить пять *ци* к Изначальному [истоку]» (*у ци чао юань*); «О том, как собрать вместе три цветка на макушке [головы]» (*сань хуа цзюй дин*); «О том, как вскармливать эмбрион и приручать дух» (*ян тай тяо шэнь*). К сожалению, кроме названия глав, перечисленных в содержании «Собрания работ по женской алхимии», нам больше ничего не известно об этом источнике.

18. *Нюй сю чэн ту* («Последовательность пути женского совершенствования»). Эту работу приписывают даосской наставнице Сунь Буэр. Изначально она входила в коллекцию Фу Цзиньцюаня «Важнейшие методы [очищения] золота и киновари для женщин» под названием «Последовательность овладения мастерством [женской алхимии по методу] Изначальной владычицы Сунь Буэр, отшельницы Чистоты и спокойствия» (*Цин цзин сань жэнь Сунь Буэр юань цзюнь гун фу ци ди*) [25,

т. 11, с. 537-539]. В собрании Фу Цзиньцюаня это сочинение начинается кратким рассказом о Сунь Буэр и включает 5 «уставных» стихов и 14 поэм. Помимо этого, находится в *Цзан вай Дао шу* в составе *Сунь Буэр юань цзюнь фа юй* («Поучения Изначальной владычицы Сунь Буэр») под названием *Кунь дао гун фу ци ди* («Последовательность овладения мастерством женского Пути-Дао») [25, т. 10, с. 805-806]).

«Последовательность пути женского совершенствования» состоит из 14 поэм, в которых поэтапно раскрывается мастерство «женской алхимии»: «Сдерживание сердца» (*шоу синь*), «Вращивание дыхания-ци» (*ян ци*), «Прохождение практики» (*син гун*), «Обезглавливание дракона» (*чжань лун*), «Вращивание киновари» (*ян дань*), «Эмбриональное дыхание» (*тай си*), «Амулет и огонь» (*фу хо*), «Получение снадобья» (*цзе яо*), «Очищение духа» (*лян шэнь*), «Прием пищи» (*фу ши*), «Отказ от злаков» (*пи гу*), «Созерцание стены» (*мянь би*), «Вывод духа» (*чу шэнь*), «Вознесение ввысь» (*чун цзюй*). Современные комментарии составил даосский наставник Чэнь Иннин под названием «Комментарии к поэмам Сунь Буэр по женской алхимии» (*Сунь Буэр нюй дань ши чжу*) (1934 г.) [22; 23, с. 149-174]. Перевод на английский язык был выполнен Т. Клири [9, р. 7-45], с некоторыми поэмами заинтересованный читатель может познакомиться в нашей статье [1, с. 111-118].

Даже краткий анализ содержания текстов позволяет обозначить характерные черты даосских сочинений по «женской алхимии»:

1. Выделение различий между мужчинами и женщинами на космологическом и психофизиологическом уровне и описание отличительных особенностей в их практике;

2. Подробное обсуждение процесса трансформации женского тела или упоминание о нем. В различных сочинениях по «женской алхимии» этот процесс получил символические обозначения «обезглавливание Красного дракона» (*чжань/дуань чи лун*), «великое иньское начало очищает тело» (*тай инь лян син*), «пестовать Совершенство и преобразовывать [кровь] в дыхание-ци» (*ян чжэнь хуа ци*);

3. Обязательное присутствие наставлений или предписаний этического и нравственного характера, которые считались важным этапом духовного самосовершенствования женщины;

4. Представление женской практики как индивидуальных методов самосовершенствования (*цин сю*) в отличие от парных (*шуань сю*);

5. Концепция спасения, основанная на преимуществах и недостатках в практике женщин по

сравнению с мужчинами (более быстрое достижение результата, но более длительный этап до получения ранга небожительницы-сяня).

Отличительная особенность работ по «женской алхимии» – прежде всего их целевая аудитория. Авторами подчеркивается, что данные сочинения предназначены именно для женщин, но, как следует из большинства источников и их предисловий, эта женщина не подвижница или монахиня при храме, а добродетельная жена или целомудренная и почтительная дочь. Являлась ли, таким образом, «женская алхимия» своеобразным средством ограничения религиозной активности женщин или же напротив, давала возможность для женской самореализации в рамках устоев традиционного общества – вопрос, который еще ждет своего изучения. Однако, несмотря на своеобразный «традиционализм» более ранних произведений, вошедших в эту коллекцию, цель создания «Собрания работ по женской алхимии», озвученная в предисловии Хэ Лунсяном, это призыв к женщинам предпринимать более активные шаги в поисках наставника и выходе за пределы дома для изучения женских методов самосовершенствования. Образцом для Хэ Лунсяна были Янь Цзэхуань и Хэ Вэйле, которые не только сами практиковали методы «женской алхимии», но и стали первыми женщинами-автором и редактором одного из сочинений по «женской алхимии». Другим примером из коллекции Хэ Лунсяна, указывающим на смену целевой аудитории более поздних текстов «женской алхимии» является «Золото и киноварь для женщин» (*Нюй цзинь дань*), созданное непосредственно для женщин-даосок (*кунь нюй* – обозначение, принятое для даосских монахинь вместо *нюй гуань*). Эти примеры говорят о кардинальных изменениях, связанных с восприятием женского религиозного подвижничества на заре XX в., а возможно и о существовании близ Чэнду действующей даосской школы «женской алхимии» в рамках учения Цюаньчжэнь под руководством Чжэнь-и-цзы. К сожалению, кроме упоминания о просьбе даосок о наставлениях в предисловии самого Чжэнь-и-цзы, мы не имеем других сведений ни о конкретном религиозном сообществе, ни о количестве женщин, входивших в него, если таковое существовало в действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая И.В. Методы «женской алхимии» (нюй дань) в литературном наследии даосской подвижницы Сунь Бу-эр // Философско-антропологические исследования. Вып. 1-2. Курск, 2009. С. 111-118.
2. Белая И.В. Жизнеописание наставницы Сунь Бу-эр в даосской традиции // Вопросы культурологии. 2010. №1. С. 28-32.
3. Белая И.В. О развитии традиции «женской алхимии» (нюй дань) в горах Цзиньгайшань // XLI НК ОГК. М.: ИВ РАН, 2011. С. 359-364.
4. Белая И.В. О принципах «женской алхимии» в Си-ван-му нюй сю чжэн ту ши цзэ (Десять правил правильного пути женского совершенствования, [по традиции] Матушки-владычицы Запада) // Философия и наука в культурах Востока и Запада. М.: Наука-Вост. лит., 2013. С. 235-245.
5. Белая И.В. «Нюй дань хэ бянь» («Собрание работ по женской алхимии») // XLIII НК ОГК. Ч. 1. М., 2013. С. 459-467.
6. Белая И.В. О даосских методах для женщин в «Важнейших поучениях по женской алхимии» (Нюй дань яо янь) // XLV НК ОГК. М.: ИВ РАН, 2015. Ч. 2. С. 143-162.
7. Мыльникова Ю.С. «Четверокнижие для женщин» (Нюй сы шу) // XLII НК ОГК. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2012. С. 300.
8. Филонов С.В. Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники III-VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.
9. Cleary, T., 1996. Immortal sisters: secret teachings of Taoist women. Berkley: North Atlantic Books.
10. Despeux, C. and Kohn, L., 2003. Women in Daoism. Cambridge: Three Pine Press.
11. Esposito, M., 1993. La Porte du Dragon. L'école du Mont Jingai et ses pratiques alchimiques d'après le Daozang xubian (Suite au Canon Taoïste), Ph.D. diss. University of Paris.
12. Neswald, S., 2007. Rhetorical voices in the neidan tradition: an interdisciplinary analysis of the Nüdan hebian (pref. 1906) compiled by He Longxiang (fl. 1900-1906), Ph.D. diss. McGill University.
13. Valussi, E., 2003. Beheading the red dragon: a history of female inner alchemy in China, Ph.D. diss. University of London.
14. Valussi, E., 2008. The Nüdan hebian (Collection of Female Alchemy), its editor and his women. In: Nannü: men, women and gender in early and imperial China, Vol. X, pp. 242-278.
15. Valussi, E., 2008. Female alchemy and paratext: how to read nüdan in a historical context. In: Asia Major, Vol. XXI, Part II, pp. 153-193.
16. Wile, D., 1992. Art of the bedchamber: the Chinese sexual yoga classics including women's solo meditation text. Albany: State University of New York Press.
17. Yang Liu, 2011. Imagery of female Daoists in Tang and Song poetry, Ph.D. diss. University of British Columbia.

18. Даоцзяо сяо цыдянь («Малый словарь по Даосизму») / Гл. ред. Чжун Чжао-пэн. Шанхай: Цышу чубаньшэ, 2001.

19. Нюй дань сянь дао. Даоцзяо нюйцзы нэй-дань яншэнь сюлянь бици (Женская алхимия как учение о дороге в мир небожителей) // Таншань Юйцингуань даосюэ вэньхуа цуншу / Отв. ред. Дун Пэйвэй, сост. Шэн Кэци. Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2012.

20. Нюйдань хэбянь сюаньчжу («Избранные произведения из “Собрания работ по женской алхимии” с комментариями») / Сост. Цю Сяобо, Цзян Хун. Шанхай: Шанхай фань чубань гунсы, 1991.

21. Нюйдань цзицуй («Хрестоматия по женской алхимии») / Ред. Тао Бинфу. Пекин: Цанбэньвэй Бейцзин шифань дасюэ чубаньшэ, 1989.

22. Чэнь Иннин. Сунь Буэр нюй дань ши чжу (Комментарии к поэмам Сунь Буэр по женской алхимии). Тайбэй: Чжэнь шань мэи чубаньшэ, 1974.

23. Чэнь Иннин. Даоцзяо юй яншэнь (Даосизм и учение о «вскармливании жизни») // Чжунго даоцзяо сехуэй бянь. Пекин: Хуавэнь чубаньшэ, 1989.

24. Нюйцзы даосюэ сяо цуншу (Учение о Дао для женщин: собрание работ) / Под редакцией и с исправлениями Чэнь Иннина. Гонконг: Синь и тан юсянь гунсы, 2010.

25. Цзан вай дао шу (Даосские книги, не вошедшие в «Дао цзан») в 36 т. / Под ред. Ху Даоцина, Чэнь Яотина, Дуань Вэньгуя, Линь Ваньцина. Чэнду: Башу шушэ чубань, 1992-1994.

REFERENCES

1. Belaya, I.V., 2009. Metody «zhenskoi alkhimii» (nü dan) v literaturnom nasledii daoskoi podvizhnitsy Sun Bu-er [The methods of the “female alchemy” in the literary heritage of the Taoist nun Sun Bu-er]. In: *Filosofsko-antropologicheskie issledovaniya*, no. 1-2. Kursk: KGU, pp. 111-118. (in Russ).

2. Belaya, I.V., 2010. Zhizneopisanie nastavnitsy Sun Bu-er v daoskoi traditsii [The biography of the master Sun Bu-er in the Taoist tradition], *Voprosy kul'turologii*, no. 1, pp. 28-32. (in Russ).

3. Belaya, I.V., 2011. O razvitii traditsii «zhenskoi alkhimii» (nü dan) v gorakh Jingaishan [On the development of “female alchemy” tradition (nüdan) in the Jingaishan mountains]. In: *XLI NK OGG*. Moskva: IV RAN, pp. 359-364. (in Russ).

4. Belaya, I.V., 2013. O printsipakh «zhenskoi alkhimii» v Xi-wang-mu nü xiu zheng tu shi ze (Desyat' pravil pravil'nogo puti zhenskogo sovershenstvovaniya, [po traditsii] Matushki-vladychitsy Zapada) [About principles of “female alchemy” in “Xi wang mu nü xiu zheng tu shi ze” (Ten

rules of the Queen Mother of the West on the proper path of women’s cultivation)]. In: *Filosofiya i nauka v kul'turakh Vostoka i Zapada*. Moskva: Nauka-Vost. Lit, pp. 235-245. (in Russ).

5. Belaya, I.V., 2013. «Nüdan hebian» («Sobranie rabot po zhenskoi alkhimii») [“Nüdan hebian” (The “Collection of the works on the female alchemy”)]. In: *XLIII NK OGG*, Vol. 1. Moskva: IV RAN, pp. 459-467. (in Russ).

6. Belaya, I.V., 2015. O daoskikh metodakh dlya zhenshchin v «Vazhneishikh poucheniyakh po zhenskoi alkhimii» (Nüdan yao yan) [About Taoist methods for women in «The major lectures on female alchemy» (Nü dan yao yan)]. In: *XLV NK OGG*. Vol. 2. Moskva: IV RAN, pp. 143-162. (in Russ).

7. Myl'nikova, Yu.S., 2012. «Chetveroknizhie dlya zhenshchin» (Nü si shu) [“The Four-books for women” (Nü si shu)]. In: *XLII NK OGG*. Vol. 1. Moskva: IV RAN, p. 300. (in Russ).

8. Filonov, S.V., 2011. Zolotyie knigi i nefritovye pis'mena: daoskie pis'mennye pamyatniki III-VI vv. [Golden scriptures and jade script: Taoist written sources of the 3-6th centuries]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (in Russ).

9. Cleary, T., 1996. Immortal sisters: secret teachings of Taoist women. Berkley: North Atlantic Books.

10. Despeux, C. and Kohn, L., 2003. Women in Daoism. Cambridge: Three Pine Press.

11. Esposito, M., 1993. La Porte du Dragon. L'école du Mont Jingai et ses pratiques alchimiques d'après le Daozang xubian (Suite au Canon Taoïste), Ph.D. diss. University of Paris.

12. Neswald, S., 2007. Rhetorical voices in the neidan tradition: an interdisciplinary analysis of the Nüdan hebian (pref. 1906) compiled by He Longxiang (fl. 1900-1906), Ph.D. diss. McGill University.

13. Valussi, E., 2003. Beheading the red dragon: a history of female inner alchemy in China, Ph.D. diss. University of London.

14. Valussi, E., 2008. The Nüdan hebian (Collection of Female Alchemy), its editor and his women. In: *Nannü: men, women and gender in early and imperial China*, Vol. X, pp. 242-278.

15. Valussi, E., 2008. Female alchemy and paratext: how to read nüdan in a historical context. In: *Asia Major*, Vol. XXI, Part II, pp. 153-193.

16. Wile, D., 1992. Art of the bedchamber: the Chinese sexual yoga classics including women’s solo meditation text. Albany: State University of New York Press.

17. Yang Liu, 2011. Imagery of female Daoists in Tang and Song poetry, Ph.D. diss. University of British Columbia.

18. 道教小辞典 / 钟肇鹏主编. 上海: 上海辞书出版社, 2001. (in Chinese)

19. 女丹仙道. 道教女子内丹养生修炼秘籍(上下) / 唐山玉清观道学文化丛书 / 董沛文 主编, 盛克琦 编. - 宗教文化出版社, 2012. (in Chinese)

20. 女丹合编选注. 邱小波, 蒋红编著. 上海翻译出版公司, 1991. (in Chinese)

21. 女丹集萃. 陶秉福主编. 藏本为北京师范大学出版社, 1989. (in Chinese)

22. 孫不二女丹詩註. 陳櫻寧註. 台北: 真善美出版社, 1974. (in Chinese)

23. 陳櫻寧著. 道教與養生 / 中國道教協會編. 北京: 華文出版社, 1989. (in Chinese)

24. 女子道學小叢書 / 陳櫻寧刪訂. 香港: 心一堂有限公司, 2010. (in Chinese)

25. 藏外道書. 胡道靜, 陳耀庭, 段文桂, 林萬清主編. 成都: 巴蜀書社出版, 1992-1994. (in Chinese)

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК: 632.123.1(571.56)»20»/»21»

Л.И. Винокурова, В.В. Филиппова, А.А. Сулейманов, С.А. Григорьев*

В ОЖИДАНИИ ЛЕДОХОДА: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРУШИТЕЛЬНЫХ НАВОДНЕНИЙ В СЕЛЬСКОЙ ЯКУТИИ (кон. XX – нач. XXI вв.)**

В статье на основе результатов полевых исследований, проведенных авторским коллективом летом 2015 г. в населенных пунктах Олекминского района Республики Саха (Якутия), проанализированы социальные последствия наводнений, обрушившихся на местное население в конце XX – начале XXI вв. В связи с этим показана ретроспектива наиболее разрушительных наводнений в районе, рассмотрены социальные стороны и гендерные аспекты преодоления возникших в связи с ними критических ситуаций в анализируемый период, и в частности, история переселения жителей села Кыллах в село Даппарай – пионерного опыта проведения подобных мероприятий в Якутии.

Ключевые слова: Север, Якутия, сельские сообщества, стихийные бедствия, наводнения, социальные последствия, гендерные роли

Waiting for an ice-break: social aspects of devastating floods in rural Yakutia (late XXth – beginning of XXIst century). LILIYA I. VINOKUROVA, VIKTORIYA V. FILIPPOVA, ALEXANDER A. SULEYMANOV, STEPAN A. GRIGOREV (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The current climate change affecting the ecosystems of the entire circumpolar region draws close attention to the indigenous economies of the region. One of the ways the climate change is influencing Yakutia as part of the circumpolar/subarctic region is the increased frequency and magnitude of major floods in this province, which directly and materially influence the economic activities of the indigenous population. The article presents a retrospective analysis of destructive floods in rural Yakutia, using Olyokminskiy ulus (district) situated on the Lena River as an example. The authors review the history of floods in the region and discuss various modes of coping with flood aftermaths, including the radical measure or resettlement. The unprecedented

* ВИНОКУРОВА Лилия Иннокентьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ИГИИПМНС СО РАН).

E-mail: lilivin@mail.ru

ФИЛИПPOBA Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИГИИПМНС СО РАН.

E-mail: filippovav@mail.ru

СУЛЕЙМАHOB Александр Альбертович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИГИИПМНС СО РАН.

E-mail: alexas1306@mail.ru

ГРИГОРЬЕВ Степан Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИГИИПМНС СО РАН.

E-mail: detample@yandex.ru

© Винокурова Л.И., Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Григорьев С.А., 2016

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 15-13-14603.

experience of the village of Kyllakh appears to be significant as the threat of major floods is still in place, and landscapes are starting to shift across the region due to the melting of the permafrost.

Keywords: North, Yakutia, rural communities, natural disasters, flooding, social consequences, gender roles

Введение:

актуальность и историография темы

Противостояние населения последствиям стихийных бедствий и адаптация к ним в условиях меняющегося климата стали актуальной проблемой для всего мира. В последние десятилетия регионы Российской Федерации нередко подвергаются крупным наводнениям, последствия которых особенно разрушительны для арктических и северных территорий с их низкой способностью к природной регенерации и специфической дороговизной восстановительных работ. Так, череду разрушительных наводнений пережила Республика Саха (Якутия) – крупнейший по территории субъект федерации. Растущую динамику прямого ущерба можно проследить по открытым источникам, включая СМИ. Они свидетельствуют, что за период с 1998 г. по 2013 г. республика потеряла более 17 млрд. руб. [7], и речь идет только о материальных ценностях.

В Якутии, по данным последней Всероссийской переписи 2010 г., проживало 958,5 тыс. чел., из них в сельской местности – 344 тыс. чел. [11]. Следует указать, что сельские районы по настоящее время остаются местом проживания в основном коренных народов: якутов-саха, эвенков, эвенов, долган, чукчей и юкагиров, сохраняющих традиционную хозяйственную деятельность. В последние десятилетия сельские сообщества сталкиваются с большими трудностями в своём развитии, продолжают противостоять значительному количеству внутренних и внешних проблем. Традиционное хозяйствование, основанное на использовании природных ресурсов, в первую очередь, земли и воды, обуславливает высокую степень зависимости сельских жителей от природных и климатических явлений.

По изучаемой проблеме существует широкий круг литературы, относящейся к тематике глобального изменения климата, стихийных бедствий природного происхождения и судеб коренных народов, проживающих в сельской местности и ведущих традиционный образ жизни. Поле нашего научного интереса пока ограничено территорией Якутии, но в силу ее географического расположе-

ния историография расширяется за счет исследований мировой и отечественной Арктики и Севера в указанных контекстах.

Избегая обзора всей литературы, отметим наиболее близкие к представленной теме. Российские ученые активно рассматривают проблемы глобального потепления, связанных с ним изменений климата в зоне вечной мерзлоты. На региональном материале различные аспекты жизнедеятельности людей в условиях процессов изменения климата и стихийных бедствий рассмотрены преимущественно представителями естественных наук [9, 10, 38].

Проблема частично получила отражение в публикациях результатов междисциплинарных проектов по вопросам традиционного природопользования коренных народов Арктики в свете меняющихся социально-экономических и природно-климатических условиях. В последнее время обозначился интерес к теме со стороны гуманитариев, в т.ч. создаются базы данных традиционных знаний коренных народов Арктики по вопросам адаптации к изменениям климата (например, вебсайт «Адаптация к изменениям климата: традиционные знания коренных народов Арктики и Крайнего Севера», подготовленный Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании).

Работы по восприятию сельским населением изменений климата есть у Л.И. Винокуровой, сюжеты стихийных бедствий в сельской местности освещены С.И. Бояковой, В.В. Филипповой и В.Б. Игнатъевой [3, 4, 5, 26]. На материалах региона гендерные аспекты воздействия изменения климата на жителей сельских поселений изучали В.В. Филиппова и Л.И. Винокурова [27, 32, 33, 37].

Вопросы социальных и экономических последствий масштабных наводнений активно разрабатываются в зарубежной историографии. В последнее время взаимоотношения сельских аборигенных общин с меняющейся природой Севера и Арктики рассматривают коллеги из Норвегии, Финляндии, Канады, США. В частности, затронутые в коллективном труде «Community adaptation and vulnerability in Arctic regions» аспекты жизнедеятельности коренного населения в

условиях климатических угроз созвучны с теми, которые исследовались и нами [30]. К теме статьи близки работы об адаптации к глобальному изменению климата общин коренных народов, ведущих традиционное хозяйство. Мы согласны с тем, что последствия изменения климата и связанные с этим стихийные бедствия напрямую угрожают устойчивому развитию общин, жизнедеятельность которых базируется на использовании природных ресурсов [35].

В связи с тем, что нами исследовалась сельская местность республики, подчеркнем: основная часть зарубежных исследований в координатах «климат – стихийные бедствия – сельские общины» выполнена с «южным профилем», они базируются на материалах засушливых или тропических ландшафтов южного полушария. Это усиливает историографическую ценность предлагаемых исследований на материалах Российского Севера. Несмотря на очевидность гендерных вызовов, обусловленных изменениями во внешних условиях жизни на Севере, они рассматриваются недостаточно. В зарубежной историографии гендерные аспекты адаптации к меняющемуся климату интерпретируются давно – с 1990-х гг. [31, 34, 36]. Следует подчеркнуть, что современные социальные процессы в сельской Якутии мало изучены в целом. Редко становятся предметом научного интереса такие аспекты сельской жизни, как сельская повседневность, восприятие изменений в окружающей среде, социальное благополучие общин. В гуманитарной науке не аккумулирован и не анализируется опыт программ по профилактике и ликвидации последствий стихийных бедствий. Между тем в Якутии по действующей Концепции защиты населенных пунктов и объектов экономики Республики Саха (Якутия) от наводнений и других видов негативного воздействия вод от 27 мая 2010 г. переселено одно и планируется переселить еще 91 село [21]. Здесь скрыт целый пласт социальных вызовов для населения, явных или латентных угроз целостности, устойчивости и безопасности жизнедеятельности. Авторы предполагают, что в обозримом будущем проблема только актуализируется и необходим научный анализ процессов социальной адаптации сельского населения к стихийным бедствиям, включая разрушительные наводнения.

Наводнения на Лене: история и новые угрозы

По всему миру наличие реки или иного крупного водоема – условие человеческой жизнедеятельности. Река в России не только

кормилица, но и дорога, связывающая всех живущих вдоль нее. В Якутии продолжительная зима превращает русла рек в участки автотородорог, позволяющих осуществлять не только пассажирские, но и грузовые перевозки по всей территории. В республике есть населенные пункты, куда автотранспорт может прийти только по зимнику. Издавна скотоводческое и земледельческое население края стремилось селиться вдоль жизнеобеспечивающих рек и крупных озер. В традиционном фольклоре коренных народов Якутии река – сакральное одушевленное существо, мать-кормилица, имя которой не произносится в обыденной речи. Представляется, что пietet по отношению к рекам и озерам подпитывался также пониманием все опасностей и угроз, таившихся в любой воде. Большие наводнения всегда были серьезной угрозой для сельских общин.

Накопление и изучение данных о наводнениях в Якутии привело нас к изучению локального опыта противостояния стихийным бедствиям и адаптации населения к их социальным последствиям. Нами было предпринято специальное исследование. Оно включило в себя сбор и анализ материалов о локальных проявлениях изменения климата в Якутии, о социальных последствиях наводнений в сельских поселениях республики. Летом 2015 г. при поддержке РГНФ и Республики Саха (Якутия) в рамках научного проекта №15-13-14603 была организована экспедиция в Олекминский улус (район), переживший ряд разрушительных наводнений. Основное внимание было уделено Кыллахскому наслегу, население которого было переселено из села Кыллах в село Даппарай именно из-за тяжелейших последствий весенних половодий.

Главный район исследования – Кыллахский наслег – находится в южной Якутии и входит в состав Олекминского района. Административный центр наслега – село Даппарай – расположен к юго-западу от г. Олекминска на правом берегу реки Лена, на расстоянии 45 км вверх по течению. С южной и восточной стороны острова протекает река Лена, с северной стороны – протока реки Лена. Кыллахский наслег относится к труднодоступным и отдаленным местностям Олекминского района. Сообщение осуществляется автомобильным транспортом по зимнику и речным в навигационный период. В состав наслега входят села Кыллах и Даппарай.

Если в 2010 г. в с. Кыллах проживало 1181 чел., а в с. Даппарай – 101 чел., то по состоянию на 1 января 2015 г. в Даппарае было прописано 1119 чел.,

а в Кыллахе – 129 чел.¹. Отметим, что в исторической ретроспективе жители Кыллаха регулярно переживали наводнения различной силы, как и в целом население Олекминского района, территория которого расположена по обоим берегам Лены, а также бесчисленного количества более мелких рек и ручьев.

К настоящему времени сохранились лишь отрывочные сведения о весенних половодьях XIX в. Так, известно, что начиная с 1848 г. остров Кыллах страдал от засухи и кыллахцы, целиком зависевшие от сельского хозяйства, с нетерпением ждали прихода «большой воды». Наводнение случилось в мае 1870 г. и унесло человеческую жизнь, одну треть строений Кыллаха, а также «множество скота конного и рогатого». На острове при этом оставалось «не более десятины сухого места» [12].

Еще более крупный паводок, по информации, полученной В.В. Филипповой во время полевых работ в 2010 г. от местных старожилов, произошел весной 1903 г. О масштабах бедствия косвенно может говорить тот факт, что это наводнение – единственное, которое сохранилось в народной памяти под специальным названием – «Екер уута» («Вода Екера» в переводе с якутского языка – прим. авт.). В тот год дом человека по имени Екер, располагавшийся в середине острова на самом высоком месте, был унесен водой.

Кроме того, имеются документальные подтверждения значительного ущерба, нанесенного водной стихией в 1915 г., 1937 г. и 1964 г. В частности, в названные годы по некоторым улицам районного центра – города Олекминск – приходилось перемещаться на лодках (см. Рис. 1, 2).

Рис. 1. Олекминск. Наводнение 1915 г.
Из фондов Музея истории земледелия, г. Олекминск.

¹ Численность населения приведена согласно Паспортам социально-экономического развития Кыллахского наслега за 2010 г. и 2015 г.

Рис. 2. Олекминск. Наводнение 1937 г.
Из фондов Музея истории земледелия, г. Олекминск

Очередное наводнение, случившееся в 1969 г., стало косвенной причиной крупнейшей в истории Якутии катастрофы вертолета МИ-2. При эвакуации людей из Даппарая в Кыллах перегруженная машина не набрала необходимую мощность и буквально провалилась с высокого берега в Лену. На глазах кыллахцев, которые из-за идущего по реке льда ничем не могли помочь тонущим пассажирам, погибло 25 человек, в том числе 19 детей (Муниципальный архив Муниципального района «Олекминский район» Республики Саха (Якутия). Далее – МА МР «Олекминский район» РС(Я). Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 216-223). Эта трагедия до сих пор живет в памяти местного населения незаживающей раной. Однако в 1969 г., по свидетельству очевидцев, вода не превысила критического уровня вблизи самого села Кыллах; была затоплена лишь часть сельхозугодий, хозяйственные же и жилые постройки не пострадали².

В 1970-е – 1980-е гг. вскрытия ото льда на Лене проходили достаточно спокойно. Относительно безопасные ледоходы этих лет некоторые специалисты связывают с развернувшимися в этот период работами по углублению русла реки [14, 28].

Следует отметить, что на отсутствие или незначительность дноуглубительных работ в последние десятилетия как причину заторов и локальных наводнений часто указывали старожилы Олекминского и других сельских районов республики в ходе наших полевых исследований³. Очевидно, что прекращение таких работ в крупных притоках

² Полевой материал авторов. Олекминский район РС(Я), села Даппарай и Кыллах. 2015 г.

³ Полевой материал авторов. Усть-Алданский улус РС(Я), села Соттинцы, Хоногор. 2014 г.; Олекминский улус, села Даппарай и Кыллах. 2015 г.; Таттинский улус РС(Я), села Усть-Татта, Хара-Алдан. 2010 г., 2015 г.

и в самом русле реки Лена привело к обмелению и изменению конфигураций многих участков судождения.

Ситуация на изучаемом нами объекте приобрела негативный характер в последнее десятилетие XX в. Первый «звонок» прозвучал в 1992 г. из-за наложения двух волн половодья – в связи с резким повышением температуры воздуха снег в верховьях рек растаял раньше обычного и т.н. «черная вода» шла вслед за основным ледоходом – в Олекминске при критическом уровне 930 см вода достигла показателей в 1109 см. Перед этим была затоплена значительная площадь острова Кыллах [28].

В 1998 г. в результате весеннего паводка на Лене пострадало 172 населенных пункта, в том числе Кыллах; было разрушено 160 мостов, 133 дамбы, 760 км автодорог [6]. В зоне затопления оказались 97 тыс. жителей, 15 человек погибли. Общий ущерб, нанесенный «большой водой», был оценен в сумму 1,3 млрд. руб. [23].

Весной 1999 г. стихия вновь обрушилась на Кыллах. Недалеко от острова образовался затор, в результате резкого повышения уровня воды и напора льда из 280 домов пострадали 200, четыре из них были полностью уничтожены, а в 60 разрушены печи. Кроме того, половодье унесло хозяйственные постройки, запасы строительных материалов и дров [16, 18].

Еще более тяжелая ситуация сложилась через 2 года. Холодная зима 2000-2001 гг. в Якутии и, в особенности, в ее юго-западных районах, привела к образованию рекордно толстого слоя льда, превышающего среднее многолетнее значение на 10-30 см. При этом ледостав на Средней Лене осенью 2000 г. проходил при высоких, ранее не наблюдавшихся уровнях воды [14]. Усугубили ситуацию резкое повышение температуры и ливневые дожди в мае 2001 г. В результате уровень паводка в этом году в верховьях Лены на 6,5 метров превысил критическую отметку и на 3 метра – показатели 1998 г., а от наводнения в республике пострадало около 60 населенных пунктов. Безусловно, самым известным из них является город Ленск. Половодье фактически смыло его с лица земли, затопив 98% города и, по официальным данным, унеся жизни 8 человек [9, с. 12-42].

Огромный ущерб тогда же был нанесен и селу Кыллах: одноименный остров практически полностью ушел под воду, пострадало около 200 дворов, помещения участковой больницы и котельной. Более месяца специалисты не могли восстановить энергоснабжение, теле- и радиовещание, телефонную связь (МА МР «Олекминский район» РС(Я).

Ф. 1. Оп. 1. Д. 164. Л. 19-85). Последствия могли быть и значительно более серьезными, если бы основная масса льда не успела пройти вниз по течению, а практически все население и скот не были эвакуированы⁴.

Несмотря на то, что после 2001 г. подобных по масштабам наводнений на Лене не происходило, населенные пункты Олекминского района продолжают испытывать на себе удары весеннего половодья. Например, в мае 2011 г. в Кыллахе было подтоплено 202 жилых дома [29]. В 2013 г. от водной стихии серьезно пострадал соседний 1-й Нерюктяйский наслег. Его административный центр – село 1-й Нерюктяй – был затоплен фактически целиком. Впервые на памяти местных старожилов уровень воды достиг окон стоящего на возвышенности здания церкви. Треть всех жилых домов села и помещение участковой больницы полностью скрылись под водой; часть строений была унесена паводком [15, 24, 25].

Жизнь под угрозой и в условиях стихийных бедствий создает реальную ситуацию стресса для сельских жителей. Наши исследования не только в Олекминском районе республики, но и в других улусах (районах) подтверждают, что повторяющиеся разрушительные наводнения стали одним из факторов социальной тревоги. При этом ситуация гендерирована в таких полях как восприятие наводнений, поведение во время и после стихийного бедствия, оценка перспектив собственной жизни или социума. Разумеется, есть проблемы, объединяющие всех сельских жителей независимо от пола и возраста.

В обследованных нами селах, включая Кыллах и Даппарай, представители обоих полов отмечают сужение «жизненного пространства» сельских общин. Регулярные наводнения подрывают существующую инфраструктуру населенных пунктов, наносят ущерб, в том числе невозполнимый, хозяйству и имуществу селян. Разрушение дорог и коммуникаций как внутри муниципального образования, так и связывающих его с центром района и с другими поселениями ставит жителей сел, подверженных наводнениям, в ущербное положение.

Тема наводнений среди жителей Кыллаха и Даппарая может обсуждаться с разных ракурсов и с разной степенью личной эмоциональности. Есть сюжеты, которые старожилы стараются обходить во время общения. Одним из табу в ходе интервьюирования и частных бесед является вы-

⁴ Здесь приводится анализ сведений из «Журнала ледоходов за 2001–2002 гг.», хранящегося в администрации Кыллахского наслега.

шеуказанная трагедия 1969 г., в которой погибли дети⁵. Мы стремились не затрагивать эту тему в ходе бесед со старожилками и свидетелями трагедии обоего пола.

Гендерный подход, примененный к анализу полевых материалов, позволяет рассматривать достаточно широкий круг вопросов. Отчетливо гендерированы презентации социального поведения накануне, в ходе и после стихийного бедствия, ракурсы воспоминаний, стратегии жизни женщин и мужчин, переживших разрушительное наводнение. Интересно, что практически в каждом обследованном сельском поселении установлено, что в ситуациях стихийных бедствий проявляются архаичные модели гендерного поведения. Здесь же мы остановимся на современных аспектах гендера.

В настоящий момент наиболее очевиден гендерный конфликт среди переселенцев последних лет из села Кыллах в село Даппарай. Строительство новых домов в Даппарае обусловило переселение кыллахцев, открытие же новой большой школы в Даппарае и закрытие школы в Кыллахе означало переезд всех семей с детьми школьного возраста. Новые стандартные усадьбы не рассчитаны на содержание скота в традиционных коровниках-хотонах, на хранение кормов и хозяйственные постройки. Следовательно, в новое село с детьми-школьниками переезжал один из родителей, чаще всего мать. Отец же оставался ухаживать и смотреть за всем хозяйством и имуществом, которое создавалось еще предыдущими поколениями. Семья разрывалась на две части, в период распутицы контакты между супругами и общение детей с оставшимся на старом подворье родителем прерываются полностью.

Интересно, что в Кыллахе проявляется гендерная тенденция, ранее нами выявленная в других селах, пострадавших от стихийных бедствий. Так, несмотря на угрозы для коммуникаций, сокращение из-за регулярных размывов площадей сенокосов и пастбищ, мужчины среднего и старшего возрастов ориентированы на сохранение традиционных занятий⁶. При этом пожилые мужчины весьма обеспокоены стратегической перспективой полной утраты традиционных профессий: например, табунщика, охотника. Часть старожилков настроена остаться в исконных усадьбах в старом селе Кыллах, несмотря на то, что все социальные объекты, кроме клуба, перенесены в Даппарай.

⁵ Полевой материал авторов. Олекминский район РС(Я), села Кыллах и Даппарай. 2015 г.

⁶ Полевой материал авторов. Олекминский район РС(Я), села Кыллах и Даппарай. 2015 г.

В данной возрастной группе лиц среднего и старшего возраста женщины, в отличие от мужчин, больше озабочены угрозами для здоровья самих себя и своих близких, а также общей безопасности, связанных с разрушительными наводнениями. Перед перспективой регулярных наводнений женщины более чем мужчины готовы изменить местожительство либо профессиональную сферу. Они проявляют большую реальную и потенциальную мобильность, несмотря на наличие хозяйства, устоявшихся социальных связей. Даже неюный возраст, априори ограничивающий их возможности на рынке занятости, не смущает женщин, решающих изменить место жительства или работы. Думается, что республиканский пенсионный возраст для женщин (50 лет) служит дополнительным социальным «поплавком», некой социальной гарантией.

Для молодых сельских жителей – в возрастной группе 30-40 лет последствия наводнения также болезненно ощутимы, особенно в материальном плане, когда семья с детьми школьного возраста оказывается в ситуации эвакуированных или лишается своего дома и имущества. Если такие семьи получают финансовую поддержку по программам государственных компенсаций, нередко они используют жилищный сертификат или денежную сумму для приобретения жилья за пределами родного улуса.

Иначе говоря, для молодых сельчан последствия стихийных бедствий могут стать своеобразным жизненным «толчком», точкой отсчета новой жизни в ином пространстве. И в этом молодые мужчины и женщины единодушны. Хотя мотивация у них также гендерно различается: мужчины предпринимают шаги к перемещению в целях найти новую занятость, продвинуться вверх по социальной лестнице. У женщин, попавших в поле нашего внимания, одна из главных задач – расширить образовательные возможности для детей. Ради этого они согласны даже пожертвовать собственными профессиональными амбициями⁷.

Село Кыллах: пионер переселения

Стихийные бедствия на рубеже XX–XXI вв. стали серьезным вызовом для всех уровней власти в Якутии. В силу расположения села Кыллах и его высокой уязвимости к наводнениям во время весенних разливов реки, перед представителями власти стояла сложная задача по предупреждению кризисных ситуаций, а

⁷ Полевой материал авторов. Олекминский район РС(Я), села Кыллах и Даппарай. 2015 г.

также ликвидации их возможных последствий. Масштабы разрушений в результате паводков 1998-2001 гг. в Олекминском районе были значительны. Экономический ущерб населению с. Кыллах был таков, что преодоление проблем силами местной администрации, не обладавшей крупными финансовыми ресурсами, было невозможным. Только вмешательство республиканских, а позже и федеральных властей позволили изыскать средства, необходимые для восстановления пострадавшего населенного пункта.

Следует отметить, что до конца 1990-х гг. проблема паводков никак не отражалась в отчетах местной администрации и не поднималась на общих собраниях граждан с. Кыллах. Основными повседневными трудностями, с которыми сталкивались жители, были неразвитая инфраструктура и ухудшение материального положения. Население также тревожили рост безработицы и преступности (МА МР «Олекминский район» РС(Я). Ф. 48. Оп. 1. Д.4. Л. 1-2). Начиная с 1999 г. паводковая ситуация становится основным вопросом на сельских сходах местного населения, что нашло отражение в протоколах собраний. Сохранившиеся протоколы позволяют проследить характер взаимодействия населения со структурами различных уровней власти.

Присутствие глав и членов администрации Олекминского улуса, а также представителей правительства республики стало почти традиционным атрибутом общих собраний жителей села Кыллах в последующие годы. Это позволило населению общаться с властью напрямую. Так, на сельском сходе, прошедшем 17 марта 1999 г. в присутствии главы Олекминского улуса и заместителя министра МЧС РС(Я), были затронуты вопросы эвакуации селян и их имущества в другие населенные пункты, обеспечения села паромом, а также снабжения горюче-смазочными материалами. Итогом собрания стали следующие рекомендации: администрации наслега и противопоаводковой комиссии наслега усилить разъяснительную работу среди населения об эвакуации; организовать выездную продажу ГСМ для населения; обратиться к президенту и правительству РС(Я) с просьбой рассмотреть вопрос о перемещении села (МА МР «Олекминский район» РС(Я). Ф. 48. Оп. 1. Д.4. Л. 30-31).

В результате, после наводнений в 1998 г. и 2001 г. правительством Республики Саха (Якутия) было принято постановление от 15 января 2002 г. о переносе наиболее пострадавших

в результате наводнений населенных пунктов [19]. В этот период администрацией с. Кыллах был проведен большой объем организационной работы. Был собран весь необходимый пакет документов, в который входил общий социальный паспорт села, проведена инвентаризация всего жилого фонда, составлен генеральный план переноса. Организация работ по переносу села началась после выхода постановления правительства республики за № 333 от 9 июня 2005 г. [20] Таким образом, село Кыллах оказалось одним из первых сел, которому удалось добиться разрешения на перенос в незатопляемую зону [1].

Несмотря на проблемы с финансированием, в 2006 г. начался официальный перенос села с острова Кыллах. Генеральный план поселка был разработан институтом «Якутагропромпроект». Планировка жилой территории предусматривала современное размещение и организацию жилых кварталов, общепоселкового центра, учреждений обслуживания, мест отдыха, а также структурное единство с существующим селением Даппарай [27].

В 2010 г. жители выражали свое недовольство тем, что все постройки должны придерживаться генплана. Если человек переносит свой дом из с. Кыллах в с. Даппарай, то он должен «вписаться» в генплан села: крыши домов должны были быть из красной черепицы и дом должен быть обшит. В настоящее время люди строят дома по своему усмотрению: появились двухэтажные дома, коровники и другие хозяйственные постройки (Рис. 3, 4).

Рис. 3. Село Даппарай. 2010 г. Фото авторов

Рис. 4. Село Даппарай. 2015 г. Фото авторов

В паспорте социально-экономического развития основной производственной деятельностью надела указаны две главные отрасли хозяйствования – животноводство и коневодство. Сельскохозяйственное производство функционирует через сельскохозяйственный производственный кооператив «Кыллах», 10 крестьянскими хозяйствами и личными подсобными хозяйствами. Маленькая площадь участков и отсутствие сенокосных угодий в с. Даппарай не способствуют ведению и развитию традиционного хозяйства кыллахцев – скотоводства. Налицо сокращение поголовья крупного рогатого скота. Так, за 2010-2015 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 700 гол., но в то же время наблюдается увеличение поголовья лошадей, не требующих приусадебного содержания – на 196 гол.⁸

В рамках принятой федеральной целевой программы социального развития села в течение трех лет Министерство сельского хозяйства Республики Саха (Якутия) должно было построить на новом месте 120 жилых домов для переезжающих жителей Кыллаха. В качестве подрядчика выступило ОАО «Алмазы Анабара». Общая сумма финансирования переноса села составила 952 млн. 752 тыс. руб. [27]. Данная федеральная программа финансировалась из трех источников: федерального и республиканского бюджетов, а также из собственных средств застройщиков. В частности, 30% через Министерство сельского хозяйства выделял федеральный бюджет, еще 40% приходилось на Республику Саха (Якутия) и оставшиеся 30% составила доля самих переселенцев.

⁸ Подсчитано авторами на основе Паспортов социально-экономического развития Кыллахского наслега за 2010 г. и 2015 г.

Такая структура распределения финансирования вызвала проблему невыплат своей доли местным населением. К 2008 г. жители села оставались должны 8 млн. руб. за первую очередь застройки, 11,2 млн. руб. за вторую и чуть более 16 млн. рублей – за окончательный взнос третьей очереди. Министерство сельского хозяйства Якутии пошло навстречу вынужденным переселенцам и стало выделять субсидии даже тем, кто еще не подтвердил наличие собственных средств в надежде на благоприятные финансовые обстоятельства. Также специально по такому случаю в г. Олекминск был открыт филиал ОАО «Россельхозбанк», чтобы жители села Кыллах могли взять кредит и представить необходимую сумму [2].

Застройка нового села началась в 2007 г. с возведения первых одноэтажных одноквартирных деревянных зданий площадью 72 кв.м. с небольшими приусадебными участками в 12-15 соток. Поначалу местное население крайне осторожно относилось к предложенным условиям. Лишь благодаря содействию ОАО «Алмазы Анабара» и лично депутата Госсовета (Ил Тумэн) РС(Я) М.Н. Евсеева было продолжено активное строительство нового села. Руководство алмазной компании предложило кыллахцам помощь в виде участия в программе «Молочный дом», суть которой заключается в том, что ОАО «Алмазы Анабара» предоставляло селянам товарные кредиты в виде стройматериалов, за которые они в течение 5 лет были вправе расплачиваться не живыми деньгами, а произведенным молоком. Этот вариант был приемлем практически для всех, кто проживает в сельской местности и содержит скот. Поэтому очередь на получение «молочных» кредитов стала быстро расти [8].

Согласно распоряжению Президента Республики Саха (Якутия) от 3 августа 2006 г. были введены 120 домов [22]. Ввиду того, что семей в с. Кыллах больше – около 350 семей – в государственную программу вошли не все. Как показали полевые исследования июля 2015 г., в настоящее время в основном строительство домов ведется по другим программам по поддержке молодых семей в сельской местности, многодетных семей и т.д. Фактически в Даппарае получили жилье 190 из 350 семей, что составляет до 60% от общего числа семей. Несмотря на ввод жилых домов и улучшение жилищных условий главной проблемой для жителей села до сих пор остается обеспечение жильем малообеспеченных и многодетных семей. В социальном жилье нуждаются 40% семей, до сих пор проживающих в Кыллахе и не имеющих

финансовой и материальной возможности оформить любой вид жилищного кредита⁹.

За короткий срок в новом селе Даппарай были введены в эксплуатацию каменная школа на 220 мест, модульная котельная, дизельная электростанция, здание больницы, гараж на 5 единиц, малочисленная пожарная часть, временно расположенная в гараже, построен 24-х квартирный дом для социально незащищенных граждан. В 2015 г. на стадии завершения находилось строительство детского сада. Еще не решен вопрос о финансировании строительства сельского клуба. Сельский клуб по-прежнему располагается в с. Кыллах, наследные же мероприятия ведутся в актовом зале школы, находящейся в с. Даппарай.

Среди жителей были желающие перенести жилой дом в различные населенные пункты внутри Олекминского улуса. К сожалению, существующая программа предусматривает единовременную помощь на перенос или строительство индивидуальных жилых домов из затопляемого села Кыллах только на местность Даппарай.

Знаковым событием стало решение постоянной правительственной комиссии по вопросам административно-территориального устройства и географическим названиям РС(Я) от 17 сентября 2014 г. о переносе административного центра Кыллахского наслега Олекминского района из села Кыллах в село Даппарай [17]. Это решение, поддержанное администрацией Олекминского района, депутатами районного и наслежного советов, а также жителями села является важным итогом работы властных структур различных уровней в рассматриваемый период.

В связи с переездом на коренной берег решился и транспортный вопрос. Если ранее из села Кыллах летом можно было добраться до районного центра только на моторной лодке, то в настоящее время жители добираются на автомобиле до с. Заречный, откуда курсирует паром до г. Олекминск. В то же время не решен вопрос сообщения между с. Кыллах и с. Даппарай в межсезонье. В результате с конца октября вплоть до середины декабря и с апреля по июнь семьи с детьми школьного возраста, у которых нет собственного жилья в с. Даппарай, вынуждены жить у родственников.

Заключение

Таким образом, история села Кыллах в последние десятилетия свидетельствует о том, что масштабные наводнения в комплексе с таянием вечномерзлого грунта представляют реальную

угрозу для существования сельских поселений Якутии, жители которых ориентированы, прежде всего, на ведение традиционного хозяйства, сильно зависящего от природной среды. Проведенные исследования обнаруживают высокую социальную активность членов сельских общин в условиях стихийных бедствий и ликвидации их последствий. Это свидетельствует о наличии значительного социального потенциала, способности к консолидации и мобилизации в экстремальных ситуациях.

В обследованных селах прослеживается способность социумов к диалогу с местными и республиканскими органами управления, выработаны относительно успешные механизмы взаимодействия в системе «власть – общество». Вместе с тем, ситуация обеспечения устойчивого развития сельских общин может осложниться внутренними гендерными конфликтами. Поэтому представляется, что социально-экономические программы преодоления муниципальных образований последствий наводнений должны проходить также и гендерную экспертизу.

В то же время, реализованный проект, на наш взгляд, затронул лишь «верхушку айсберга». Изучение опыта адаптации сельских общин к меняющимся климатическим условиям является важнейшей проблемой в современном мире. В северных регионах России, расположенных в зоне вечной мерзлоты, вызовы изменения климата и участвовавших стихийных бедствий – наводнений, засухи и лесных пожаров – накладываются на специфику сельского расселения и низкого уровня развития коммуникаций. Противостояние названным катаклизмам сельских общин Якутии осложняется типичной для села финансовой бедностью, безработицей и миграцией трудоспособного населения. Поиски механизмов сохранения устойчивости и обеспечения стабильного развития сельских общностей обуславливают необходимость дальнейшего мониторинга и комплексного изучения проблем их жизнедеятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргылов Н. «Великое переселение» или проблемы «нового» Кыллаха // Олекма. 2007. 28 августа.
2. Березин Е. Три очереди застройки // Олекма. 2008. 8 февраля.
3. Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатьева В.Б., Филиппова В.В. Народы Арктики в условиях глобальных климатических изменений: устойчивость, трансформации, адаптация. // Материалы IX Симпозиума по развитию холодных

⁹ Подсчитано авторами по материалам текущего архива администрации Кыллахского наслега.

регионов ISCORD 2010, г. Якутск. 1–5 июня 2010 г. Якутск, 2010. С. 202.

4. Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатьева В.Б., Филиппова В.В. Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 22-25.

5. Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатьева В.Б., Филиппова В.В. Социальные последствия и адаптация населения Республики Саха (Якутия) к чрезвычайным ситуациям природного характера (по материалам социологических исследований) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 37-41.

6. Безопасность жизнедеятельности. Учебное пособие / Под общ. ред. Н.К. Демика. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2007.

7. Бурцева Е.И., Парфенова О.Т. Экономический ущерб от наводнений на реках Республики Саха (Якутия) // Проблемы современной экономики. 2015. № 1. С. 256-259.

8. В Олекминском районе создается новый образ якутского села // Персональный сайт Егора Борисова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.egorborisov.ru/news/445-.html>

9. Воробьев Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И. Катастрофические наводнения начала XXI века: уроки и выводы. М.: ДЭКС-Пресс, 2003.

10. Воронин П.Ю., Максимов Т.Х., Мухин В.А., Кузнецов В.В. Газообмен углерода в системе атмосфера – бореальные леса северной Евразии при потеплении климата / Экстремальные природные явления и катастрофы: в 2 т. Т. 1: Оценка и пути снижения негативных последствий экстремальных природных явлений. М.: ИФЗ РАН, 2010. С. 385–396.

11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 11. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/

12. Из рапорта священника А. Бердникова от 21 февраля 1890 г. // Якутские епархиальные ведомости. 1890. № 15.

13. Кершенгольц Б.М., Чернявский В.Ф., Репин В.Е., Никифоров О.И., Софронова О.Н. Влияние глобальных климатических изменений на реализацию потенциала инфекционных заболеваний населения в Российской Арктике (на примере Якутии) // Экология человека. 2009. № 6. С. 34-39.

14. Кильмянинов В.В., Тазатинов В.М., Шепелев В.В. Затопы – ледовые монстры рек Якутии // Наука и техника в Якутии. 2001. № 1. С. 36-40.

15. Клопова Л. Такого наводнения не помнят даже старожилы // Олекма. 2013. 14 мая.

16. Ларионова М. Дел в Кыллахе – непечатый край // Олекма. 1999. 5 июня.

17. О переносе административного центра из села Кыллах в Даппарай // Протокол 77-го заседания Постоянной правительственной комиссии по вопросам административно-территориального устройства и географическим названиям Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakha.gov.ru/node/196042>

18. Поликарпов С.С. Кыллахцы вернулись домой // Олекма. 1999. 25 мая.

19. Постановление Правительство Республики Саха (Якутия) от 15 января 2002 г. № 22 «О переносе наиболее пострадавших в результате наводнений 1998 и 2001 годов населенных пунктов Республики Саха (Якутия)».

20. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 9 июня 2005 г. № 333 «Об организации работ по переносу села Кыллах Олекминского улуса (района) Республики Саха (Якутия)»

21. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 27 мая 2010 года № 253. «Об утверждении Концепции защиты населенных пунктов и объектов экономики Республики Саха (Якутия) от наводнений и других видов негативного воздействия вод».

22. Распоряжение Президента Республики Саха (Якутия) от 3 августа 2006 г. №320-РП «О строительстве жилых домов в связи с переносом с. Кыллах муниципального района «Олекминский район»».

23. Семенов Ю. Ни дна, ни крыши, ни от беды передышки // Якутия. 1998. 23 мая.

24. Тимофеева Д. Трагедия глазами очевидца // Олекма. 2013. 17 мая.

25. Тимофеева Д. 1-й Нерюктяй. Паводок 2013 // Олекма. 2013. 21 мая.

26. Филиппова В.В. Влияние климатических изменений на расселение населения Якутии // Материалы IX Симпозиума по развитию холодных регионов ISCORD 2010, г. Якутск. 1-5 июня 2010 г. Якутск, 2010. С. 261.

27. Филиппова В.В. Социальные вызовы периодических наводнений в Якутии // Арктика и Север. 2011. №4. С.207-212.

28. Хисамутдинова Т.Л. Послесловие к паводку. На передовых рубежах гидрологи // Олекма. 2001. 31 мая.

29. Хроника ЧС на Дальнем Востоке // Дальневосточный региональный центр МЧС России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fareast.mchs.ru/document/157911>

30. Community adaptation and vulnerability in Arctic regions. Germany: Springer-Verlag, 2010.

31. Carr, E.R., Thompson, M.C., 2014. Gender and climate change adaptation in agrarian settings: current thinking, new directions, and research frontiers. *Geography Compass*, Vol. 8, no. 3, pp. 182-197.

32. Filippova, V.V., 2013. Adaptation to extreme impacts of climate change: the experience of the villages of Yakutia. In: Proceedings of 2nd international conference "Global Warming and the Human-Nature Dimension in Siberia: Social Adaptation to the Changes of the Terrestrial Ecosystem, with an Emphasis on Water Environments" and the 7th Annual International Workshop "C/H₂O/Energy balance and climate over boreal and arctic regions with special emphasis on eastern Eurasia". Yakutsk, pp. 52-54.

33. Filippova, V.V., 2015. Leave or stay: settlement of ancestors under natural disasters in Yakutia // Book of abstracts of the Fourth International Symposium on the Arctic Research (ISAR-4), Arctic Science Summit Week (ASSW) 2015. April, 27-30 2015. Toyama, p. 308.

34. Gender perspectives: integrating disaster risk reduction into climate change adaptation – good practices and lessons learned. URL: http://www.unisdr.org/eng/about_isdr/isdr-publications/17-Gender_Perspectives_Integrating_DRR_CC/Gender_Perspectives_Integrating_DRR_CC_Good%20Practices.pdf

35. Keskitalo, C., Dannevig, H., Hovelsrud, G., West, J., Swartling, A., 2011. Adaptive capacity determinants in developed states: examples from the Nordic countries and Russia. *Environmental Change*, Vol. 11, no. 3, pp. 579-592.

36. The Governance cluster. Climate change and gender: economic empowerment of women through climate mitigation and adaptation? Working paper, October 2010.

37. Vinokurova, L.I., Filippova, V.V. Gender aspects of social consequences of climate changes in Yakutia. In: ICASS VIII: Book of Abstracts. URL: http://resweb.res.unbc.ca/icass2014/Book_of_Abstracts_2014.05.12.pdf

38. Zhegusov, Y.I., Ksenofontov, S.M., Maksimov, T.Ch., Sugimoto, A., Iwahana, G., 2013. Chapter 16. Environmental consciousness of local people of Yakutia under global climate change. In: Dincer, I., Colpan, C.O., and Kadioglu, F. eds., 2013. Causes, impacts and solutions to global warming. New York: Springer, pp. 251-260.

REFERENCES

1. Argylov, N., 2007. «Velikoe pereselenie» ili problemy «novogo» Kyllaha [«Great migration» or the problem of the «new» Kyllah], Olekma, 28 August. (in Russ.)

2. Berezin, E., 2008. Tri ocheredi zastroiki [Three stages of development], Olekma, 8 February. (in Russ.)

3. Boyakova, S.I., Vinokurova, L.I., Ignat'eva, V.B., Filippova, V.V., 2010. Narody Arktiki v usloviyakh global'nykh klimaticheskikh izmenenii: ustoichivost', transformatsii, adaptatsiya [The peoples of the Arctic in the context of global climate change: stability, transformation, adaptation]. In: Materialy IX Simpoziuma po razvitiyu kholodnykh regionov ISCORD 2010, g. Yakutsk. 1-5 iyunya 2010 g. Yakutsk, p. 202. (in Russ.)

4. Boyakova, S.I., Vinokurova, L.I., Ignat'eva, V.B., Filippova, V.V., 2010. Yakutiya v usloviyakh global'nykh klimaticheskikh izmenenii: uyazvимость, riski, sotsial'naya adaptatsiya [Yakutia in the context of global climate change: vulnerability, risk, social adaptation], Severo-Vostochny gumanitarny vestnik, no. 1, pp. 22-25. (in Russ.)

5. Boyakova, S.I., Vinokurova, L.I., Ignat'eva, V.B., Filippova, V.V., 2011. Sotsial'nye posledstviya i adaptatsiya naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) k chrezvychaynym situatsiyam prirodno go kharaktera (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Social impacts and adaptation of the Republic of Sakha (Yakutia) for emergencies of natural origin (based on sociological research)], Severo-Vostochny gumanitarny vestnik, no. 2, pp. 37-41. (in Russ.)

6. Demika, N.K. ed., 2007. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti [Life safety]. Moskva: Izd-vo Ros. ekon. akad. (in Russ.)

7. Burtseva, E.I., Parfenova, O.T., 2015. Ekonomicheskii ushcherb ot navodnenii na rekakh Respubliki Sakha (Yakutia) [The economic damage from floods on the rivers of the Republic of Sakha (Yakutia)], Problemy sovremennoi ekonomiki, no. 1, pp. 256-259. (in Russ.)

8. V Olekminskom raione sozdaetsya novyi obraz yakutskogo sela [A new image of the Yakut village in Olekminsky district]. URL: <http://www.egorborisov.ru/news/445.html> (in Russ.)

9. Vorob'ev, Yu.L., Akimov, V.A., Sokolov, Yu.I., 2003. Katastroficheskie navodneniya nachala XXI veka: uroki i vyvody [Catastrophic floodings of the beginning of the XXI century: lessons and conclusions]. Moskva: DEHKS-Press. (in Russ.)

10. Voronin, P.Yu., Maksimov, T.Kh., Mukhin, V.A., Kuznetsov, V.V., 2010. Gazoobmen ugleroda v sisteme atmosfera – boreal'nye lesa severnoi Evrazii pri potepnenii klimata [Gas exchange of carbon in the atmosphere – the boreal forest of northern Eurasia under climate warming]. In: Ekstremal'nye prirodnye yavleniya i katastrofy: v 2 t. T. 1: Otsenka i puti snizheniya negativnykh posledstviy ekstremal'nykh

prirodnikh yavlenii. Moskva: IFZ RAN, pp. 385-396. (in Russ.)

11. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. Tom 11. Svodnye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. [The results of the National Population Census 2010. Vol. 11. Summary results of the National Population Census 2010]. URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (in Russ.)

12. Iz raporta svyashchennika A. Berdnikova ot 21 fevralya 1890 g. [Report of the priest Alexander Berdnikov on February 21, 1890], Yakutskie eparkhial'nye vedomosti, 1890, no. 15. (in Russ.)

13. Kershengol'ts, B.M., Chernyavskii, V.F., Repin, V.E., Nikiforov, O.I., Sofronova, O.N., 2009. Vliyanie global'nykh klimaticheskikh izmenenii na realizatsiyu potentsiala infektsionnykh zabozevaniy naseleniya v Rossiiskoi Arktike (na primere Yakutii) [The effects of global climate change on the infectious diseases among the population of the Russian Arctic (the case of Yakutia)], Ekologiya cheloveka, no. 6, pp. 34-39. (in Russ.)

14. Kil'myaninov, V.V., Tazatinov, V.M., Shepelev, V.V., 2001. Zatory – ledovye monstry rek Yakutii [Ice blockages – ice monsters of Yakutia rivers], Nauka i tekhnika v Yakutii, no. 1, pp. 36-40. (in Russ.)

15. Klopova, L., 2013. Takogo navodneniya ne pomnyat dazhe starozhily [Even the old-timers did not remember such a flood], Olekma, 14 May. (in Russ.)

16. Larionova, M., 1999. Del v Kyllahe – nepochaty kraj [No end of work in Kyllah], Olekma, 5 June. (in Russ.)

17. O perenose administrativnogo tsentra iz sela Kyllah v Dapparai [The transfer of the village administrative center from Kyllah to Dapparai], Protokol 77-go zasedaniya Postoyannoi pravitel'svennoi komissii po voprosam administrativno-territorial'nogo ustroystva i geograficheskim nazvaniyam Respubliki Saha (Yakutia). URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/196042> (in Russ.)

18. Polikarpov, S.S., 1999. Kyllahtsy vernulis' domoi [Residents of Kyllah returned home], Olekma, 25 May. (in Russ.)

19. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Saha (Yakutiya) ot 15 yanvarya 2002 g. № 22 «O perenose naibolee postradavshikh v rezul'tate navodnenii 1998 i 2001 godov naselennykh punktov Respubliki Sakha (Yakutia)» [Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), January 15, 2002, № 22 «On the transfer of the settlements of the Republic of Sakha (Yakutia) most affected by the floods in 1998 and 2001»]. (in Russ.)

20. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Sakha (Yakutia) ot 9 iyunya 2005 g. № 333 «Ob organizatsii rabot po perenosu sela Kyllah Olekminskogo ulusa (raiona) Respubliki Sakha (Yakutia)» [Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), June 9, 2005, № 333 «On the organization of the transfer of Kyllah village of Olekminsky Ulus (District) of the Republic of Sakha (Yakutia)»]. (in Russ.)

21. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Sakha (Yakutia) ot 27 maya 2010 goda № 253 «Ob utverzhdenii Kontseptsii zashchity naselennykh punktov i ob'ektov ekonomiki Respubliki Saha (Yakutia) ot navodnenii i drugikh vidov negativnogo vozdeistviya vod» [Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), May 27, 2010, № 253. «On approval of the Concept of protecting settlements and economy of the Republic of Sakha (Yakutia) from floods and other adverse effects of water»]. (in Russ.)

22. Rasporyazhenie Prezidenta Respubliki Sakha (Yakutia) ot 3 avgusta 2006 g. №320-RP «O stroitel'stve zhilykh domov v svyazi s perenosom s. Kyllah munitsipal'nogo raiona «Olekminskii raion»» [Order of the President of the Republic of Sakha (Yakutia), August 3, 2006, №320-RP «On the construction of residential houses in connection with the transfer of Kyllah village of Olekminsky district»]. (in Russ.)

23. Semenov, Yu., 1998. Ni dna, ni pokryshki, ni ot bedy peredyshki [Bad luck and no respite from troubles], Yakutia, 23 May. (in Russ.)

24. Timofeeva, D., 2013. Tragediya glazami ochevidtsa [Eyewitnesses of the tragedy], Olekma, 17 May. (in Russ.)

25. Timofeeva, D., 2013. 1 Neryuktai. Pavodok 2013 [1st Neryuktai. The flood of 2013], Olekma, 21 May. (in Russ.)

26. Filippova, V.V., 2010. Vliyanie klimaticheskikh izmenenii na rasselenie naseleniya Yakutii [The impact of climate change on the resettlement of the population of Yakutia]. In: Materialy IX Simpoziuma po razvitiyu holodnykh regionov ISCORD 2010, g. Yakutsk, 1-5 iyunya 2010 g. Yakutsk, 2010, p. 261. (in Russ.)

27. Filippova, V.V., 2011. Sotsial'nye vyzovy periodicheskikh navodnenii v Yakutii [Periodic floods in Yakutia: social challenges], Arktika i Sever, no. 4, pp. 207-212. (in Russ.)

28. Khisamutdinova, T.L., 2001. Posleslovie k pavodku. Na peredovykh rubezhakh gidrologii [Afterword to the floods. Hydrologists at the forefront], Olekma, 31 May. (in Russ.)

29. Khronika ChS na Dal'nem Vostoke [Chronicle of emergency in the Far East], Dal'nevostochny

regional'ny tsestr MChS Rossii. URL: <http://fareast.mchs.ru/document/157911> (in Russ.)

30. Community adaptation and vulnerability in Arctic regions. Germany: Springer-Verlag, 2010.

31. Carr, E.R., Thompson, M.C., 2014. Gender and climate change adaptation in agrarian settings: current thinking, new directions, and research frontiers. *Geography Compass*, Vol. 8, no. 3, pp. 182-197.

32. Filippova, V.V., 2013. Adaptation to extreme impacts of climate change: the experience of the villages of Yakutia. In: Proceedings of 2nd international conference "Global Warming and the Human-Nature Dimension in Siberia: Social Adaptation to the Changes of the Terrestrial Ecosystem, with an Emphasis on Water Environments" and the 7th Annual International Workshop "C/H₂O/Energy balance and climate over boreal and arctic regions with special emphasis on eastern Eurasia". Yakutsk, pp. 52-54.

33. Filippova, V.V., 2015. Leave or stay: settlement of ancestors under natural disasters in Yakutia // Book of abstracts of the Fourth International Symposium on the Arctic Research (ISAR-4), Arctic Science Summit Week (ASSW) 2015. April, 27-30 2015. Toyama, p. 308.

34. Gender perspectives: integrating disaster risk reduction into climate change adaptation – good

practices and lessons learned. URL: http://www.unisdr.org/eng/about_isdr/isdr-publications/17-Gender_Perspectives_Integrating_DRR_CC/Gender_Perspectives_Integrating_DRR_CC_Good%20Practices.pdf

35. Keskitalo, C., Dannevig, H., Hovelsrud, G., West, J., Swartling, A., 2011. Adaptive capacity determinants in developed states: examples from the Nordic countries and Russia. *Environmental Change*, Vol. 11, no. 3, pp. 579-592.

36. The Governance cluster. Climate change and gender: economic empowerment of women through climate mitigation and adaptation? Working paper, October 2010.

37. Vinokurova, L.I., Filippova, V.V. Gender aspects of social consequences of climate changes in Yakutia. In: ICASS VIII: Book of Abstracts. URL: http://resweb.res.unbc.ca/icass2014/Book_of_Abstracts_2014.05.12.pdf

38. Zhegusov, Y.I., Ksenofontov, S.M., Maksimov, T.Ch., Sugimoto, A., Iwahana, G., 2013. Chapter 16. Environmental consciousness of local people of Yakutia under global climate change. In: Dincer, I., Colpan, C.O., and Kadioglu, F. eds., 2013. Causes, impacts and solutions to global warming. New York: Springer, pp. 251-260.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ: СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИЙ ОПЫТ

На основе архивных материалов в статье исследуется становление интернациональных студенческих строительных отрядов как абсолютно нового направления студенческого движения в международном сотрудничестве, инициированное на союзном уровне и поддержанное областным комитетом ВЛКСМ. Автор анализирует общие предпосылки формирования интеротрядов, критерии отбора и требования к их руководящему составу, студентам, освещает специфику деятельности первых интеротрядов. Автор приходит к выводу, что идея студенческих контактов в сфере трудового сотрудничества, формирования первых интернациональных студенческих отрядов между двумя странами логично вытекала из устоявшихся приграничных связей, молодежных обменов ВЛКСМ и МРСМ.

Ключевые слова: интернациональные отряды, студенческие отряды, Бурятская АССР, Монголия, ВЛКСМ, МРСМ

International student brigades: Soviet-Mongolian experience. ANDREY Z. BADMAEV (Buryat State University)

Relying upon archival materials, the article studies the emergence and development of international students' construction brigades as a brand new trend in a student movement, being part of international cooperation initiated by the state and supported by a local Komsomol committee. In the referred period, a firm ground was being laid for a lasting labour cooperation between students of the Soviet Union and other socialist countries, including Mongolia. The author analyses general prerequisites for the creation of inter-brigades, selection criteria and requirements to brigades' leaders and students. The author suggests that the idea to establish contacts between students in the field of labour cooperation and to form first international students brigades of the two countries was naturally prompted by existing cross-border cooperation and youth exchange programs between the Soviet and Mongolian Komsomol Committees.

Keywords: international brigades, student brigades, Buryat ASSR, Mongolia, Soviet Komsomol Committee, Mongolian Komsomol Committee

Проблемы становления экономики, образования, развития культуры для молодой Монгольской Народной Республики (МНР), заявившей о себе, как о государстве в 1924 г., во многом были связаны с пребыванием, учебой, стажировками монголов в Советском Союзе, изучением ими русского языка. Первые квалифицированные кадры, армейский корпус страны, ученые и учителя прошли

обучение в Советском Союзе. Устоявшееся к середине 1960-х гг. советско-монгольское сотрудничество, копирование Монгольской Народной Республикой советской модели развития, образовательная политика двух стран предопределили развитие динамичных интернациональных связей между ними. Молодежный и студенческий обмен был органично включен в уже выстроенную си-

* БАДМАЕВ Андрей Захарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета.

E-mail: badmaevaz@yandex.ru

© Бадмаев А.З., 2016

стему партийно-государственных взаимоотношений СССР-МНР, а географическая близость, исторические связи Восточно-Сибирского региона обусловили активность этого обмена. В этот период Бурятский областной комитет ВЛКСМ и Монгольский революционный союз молодежи (МРСМ) обеспечивали молодежные контакты между двумя странами по плану, утвержденному областным комитетом партии.

1969 год был ознаменован официальным визитом в Бурятскую Республику представителей Центрального комитета МРСМ, пограничных аймачных ревсомольских и районных организаций. В Гусиноозерске (Селенгинский район) состоялся семинар по обмену опытом работы первых секретарей районных комсомольских организаций с приглашением группы ревсомольских работников. Несколько ревсомольских делегаций Селенгинского, Хубсугульского, Булганского аймаков МНР совершили ознакомительные поездки в Кяхтинский, Джидинский, Закаменский районы республики. Делегация Бурятской АССР, сформированная из ветеранов Халхин-гола, комсомольских работников, активистов, приняла участие в торжественном праздновании 30-летия победы советско-монгольской армии на Халхин-голе. Монгольские спортсмены предприняли велопробег Улан-Батор – Улан-Удэ – Чита, который вылился в большой спортивный и интернациональный праздник молодежи двух стран (Государственный архив Республики Бурятия, далее – ГАРБ. Ф. 36. Оп. 5. Д. 14. Л. 116). Взаимные поездки в приграничные районы и отдельные аймаки приняли регулярный характер, и в следующем 1970 г. поддерживались добрососедские и дружеские отношения между молодежью двух городов-побратимов Улан-Удэ и Дархан (МНР). В содержательной части культурных обменов между делегациями большую долю составляли спортивные соревнования. Состоялись товарищеские встречи по разным видам спорта: футболу, стрельбе из лука, волейболу, лыжам, конькам. В гастрольной поездке в МНР побывала молодежная группа творческих работников из республики: артисты, писатели, поэты, музыканты. В Восточно-Сибирском государственном институте культуры и профессиональном техническом училище №15 организаторы провели встречи и вечера с обучающимися в этих учебных заведениях монгольскими студентами (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 5. Д. 14. Л. 166).

Необходимо отметить, что Бурятский государственный педагогический институт имени Д. Банзарова (БГПИ) еще в 1968 г. выступил флагманом в установлении дружеских связей с монгольской

стороной. На заседании комсомольской организации института (имеющей права районного комитета) политмассовому сектору вуза предлагалось форсировать комплектование студенческого строительного отряда (ССО) в количестве 15 лучших студентов для работы на территории степной страны. В свою очередь ожидалось, что это предложение найдет отклик Улан-Баторского педагогического института и обеспечит не только прибытие монгольского студотряда на летний семестр, но и годовое сотрудничество вузов-партнеров. В мае того же года планировалось утвердить списки участников интернационального отряда. Соседний Иркутск был готов делегировать в МНР студенческий отряд численностью в 50 человек. Стоит отметить, что план обкома ВЛКСМ по созданию в БГПИ им. Д. Банзарова институтского отряда в 150 человек находился под угрозой срыва, его формирование шло замедленными темпами. В мае только факультет иностранных языков и физико-математический факультет сформировали отряды. Историко-филологический и факультет физического воспитания к этому времени не сформировали ни одного отряда (ГАРБ. ФП. 3782. Оп. 1. Д. 6. Л. 18-19). Секретарь комсомольской организации В. Тэлин обещал к 15-17 мая проконтролировать решение вопросов по месту дислокации монгольского отряда, жилью, культурному отдыху, бытовым условиям, продолжительности рабочего дня. На заседании комитета комсомола были оговорены требования к бойцам интернационального ССО: активное участие в художественной самодеятельности, спортивной жизни, принадлежность к пропагандистскому цеху в качестве лекторов. Был решен вопрос по персоналиям. Планировалось, что пост комиссара отряда займет секретарь комсомольской организации бурятского отделения БГПИ С. Бабушкин, Г. Манжуев усилит состав отряда как участник международных турниров по вольной борьбе, фотограф В. Дмитриенко отразит летопись будущих достижений (ГАРБ. ФП. 3782. Оп. 1. Д. 6. Л. 23-24). Но 1968 год не стал годом, символизирующим студенческий обмен между двумя странами. Вместе с тем некоторые организационные принципы формирования будущих интернациональных отрядов с учетом личных качеств студентов, коммунистической принадлежности руководящего состава и знания ими родственного монгольского языка уже были выстроены.

Параллельно на общесоюзном уровне шел процесс активизации культурного и студенческого сотрудничества со странами социалистического лагеря. В 1969 г. областной комитет ВЛКСМ

дважды бомбардировал ЦК ВЛКСМ письмами на имя тов. Н.М. Елизарова с предложением о студенческом обмене с МНР. В официальной переписке («О местном студенческом обмене с социалистическими странами» от 31 октября 1969 г.) отмечалось усилившееся приграничное молодежное сотрудничество с аймачными ревсомольскими организациями, предполагалось в предстоящем 1970 г. осуществить взаимные поездки коллективов художественной самодеятельности. ЦК ВЛКСМ в этот период выразил готовность к обмену ССО с МНР, но ректорат Монгольского педагогического института по неизвестным причинам попросил отменить обмен студенческими отрядами в 1969 г. (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 5. Д. 14. Л. 139-140). Думается, что ректорат монгольского вуза проявил взвешенную позицию и вместе с тем оправданную осторожность, осознавая неординарность предложения советской стороны. Вчерашние кочевники хоть и воспроизводили во многом советскую модель развития страны, опыта создания мобильных студенческих трудовых бригад еще не имели, как собственно и подготовленных в достаточном количестве квалифицированных кадров по строительным специальностям. Процесс обучения, подготовки собственных кадров в сфере промышленного строительства в общегосударственном масштабе только набирал обороты. А сельское хозяйство (его основа – животноводство) и в настоящее время характеризуется кочевым способом производства с неизменным круглогодичным пастбищным содержанием скота. Возможно, поэтому прозвучал вежливый отказ монгольской стороны. Допустим фактор иного порядка, «человеческий фактор». Степь сформировала совершенно особые временно-пространственные связи в жизнедеятельности монголов, обусловила их неспешность, а порой и беспечность. В этой связи сыграла свою роль нерасторопность вузовских представителей, ответственных за молодежный обмен.

Однако проигнорировать предложение ВЛКСМ накануне празднования официальных юбилейных дат в истории Монголии уже вряд ли представлялось возможным. В 1971 г. ожидалось такие знаменательные даты в истории Монголии, как 50-летие со дня создания Монгольской народно-революционной партии (МНРП), образования МНР и создания МРСМ. В официальном письме в ЦК ВЛКСМ на имя А.А. Лебедева, датированном 27 ноября 1970 г., областной комитет комсомола, подчеркивая сложившиеся традиционные связи между молодежью двух городов-побратимов г. Улан-Удэ и г. Дархан, обратил внимание на об-

ретаемый опыт работы и растущую широкую массовость студенческих отрядов. Далее в письме вновь прозвучало предложение по обмену студенческими строительными отрядами между СССР и Монголией в следующем году. Особенно подчеркивалось значение юбилейных исторических дат для степной страны (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 5. Д. 14. Л. 166-167). Не осталась без внимания просьба обкома ВЛКСМ решить вопрос с финансированием приема и обмена делегациями двух стран, что ранее не предусматривалось в бюджетном планировании расходов комсомольской организации. В письме было высказано пожелание регулировать укрепляющиеся связи между бурятской областной комсомольской организацией и ревсомолом МНР по линии ЦК ВЛКСМ и ЦК МРСМ и приурочивать обмен молодежными делегациями молодежи к знаменательным датам в истории союзов. В результате работа в данном направлении была усилена, что привело к отбору 20 студентов с каждой стороны, соответствующих требованиям вузовских комсомольских и ревсомольских комитетов. В 1971 г. были сформированы первые интернациональные студенческие отряды «Дружба» и «Найрамдал» («Дружба»). Этому событию предшествовала пятидневная командировка в МНР главного инженера Бурятского областного студенческого строительного отряда З.Р. Карпиеня для заключения межвузовского договора по обмену студенческими строительными отрядами (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 4. Л. 35).

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период текущая работа по обмену молодежными делегациями двух стран продолжалась. Неслучайно в мае 1971 г. бюро обкома ВЛКСМ утвердило наградное постановление. За большую работу по укреплению интернациональной дружбы между молодежью МНР и Бурятской АССР и в связи с 50-летием Монгольской народной революции и Ревсомола Почетной грамотой областного комитета ВЛКСМ были награждены первый секретарь Селенгинского аймачного комитета Ревсомола МНР П. Эрдэнэбат и организатор ЦК Ревсомола МНР М. Очирбат (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 3. Л. 139). Летом 1971 г. по приглашению руководителя корпуса обкома ВЛКСМ с трехдневным визитом столицу Бурятии посетила монгольская делегация. В июле 1971 г. в состав Всесоюзной делегации в МНР для участия в походе по местам боевой, трудовой славы монгольского народа был включен чабан колхоза «Эрдэм» Селенгинского района С.Д. Тохтохоев (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 4. Л. 15, 58). В августе того же года в Улан-Батор прибыла Всесоюзная молодежная делегация для

участия в монголо-советском фестивале. Переводчиком по просьбе секретариата ЦК ВЛКСМ был рекомендован аспирант Института общественных наук БФ СО АН СССР В.Б. Цыбикжапов (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 4. Л. 119).

Итак, согласно майскому постановлению 1971 г. ЦК ВЛКСМ, летом того же года в деятельности строительных студенческих отрядов республики был задействован новый элемент, включавший создание интернациональных строительных бригад и их обмен на базе Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова (СССР) и Улан-Баторского государственного педагогического института (МНР) (ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 148-149). Обмен отрядами придал интернациональным связям двух молодежных организаций новый импульс и на долгие годы стал весомым фактором, отражающим идейно-воспитательную, производственную и общественно-политическую работу среди молодежи двух стран.

По запланированному графику политотделом облстудстройотряда, ректоратом, комитетом ВЛКСМ БГПИ была организована учеба бойцов ССО, отъезжающих в МНР. Были прочитаны лекции по международному положению, международному студенческому движению, правилам поведения туриста за рубежом, перспективам развития Бурятской АССР в новой пятилетке, экономике, промышленности, культуре Монголии, истории Революционного союза молодежи в общем объеме 17 часов. Членам отряда была выдана единая форма. Отряд советских студентов выехал за рубеж 17 июля.

Отряд монгольских студентов в составе студенческого строительного отряда «Транспорт-71» ВСТИ прибыл на место дислокации на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку – строительство Гусиноозерской ГРЭС 22 июля. Период пребывания интернационального отряда на строительстве ГРЭС был сопряжен с серьезными трудностями по обеспечению отряда фронтом работ. Стройка только разворачивалась, неритмичность обеспечения стройматериалами, механизмами, присущие строительным организациям в организационный период, неоднократные снятия отряда на борьбу с наводнением – все это отрицательным образом влияло на выполнение производственной программы. Отряд монгольских студентов в основном использовался на подсобных работах. Отряд был размещен в палатках с установленными нарами, члены ССО были обеспечены постельными принадлежностями. Были оборудованы пищеблок и установлены стенды для стенгазет, сообщений штаба «Молний», боевых листков.

Монгольские студенты были размещены вместе с советскими студентами. Со студентами (в том числе с монголами) отряда были проведены беседы на тему «О перспективах развития Бурятии», об Уставе ССО. Первый секретарь Селенгинского райкома ВЛКСМ Г. Галсанов рассказал бойцам о перспективах развития своего района, деятельности колхозов, совхозов. В лагере еженедельно выпускались стенная газета, боевые листки с итогами рабочего дня выпускались ежедневно. В день приезда был проведен торжественный митинг, на котором присутствовали руководители строительства, партийные и комсомольские работники. В торжественной обстановке на флагштоке были подняты советский и монгольский флаги, символизирующие дружбу, сотрудничество двух братских государств. Политотделом областного штаба был разработан подробный план по приему отряда монгольских студентов. Работа интернационального отряда освещалась журналистами в газете «Правда Бурятии» (27 августа 1971 г.) (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 150). 18 августа отряд монгольских студентов выехал на родину.

Представляется, что на условиях пребывания и работы монгольского студотряда необходимо остановиться подробнее. Общая картина такова. На Гусиноозерскую ГРЭС и завод мостовых металлоконструкций было направлено 2 отряда численностью 70 человек. Данные крупные комплексы включали широкий диапазон строительных работ – от земляных до монтажа железобетонных конструкций. Однако руководители строительных организаций (СМП-834 и СУ ГРЭС) формально и поверхностно подготовились к приему ССО, учитывая тот факт, что ежегодные заявки от строительных управлений поступали на 100-150 человек. Но фронт работ с их стороны для такого количества бойцов не предоставлялся. Руководители строительно-монтажного предприятия (СМП-834) не нашли взаимопонимания с руководством областного штаба ССО и, явно недооценивая готовность студенческих отрядов к результативной деятельности, предложили оставить членов ССО в студенческих общежитиях на период трудового семестра. Областной штаб с этим не согласился и снял 2 отряда (80 чел.) с объекта завода мостовых конструкций (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 16).

Необходимо отметить, что в подготовительный период для работы на ГРЭС был сформирован сильный по составу отряд ВСТИ с опытным командиром А. Бондарчуком, который третий год обеспечивал руководство отрядом. Дважды в апреле и мае он командировался на место дислокации, но только в июне руководители стройуправления

ГРЭС наметили будущий фронт работ. Однако договорной фронт работ так и не был подготовлен. Сотрудники облштаба выезжали четыре раза на место дислокации отряда, требовали обеспечить отряд стройматериалами. Строительное управление (СУ) ГРЭС существенных мер по улучшению положения в отряде не предприняло (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 17).

1 июля отряд прибыл в Гусиноозерск и занялся устройством палаточного городка, его электрификацией и благоустройством. Вплотную к работе отряд был готов приступить 4 июля, но договорные объекты не были подготовлены к приезду отряда. В течение трех недель члены отряда бездействовали, не имели возможности выполнять намеченную производственную программу, так как постоянно срывалась поставка строительных материалов на объекты. Отряд был вынужден заниматься побочными работами: разгрузкой вагонов с оборудованием для стройки, штабелированием стройматериалов, очисткой территории от строительного мусора. Бойцы выражали неудовлетворенность неквалифицированной работой. Штаб отряда и представители областного штаба неоднократно ставили вопрос о коренном улучшении в организации работ по отряду. Но руководители СУ проявляли пассивность и практически не предпринимали собственных усилий и инициатив для решения назревших вопросов. Во второй половине июля положение простаивавших студенческих отрядов усугубилось в связи с погодными условиями – затянувшимся периодом дождей. Работа студентов вынужденно прерывалась, так как в отдельные дни доставка материалов была затруднена и попросту невозможна. Только в последние две трудовые недели работа отряда акти-

визировалась, но основное время было упущено. Производственная программа была выполнена только на 32%. Удрученные члены отряда главную вину за малоэффективную работу возложили на СУ ГРЭС, высказывали мысль, что на Всесоюзной ударной стройке организация строительных работ должна быть несравненно выше, чем это было представлено на Гусиноозерской ГРЭС (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 47).

В таких условиях в течение 20 дней студенты Улан-Баторского педагогического института впервые работали вместе со студентами советских вузов. В их деятельности не ощущалось заданности рабочего ритма, определенности, производственной самостоятельности: стройуправление банально не подготовило фронта работ на строительном объекте. Только 6 монгольских студентов были серьезно заняты строительными работами, остальные выполняли подсобные работы (штабелирование материалов, погрузочно-разгрузочные работы). Коллектив отряда отмечал, что состав монгольского отряда (подразделения) был слабый, практики и опыта строительных работ не имел никто (что не удивительно для номадов) и особого старания научиться строить у них не отмечалось (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 48).

О слабой организации работ по студенческим отрядам и их низкой экономической результативности на промышленном строительстве говорят цифры (см. Табл. 1).

Более высокую подготовку к деятельности за рубежом продемонстрировали студенты из Бурятии. В состав интернационального отряда «Дружба-71» вошли 18 студентов БПИ им. Д. Банзарова, врач отряда. Командиром отряда был назначен доцент кафедры русской и зарубежной литерату-

Таблица 1*

Наименование организации (годы)	Год	Количество студенческих строительных отрядов	Стоимость выполненных работ, тыс. руб.	Выработка на 1 члена ССО, руб.
СМП-834	1970	27	11	407
	1971	20	5	250
СУ ГРЭС	1970	68	15**	221**
	1971	50	32	640

*Источник: ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 30

**Примечание: Бурятское управление строительства, министерство промышленности и строительства закладывали выполнение производственной программы в 1970 г. на 108 тысяч руб.; выработка одного члена ССО за весь период работы должна была составить 982 руб.

ры В.Б. Махатов, комиссаром отряда стал студент II курса исторического факультета В.Ц. Хойлов (оба коммунисты). Согласно условиям заключенного межвузовского договора, студенческий отряд был командирован в Монгольскую Народную Республику на период с 18 июля по 23 августа 1971 г. Отряд был скомплектован из студентов-комсомольцев разных факультетов. За время пребывания в МНР отряд жил в общежитии Монгольского государственного педагогического института, питался в столовой №6 политехнического института.

Повседневная жизнь отряда была подчинена строгому режиму дня, принятому отрядом. Ежедневно на вечерней поверке подводились итоги дня, на утренней линейке намечались задачи. Два раза в неделю созывался штаб отряда, было проведено 2 комсомольских собрания. За еженедельные (по средам) проведения политинформации ответственными являлись студенты А. Ундонов, В. Карпов, Е. Фидель, Б. Цыдыпов. В итоговом отчете отмечались содержательные политбеседы члена отряда В. Карпова. В отряде были выпущены фотомонтаж «Советский Союз сегодня», газета «Найрамдал», собран фотоальбом.

Согласно условиям заключенного договора, главным объектом строительства интернационального отряда советских студентов стало возведение гостиницы ЦК ревсомола МНР. По поручению ЦК ревсомола интеротряд также выполнял различные работы по будущему проведению IV-го фестиваля дружбы монгольской и советской молодежи. Студенты были задействованы в подготовке городского стадиона и парка к фестивалю. Отряд принимал участие в оборудовании и открытии интернационального клуба «Найрамдал-Дружба», оформлял фотовыставку. В дни подготовки к фестивалю студентам отряда приходилось работать по 10-11 часов в день. В работе и примерном поведении отличились члены отряда В. Шагжиев, В. Имехенов, С. Нохоев, Г. Курбатова, Б. Цыдыпов. В суммарном значении было отработано 600 человеко-часов (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 179).

Ответственная и напряженная работа отряда сочеталась с мероприятиями по ознакомлению с жизнью и культурой монгольского народа. Студенты совершили ряд экскурсий по Улан-Батору, побывали в музеях, поездках по окрестностям столицы, выступили совместно со студентами ССО «Интер-71» Иркутского института народного хозяйства с двумя концертами в советских воинских частях. В дни фестиваля отряд «Дружба-71» выступил с концертом на вечере встречи монгольской, советской и польской молодежи в

парке «Найрамдал», побывал на концертах художественных групп советской и монгольской молодежи. В дни фестиваля отряд принимал участие в возложении венков к памятнику В.И. Ленина и к усыпальнице вождей монгольского народа Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана, к памятнику советским воинам. Отряд в полном составе участвовал в торжественной церемонии открытия фестиваля, митинге солидарности с борющимися народами Индокитая в клубе «Найрамдал-Дружба», манифестации участников фестиваля и молодежи г. Улан-Батора, посвященной памяти героев – советских и монгольских воинов. За время пребывания в МНР интеротряд «Дружба-71» провел три встречи по футболу с юношеской командой г. Улан-Батора, одну встречу по настольному теннису в Ленинском клубе с командой советских специалистов. Работа отряда нашла отражение в газетах «Залуучуудын унэн», августовском номере газеты «Буряад Унэн» и была заслуженно отмечена дипломом ЦК ревсомола МНР, благодарственными грамотами Улан-Баторского городского комитета ревсомола, двумя грамотами советских воинских частей (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 180).

Студенческий обмен строительными бригадами предполагал насыщенную культурную программу и для монгольских участников. Монгольские студенты совершили выезд на субботник в совхоз «Темник», экскурсию на могилу декабристов, на турбазу «Щучье озеро»; приняли активное участие в праздновании «Дня строителя», в районном субботнике по заготовке кормов (колхозе им. Ленина). Посмотрели концерт ССО «Транспорт-71» перед строителями ГРЭС, в г. Улан-Удэ осмотрели достопримечательности города, посетили художественный музей им. Ц.С. Сампилова, Государственный академический театр оперы и балета, крупнейший в столице республики кинотеатр «Дружба», провели встречу в областном комитете ВЛКСМ, комитете ВЛКСМ ЛВРЗ, осуществили знакомство с коллегами из БГПИ им. Д. Банзарова (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 6. Д. 16. Л. 183).

В 1972 г. областной штаб ССО, комитет комсомола и штаб ССО БГПИ им. Д. Банзарова, учитывая первый опыт обмена студенческими строительными отрядами между вузами Бурятской АССР и Монголии, провели большую организационную работу. При подборе 20 кандидатов в отряд были соблюдены все основные требования и принципы, предъявляемые советскому студенческому отряду, выезжающему за рубеж. Формирование отряда осуществлялось из числа студентов, которые обладали отличной и хорошей успеваемостью в учебном процессе, принимали активное

участие в общественной жизни института. Окончательный состав отряда был утвержден на бюро заседания комитета комсомола и парткома института. В составе отряда (7 девушек и 13 юношей) было 2 члена КПСС, 18 комсомольцев. Политотделом облстудстройотряда, ректоратом, комитетом ВЛКСМ БГПИ была организована учеба бойцов ССО, отъезжающих в МНР. Были прочитаны лекции, аналогичные тематике 1971 г.: итоги IX пятилетки; развитие Бурятской АССР в новой пятилетке; история Ревсомола. Члены отряда были экипированы в единую форму с эмблемой областного отряда. Отряд «Дружба» находился в Монголии с 18 июля по 20 августа. Бойцы в заграничном трудовом семестре наряду с текущим выполнением производственных задач основное внимание сосредоточили на идейно-политической работе. В период проведения совместных вечеров с монгольскими и польскими студентами бойцы советского интеротряда устраивали живые дискуссии по различным вопросам международной жизни, делились опытом комсомольской работы, рассказывали о системе высшего образования в СССР, родной республике, выступали с лекциями и концертами. Результатом этой работы, по отзывам самих участников, стала искренняя дружба монгольских и советских студентов. Отряд отметил свое пребывание результативной производственной работой. Работа отряда БГПИ им. Д. Банзарова была высоко оценена друзьями-коллегами из МНР, отряд был награжден Почетной грамотой Ревсомола (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 7. Д. 30. Л. 49-50).

В этот же период студотряд «Найрамдал» Улан-Баторского пединститута работал на головных очистных сооружениях города Улан-Удэ. Состав отряда был подобран из лучших студентов Улан-Баторского пединститута: 2 делегата XVI съезда ЦК Ревсомола, в том числе комиссар отряда Жамьяншаравын Дугэр, награжденный за заслуги перед Монгольской Республикой орденом Полярной Звезды (высшая награда страны). За время работы монгольские студенты показали себя как хорошо организованный, сплоченный коллектив, способный с успехом решать производственные задачи. За ударный труд на очистных сооружениях г. Улан-Удэ коллектив интеротряда «Найрамдал» руководством СМУ-5 Бурятского управления строительства и Бурятским ОК ВЛКСМ был награжден Почетными грамотами. Но не только производственными показателями монголы заслужили признательность местной молодежи. Обширная культурно-развлекательная программа совместного отдыха впечатлила студентов с обеих сторон. Монгольские студенты неоднократно

выступили с концертами перед пионерами и школьниками, рабочими коллективами, студентами. Прошли встречи с отрядами «Меридиан», «Интеграл-II», «Романтики» с отрядом студентов МНР. Советские студенты встретили монгольских гостей хлебом, солью, чаем из русского самовара и бурятским национальным чаем. Встреча закончилась совместным концертом и танцами.

На заключительном этапе рабочего сезона бойцы монгольского стройотряда на протяжении трех дней отдыхали и набирались сил на турбазе «Байкальский прибой», лично убедившись в оздоровительном климате байкальского побережья. На подведении итогов трудового семестра 1972 г. комиссар отряда Ж. Дугэр отметил возросшую с их стороны симпатию к СССР, говорил о полезном знакомстве с бытом и жизнью советского студенчества, организацией работы студенческих строительных отрядов, о намерении взять на вооружение все лучшее в деятельности ССО. Комсомольские и ревсомольские лидеры признали, что подобная форма студенческого обмена чрезвычайно полезна и служит большим вкладом в укрепление дружбы между народами двух стран (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 7. Д. 30. Л. 51).

Подводя итог, следует отметить, что к концу 1960-х гг. обозначился новый вектор в международных связях комсомола и ревсомола, нацеленный на утверждение новой формы взаимодействия между молодежью двух стран. В 1971 г. это направление обрело четкий завершенный контур в связи с созданием первых интернациональных строительных бригад. К этому периоду приграничные и межрегиональные связи Бурятской АССР и аймаков МНР в комсомольско-молодежном аспекте стали приобретать плановый и комплексный характер. Инициированная (естественно уже заимствованная) областным комитетом ВЛКСМ идея студенческих контактов в сфере трудового сотрудничества, формирования первых интернациональных студенческих отрядов между двумя странами отвечала вызовам времени и логично вытекала из устоявшихся приграничных связей, молодежных обменов ВЛКСМ и МРСМ. Учитывая, что сама идея органично вписывалась в канву генерального курса партии, требующего вспомогательной роли и мобильного приложения молодых сил к решению текущих задач в укреплении содружества СССР и стран социалистического лагеря. Молодежные и студенческие обмены усилили деловые и личные контакты, испытали новый импульс в совместном решении государственных задач, в том числе в сфере образования и народного хозяйства. И хотя этап становления

первых интеротрядов заложил фундамент крепнувших день ото дня международных связей молодежных союзов двух стран, но вместе с тем на первых порах имел лишь промежуточный успех. На эту мысль наталкивает отсутствие сведений по обмену ССО в архивном отчете за 1973 г. (ГАРБ. ФП. 36. Оп. 8. Д. 20). Пока еще не подтвержденный, поверхностный взгляд допускает следующие причины несостоявшегося обмена строительными отрядами. Вполне вероятно, что состав монгольских отрядов (особенно первого), несмотря на общую неприхотливость, активно транслировал руководству МРСМ и ректорату своего вуза информацию о наличии объективных трудностей. Они включали: недоработку, недооценку со сто-

роны руководства встречающих ССО подрядных организаций, не обеспечивших фронт работ (следовательно, неоправдавшиеся ожидания высоких зарплат); использование студентов для выполнения неквалифицированного труда; отсутствие рабочих навыков у монгольских студентов; изнуряющий график проведения работ; плохие бытовые условия; нехватка качественного питания. Кроме того, планирование весьма громоздкого комплекса совместных мероприятий на 1973 г. и частые командировки аппаратных работников ВЛКСМ и МСРМ не дали возможности элементарно подготовить отряды к работе за рубежом. В последующие годы практика обмена ССО между двумя странами возобновилась.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

УДК 316.4, 325

В.С. Хамидулин*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ИНКОРПОРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО**

Статья посвящена анализу основных теоретических подходов, существующих в современной гуманитарной науке, к рассмотрению процесса инкорпорации иммигрантов в принимающее общество. Основное внимание уделяется анализу трех основных теорий: ассимиляции, мультикультурализма и транснационализма. Автором делается вывод о том, что теория иммиграции тяготеет к междисциплинарности и рассмотрению проблематики коммуникации иммигрантов и представителей принимающего общества с индивидуально-групповых, социальных и политических ракурсов внимания.

Ключевые слова: ассимиляция, иммиграция, инкорпорация, мультикультурализм, транснационализм

Theoretical perspectives in immigrant incorporation research. VLADISLAV S. KHAMIDULIN (Far Eastern Federal University)

The article analyzes the key theoretical approaches to the process of immigrants' incorporation into the host society in modern humanities. The study focuses on three principal theories: assimilation, multiculturalism and transnationalism. The author concludes that immigration theory gravitates to interdisciplinarity and views the issue of immigrants' communication with the representatives of host society in terms of individual, group, societal and political perspectives.

Keywords: assimilation, immigration, incorporation, multiculturalism, transnationalism

Проблема теоретического и эмпирического анализа процессов включения иммигрантов в принимающее общество имеет междисциплинарный характер и рассматривается, например, в рамках политической науки, социальной психологии, социологии, нередко обращая внимание на одни и те же аспекты этих процессов. Социетальные аспекты инкорпорации иммигрантов разрабатываются в рамках социологии с конца XIX в., хотя до трудов представителей Чикагской школы

(Р.Е. Парк и У.И. Томас) о систематическом изучении этих проблем говорить нельзя. Первоначально проблемы включения иммигрантов в принимающее общество рассматривались с позиции различных теорий ассимиляции. При этом, если в США социологи предпочитали использовать понятие ассимиляции, часто взаимозаменяемое с понятием интеграции, то в Европе понятие ассимиляции имело слишком биологические оттенки и поэтому там более предпочтительным было по-

* ХАМИДУЛИН Владислав Саидович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета.

E-mail: khamidulin.vs@dvfu.ru

© Хамидулин В.С., 2016

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект №15-33-11174.

нятие интеграции, что не исключало политизацию его использования [6, 18]. В целом, понятия «интеграции» и «ассимиляции» близки и часто употребляются как взаимозаменяемые. В дальнейшем, теория ассимиляции подверглась критике со стороны представителей теорий мультикультурализма и транснационализма. Рассмотрению этих трех больших направлений социальной мысли и посвящена данная статья.

**Инкорпорация как ассимиляция:
возрождение одной теории**

Преобладание теории ассимиляции в западной (а точнее, в американской) социологии наблюдалось на протяжении более половины XX в., сменившись затем почти полным ее забвением в силу, как считалось, низких объяснительных способностей (например, в отношении того, почему афроамериканцы так и не ассимилировались полностью в американский культурный мейнстрим). Фокус внимания социологов сместился на транснациональный характер миграции и межкультурное взаимодействие, что отразилось в появлении теорий транснационализма и мультикультурализма, что, в свою очередь, сменилось новым поворотом в сторону теоретического осмысления проблем ассимиляции и эмпирической проверки новых теоретических положений [5, с. 85-193].

Вместе с тем, как отметил американский социолог Натан Глейзер, проблемы с ассимиляцией черного населения США не подрывают теорию ассимиляции, а, скорее, иллюстрируют тот факт, что предубеждения и дискриминация блокируют ассимиляцию [5, с. 109].

В этом плане интересен пример немецкого населения США. Президент страны Теодор Рузвельт в конце Первой мировой войны высказался в том духе, что люди немецкой крови, пытающиеся быть одновременно немцами и американцами, являются предателями Америки и инструментом, который Германия использует против США. В результате, американские немцы в большинстве своем выбрали ассимиляцию [17, с. 129]. Во время проведения переписи населения США в 2000 г. около 58 млн. американцев на вопрос «каково ваше этническое происхождение» ответили «немецкое». Это самая большая группа этнического происхождения в США. При этом никаких проблем с ними в стране нет, немцы исчезли в плавильном котле [4, с. 46].

Таким образом, проблема теории ассимиляции лежала в характеристиках принимающего общества, не позволяющих некоторым этно-расовым группам ассимилироваться. Попытками возродить эту концепцию стали теория сегментированной

ассимиляции, разработанная А. Портесом и его коллегами, и новая теория ассимиляции Р. Альбы и В. Ни [5, с. 93].

В своей работе, А. Портес и Мин Чжоу [18] выделяют три способа инкорпорации на трех уровнях: на уровне правительства, на социальном уровне и на уровне уже существующих в принимающей стране этнических сообществ политика инкорпорации может быть восприимчивой, индифферентной или враждебной (в вариантах слабая/сильная враждебность).

На уровне правительства речь идет о политике, направленной на помощь иммигрантам в устройстве, либо о безразличии к их прибытию в принимающую страну, либо о постановке официальных барьеров на их пути.

На социальном уровне говорится о позитивном принятии иммигрантов и иммиграции, либо о нейтральном отношении к их прибытию, либо о враждебном отношении к ним.

Когда речь идет об уровне этнических сообществ, то имеется в виду, в какой форме эти сообщества существуют. Если это «сильные» сообщества, включающие в себя не только людей с малым объемом человеческого капитала, но и предпринимателей и квалифицированных специалистов, то иммигранты могут использовать социальные связи в свою пользу. Если же этническое сообщество как таковое не существует, или является слабым, т.е. состоящим преимущественно из представителей неквалифицированного ручного труда, то иммигрантам будет сложно адаптироваться к новым условиям в стране пребывания.

Также, теория сегментированной ассимиляции акцентирует внимание на способности семей иммигрантов справляться с факторами, которые влияют на их жизнь в принимающей стране, т.е. с особенностями социального контекста и политики правительства. Эта способность зависит от человеческого капитала (формального образования и профессиональных навыков), которым располагают иммигранты, от того, полная семья или в ней только один родитель, от уровня враждебности принимающего общества, позиции государственных органов принимающей страны, наличия сильных этнических связей с собственным устоявшимся и преуспевающим этническим сообществом [15].

Указанные факторы определяют, будет ли ассимиляция детей иммигрантов восходящей (на основе человеческого и социального капитала родителей), стагнирующей, когда поколения иммигрантов занимают позиции ручного труда на рынке, или же она окажется нисходящей в нищету, безработицу и девиантный образ жизни. Послед-

ние две разновидности ассимиляции характерны для потомков бедных мигрантов, включая нелегалов [15]. Эти типы ассимиляции сопровождаются процессами консонантной, селективной или диссонантной аккультурации.

Восходящая ассимиляция сопровождается консонантной аккультурацией, которая распространена среди детей специалистов и иммигрантов с высоким объемом человеческого капитала. Родители и дети вместе учат и усваивают язык и культуру принимающего общества. Также, она может сопровождаться селективной аккультурацией, наблюдающейся обычно среди специалистов и иммигрантов с меньшими объемами человеческого капитала. Усвоение языка и культуры принимающего общества сопровождается сохранением сильных связей с этническим сообществом и сохранением ключевых элементов родительской культуры. Билингвизм – хороший показатель такого способа.

Диссонантная аккультурация наблюдается в семьях рабочего класса, когда недостаток человеческого и социального капитала ведет к тому, что усвоение детьми иммигрантов ценностей и языка принимающего общества сопровождается отвержением ценностей и языка, связанных с их родителями. Семейная коммуникация подрывается, авторитет родителей детьми не воспринимается. Этот тип аккультурации не обязательно ведет к нисходящей ассимиляции, хотя и делает ее более вероятной, т.к. разрыв внутрисемейных связей ведет к недостаточному родительскому контролю и неспособности родителей воспитывать своих потомков.

Американский социолог Ева Моравска в дальнейшем модернизировала теорию, выделив два типа и два пути ассимиляции: а) восходящую и нисходящую ассимиляцию иммигрантов в мейнстримную культуру; б) этническую восходящую и нисходящую ассимиляцию, т.е. инкорпорацию иммигрантов в принимающее общество в границах своей этнической группы. Она также выделила непрерывный тип ассимиляции тех, кто постоянно живет в принимающем обществе, и спорадическую ассимиляцию тех, кто постоянно перемещается из своей страны в принимающую страну и обратно [12, с. 9-72].

А. Портес и его коллеги создали влиятельную теорию ассимиляции, которая пользуется широким вниманием со стороны научного сообщества. Создававшаяся специфически для объяснения жизненных траекторий американских детей иммигрантов, которые прибыли после Акта об иммиграции и гражданстве 1965 г., упраздни-

вшего большую часть жестких ограничений на иммиграцию, принятых в США в 1920-х гг. [21], она применяется и в кросс-культурных исследованиях, хотя некоторыми авторами указывается ряд серьезных отличий между кейсами (европейские, например, демонстрируют преобладание дискриминации на основе не расовых, а, скорее, религиозных различий) [25]. К другим замечаниям можно отнести критику таких ее допущений, как значимость занятости иммигрантов на промышленных предприятиях для их восходящей ассимиляции (теория не смогла объяснить, например, разницу между итальянскими и польскими иммигрантами, результаты ассимиляции которых в США были очень разными), а также указание на упрощающий характер объяснений, которые в рамках теории сегментированной ассимиляции выдвигаются [5, с. 119].

«Новая теория ассимиляции» Р. Альбы и В. Ни, в рамках которой ассимиляция определяется как ослабление этнического разделения и следующее за этим снижение культурных и социальных различий, обращает внимание на социальные границы, которые существуют в принимающем обществе и определяют уровень включения в него иммигрантов [1, с. 11; 5, с. 122].

Авторы попытались совместить противоречивые теории методологического индивидуализма (Вебер) и методологического холизма (Дюркгейм), используя ключевые положения неинституционализма, когда институциональные изменения объясняются через причинные механизмы, встроенные в целевые действия индивидуальных и групповых (cooperate) акторов, которые, в свою очередь, ограничены культурными верованиями, структурами отношений, зависимостью от первоначального пути (path dependency) и меняющихся относительных издержек ассимиляции [1, 36].

Иммигранты могут пересекать социальные границы индивидуально, когда структура принимающего общества не меняется и различие между своими и чужими остается нетронутым. Сами иммигранты изменяются, принимают некоторые атрибуты новой идентичности (когда языком повседневного общения становится язык принимающего общества, собственные имена меняются на имена, имеющие распространение в принимающем обществе, также можно привести в пример практики изменения собственной телесности, когда еврейская молодежь массово делала пластические операции на своих носах с тем, чтобы более походить на белых англо-саксонских протестантов в США).

Данные границы могут размываться под воздействием внутренних процессов в принимающей

стране и тогда структура принимающего общества меняется. Ключевая особенность такого общества – толерантность к множественному членству и перекрывание коллективных идентичностей, которые до этого существовали отдельно и взаимоисключающе. В качестве примеров можно привести формальный или неформальный (официальный и неофициальный) билингвизм, возможность получения двойного гражданства, институционализация иммигрантских религий, включая их общественное признание.

Наконец, может происходить смещение границ, когда воссоздается групповая идентичность и линия различения членов и не членов доминирующей группы перемещается в сторону включения (добивается успеха риторика про-иммигрантских активистов) или исключения (анти-иммигрантские группы добиваются успеха в своих требованиях по снижению возможности включения иммигрантов в принимающее общество).

Одним из ключевых тезисов новой теории ассимиляции является указание на влияние дискриминации на групповой выбор: когда дискриминационные барьеры блокируют индивидуалистические образцы социальной мобильности, то ассимиляция, когда она происходит, зависит от коллективных стратегий [1, с. 45]. Например, когда китайские иммигранты начали селиться в дельте реки Миссисипи с 1870-х гг., они первоначально являлись таким же объектом дискриминации, как и афроамериканское население региона. Под воздействием этой дискриминации китайская община сделала все, чтобы отделиться от афроамериканцев: коллективной стратегией стало пространственное отделение китайцев от черного населения, принятие ими образцов поведения и символов, характерных для белого населения. Межрасовые браки были сведены до нуля, китайская община вынуждала своих членов, уже вступивших в брак с представителем черного населения, развестись под угрозой остракизма. Дети смешанных китайско-негритянских браков также подверглись остракизму. Китайские предприниматели стали оформлять свои магазины в стиле, похожим на тот, который применялся для магазинов с белыми владельцами. Община начала строить свои баптистские церкви, организовывала социальные клубы, было создано даже свое китайское кладбище, основной целью которого также было пространственное отделение: китайцы не хотели хоронить членов своей общины рядом с черными. К началу 1950-х гг. китайцы сбросили свой «черный» статус. Хотя в глазах белого населения «белыми» они не стали, но их социально-экономиче-

ский статус вырос, китайских детей стали пускать в белые школы.

Похожую стратегию предприняли американские ирландцы. В своем стремлении освободиться от образа ирландских «лачужников», они также подвергали остракизму тех, кто заключал брак с чернокожими [1, с. 44-45].

Данными примерами авторы иллюстрируют свой тезис о зависимости коллективных стратегий от существующего уровня предубежденности и дискриминации, но с нашей точки зрения следует обратить внимание на характер групповой стратегии. Этнокультурная группа может сократить различия между собой и принимающим населением (попытавшись размыть социальные границы) не только предприняв ассимиляционную стратегию, но и при помощи сознательного установления границ между конкретной общиной и другими этно(расово)культурными группами, которые в этом случае выступают в роли козла отпущения. «Грех» инаковости переносится с одной группы на другую, возлагается на нее. Активная демонстрация различий между двумя группами ведет к снижению различий между одной из этих групп и доминирующим населением страны.

Критики новой теории ассимиляции не пытаются опровергнуть тезисы о наличии границ в принимающем обществе и в основном упирают на идею культурного мейнстрима, используемую авторами теории. Некоторые из них, например, указывают на то, что вместо снижения этнического разделения в принимающем обществе наблюдается «трансмутация», т.к. не бывает мейнстрима без боковых потоков, этничность продолжает существовать и в центре, и на периферии. При этом нельзя говорить о том, что только иммигранты меняются, и Р. Альба согласился с тем, что ассимиляция – это двухсторонний процесс, большинство также меняется в результате размывания границ [5, с. 124].

Как уже говорилось, теория ассимиляции, в различных своих вариантах, на данный момент является влиятельным направлением в исследованиях иммиграционных процессов. И в теоретическом плане, и на уровне реализации государственной (региональной, местной) политики в Европе, США и Канаде основное противодействие ассимиляционистским устремлениям большинства оказывалось представителями теории и идеологии мультикультурализма.

Мультикультурализм:

теория и политическая практика

В теоретическом плане мультикультурализм является концепцией, утверждающей необходи-

мость принятия и продвижения многообразных культурных традиций в рамках отдельного государства¹.

Мультикультурализм изначально возник как политика (и в этом отношении он аналогичен политике ассимиляции, которая получила теоретическое осмысление только после своего возникновения), являясь ответом канадского правительства на вызов квебекского сепаратизма в 1950-1960-е гг., представляя при этом альтернативу ассимиляционистской политике США. Первоначально речь шла об англо-французском бикультурализме, который вводился и в символических, и в институциональных формах: вариация британского Юнион-Джека была заменена кленовым листом на государственном флаге, франкоканадцы повысили свой политический статус после официального принятия французского языка как второго государственного. После того, как другие этнические группы (и, в особенности, аборигенное население Канады) заявили о своих правах, бикультурализм сменился мультикультурализмом, который официально вводился в основополагающие государственные документы в 1980-х гг. [5, с. 179]. Помимо Канады наиболее известными примерами реализации мультикультурной политики являются Австралия и США. В Европе же отнюдь не во всех странах мультикультурализм был принят. Так, европейскими учеными выделяются идеалтипичские англофонная гражданско-территориальная и мультикультурная, германофонная этническая и ассимиляционистская и французская республиканская и ассимиляционистская модели, различающиеся по основаниям политики стимулирования и ограничения иммиграции [9].

Британское правительство не делало попыток ассимиляции иммигрантских групп, сосредоточившись, скорее, на строгом выполнении требований иммиграционного законодательства. В Германии до 2000 г. существовало право *jus sanguinis*, когда гражданство выдавалось только при условии принадлежности к немецкой нации. Во Франции же меньшинства воспринимались как то, что должно ассимилироваться («быть французом значит действовать как француз, а действовать как француз лучше, чем действовать иначе»). Приезжие должны отбросить культуру, лояльность, религиозные практики и язык, т.е. то, что делает их отличными от доминирующей французской культуры. Помимо Великобритании, в Европе политику мультикультурализма проводили также Швеция и Нидерланды.

¹ О многообразии определения понятия «мультикультурализм» и его характеристик см.: [13, с.6-9].

Как политика, мультикультурализм достаточно разнообразен, но можно выделить общие его черты [8, с. 37]:

1. Законодательное утверждение мультикультурализма на национальном, региональном и муниципальном уровнях;
2. Внедрение мультикультурализма в школьные учебные планы;
3. Этническое представительство обеспечивается в публичных медиа-ресурсах, либо является условием лицензирования медиа-ресурсов;
4. Устанавливаются исключения для дресс-кодов, дней отдыха, связанных с религиозными обычаями;
5. Внедряется институт двойного гражданства;
6. Этнические организации получают государственное финансирование в рамках поддержки культурной деятельности;
7. Государством финансируется двуязычное образование, преподавание на родном языке иммигрантов;
8. Вводится институт позитивной дискриминации для ущемленных этнических групп;

Мультикультурализм имеет долгую историю (по словам одного из самых известных представителей этой теории Уилла Кимлики он так же стар, как человечество), однако и в теоретическом отношении, и на уровне реализации государственной политики эта теория и политическая практика является объектом критики как со стороны консервативных, так и со стороны прогрессивных кругов.

Как политика мультикультурализм встретил сопротивление уже во время своего внедрения в Канаде, где франкофонное население Квебека не согласилось с тезисом о необходимости мультикультурализма на территории провинции (в целом, эта идея встречает гораздо меньшую поддержку среди квебекцев, чем среди жителей остальных канадских провинций), и ряд теоретиков выдвинул понятие «интеркультурализма». Анализ понятия свидетельствует в пользу того, что оно, во-первых, во многих отношениях совпадает с понятием «мультикультурализм», а во-вторых, за пределами Квебека представляет собой только дискурс, а не реальную политику [10]. В самом Квебеке, впрочем, понятие имеет вполне конкретное приложение: провинция самостоятельно определяет требования к иммигрантам и осуществляет контроль над иммиграцией, главная цель которых заключается в том, чтобы иммигранты соответствовали франкоканадской культуре. Дети иммигрантов должны обучаться только во франкоязычных шко-

лах и не могут самостоятельно определять свою образовательную траекторию. Иммигранты должны вести свой бизнес только на французском языке [2, с. 69].

Консерваторы в своей критике выдвигают нормативные обвинения в том, что мультикультурализм является «безумием», «деструктивной доктриной», «инструментом коллективизма», «бичом Запада», «политической опасностью», «экспериментом, столь же опасным, что и коммунизм», т.е., если в целом, то мультикультурализм объявляется не больше, не меньше угрозой основаниям либеральной демократии и всей западной цивилизации [5, с. 161-162]. Со стороны левых кругов критики указывают на то, что политика мультикультурализма скорее разделяет общество, а не обеспечивает солидарность, а также, на то, что она игнорирует вопросы перераспределения в обществе [5, с. 161-162].

На уровне государственной политики также наблюдаются негативные высказывания в адрес мультикультурализма. Так, в период между октябрём 2010 г. и февралем 2011 г. канцлер Германии Ангела Меркель, президент Франции Николя Саркози и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон публично высказались, что они не верят больше в то, что разные культурные сообщества могут комфортно сосуществовать в их странах рядом друг с другом. Идея мультикультурализма конфликтует с доминирующими ценностями их стран (христианскими ценностями Германии, по словам А. Меркель) и каждая иммигрантская культура должна работать над интеграцией и ассимиляцией в стране проживания. В основном, это послание было направлено в сторону мусульманского сообщества и его потенциальной связи с доморощенным исламским терроризмом [19, с. 16], тем более, что мусульман в Европе больше, чем населения в Финляндии, Дании и Ирландии вместе взятых. В силу своей многочисленности они стали центром в публичном обсуждении достоинств и недостатков мультикультурализма [11, с. 4].

Стоит сказать о том, что политика мультикультурализма действительно не ведет к гарантированной лояльности иммигрантских групп. Например, несмотря на то, что французские мусульмане ограничены в публичных отправлениях своей религии, они менее отчуждены от французского общества, чем британские мусульмане от британского, т.е. французская республиканская ассимиляционистская модель более эффективна в отношении интеграции исламских меньшинств в принимающее общество [7, с. 113-131].

В Канаде, несмотря на ее мультикультурализм, также наблюдаются значимые изменения в национальном самосознании, что отражается в результатах переписей населения: между 1986 г. и 2001 г. ответы на вопрос об этнической принадлежности с вариантом «канадец» возросли с 0,5% до 39%. «Канадцы» теперь самая большая этническая группа в стране [27, с. 42], что свидетельствует, скорее, о потере изначальной этнокультурной идентичности значительной частью населения и формировании новой, общей идентичности.

Защитники мультикультурализма пытаются учесть и консервативную, и прогрессивную критику. Уилл Кимлика в рамках своей концепции «огражданствления» (citinization) пишет о том, что мультикультурализм включает в себя культурное распознавание, экономическое перераспределение и политическое участие. Если мультикультурализм является движением за права человека, то ни о какой поддержке действий, направленных на нарушение этих прав в иммигрантских группах (и иммигрантскими группами), речи не идет. Мультикультурализм, таким образом, является трансформирующим проектом и для большинства, и для меньшинств [8, с. 38-39], он является способом интеграции, а не разделения, который работает не только с индивидами, но и с группами [11, с. 13-44]. При этом сама постановка вопроса требует переформулировки: о провале какой именно политики нужно говорить? Политики мультикультурализма в целом, или же о провале отдельных политик, таких как образовательная, жилищная, политика по созданию рабочих мест?

Вместе с тем, если обратиться к политической риторике политических деятелей и государственных чиновников в Европе, то можно увидеть, что речь идет просто о замене одного термина другим: понятие мультикультурализма ушло из политического дискурса, сменившись понятиями «интеграции» и «многообразия» (diversity). «Многообразие» означает практически то же самое, что и мультикультурализм, – меры по снижению дискриминации, обеспечению равенства возможностей и преодолению препятствий на пути полного участия в общественных делах, обеспечению неограниченного доступа к публичным услугам, различение культурной идентичности в противовес ассимиляции, открытие публичного пространства для этнокультурного представительства, поддержка этнического плюрализма среди всех групп населения [26, с. 18].

На уровне гражданского общества восприятие мультикультурализма также неоднозначно. Как понятие оно отвергается, как политика мульт-

тикультурализм может и не встречать особого сопротивления. Например, опрос, проводившийся ВВС в Лондоне через месяц после июльского теракта в 2005 г., показал, что 58% респондентов согласились с тем, что те, кто хочет жить в Британии, должны принять британские ценности и традиции, но в то же время 62% респондентов ответили, что мультикультурализм делает Британию лучшим местом для жизни и только 32% согласились с тем, что он угрожает британскому образу жизни [26, с. 15].

В общем и целом, и теория, и политика мультикультурализма страдают одним серьезным недостатком: они игнорируют социально-классовую структуру самих иммигрантских групп. Например, Индекс политики мультикультурализма, который разработали Кейт Бэнтинг и Уилл Кимлика, в секции оценки политики мультикультурализма для иммигрантских групп в основном оценивает культурную составляющую политики. Среди отобранных разработчиками индекса восьми показателей (они соответствуют списку характеристик мультикультурализма, приведенных выше), только один («финансирование этнических организаций и деятельности») может быть с известной долей условности отнесен к проблеме сокращения материального неравенства внутри иммигрантских групп и только последний («положительная дискриминация») можно хоть каким-то образом трактовать как способ сокращения неравенства между средними доходами иммигрантских групп и медианным доходом в принимающем обществе.

Сторонники мультикультурализма часто говорят, что он не является единой теорией и поэтому его нельзя критиковать как нечто целостное. Но тот же аргумент может быть обращен и к ним самим: не различие классовой структуры внутри иммигрантских сообществ ведет к тому, что они воспринимаются как нечто целостное и единое, тем самым возрождается так часто критикуемый эссенциализм. Иначе говоря, слишком много внимания уделяется культуре, тогда как значение имеют в первую очередь материальные проблемы. По Т. Иглтону [31], культуру изначально порождает нужда, т.е. необходимость выживания (культура в этом плане означает различные формы солидарности) и, перефразируя слова этого теоретика культуры, если мы будем воспринимать вопросы инкорпорации и интеграции иммигрантов в принимающее общество (результаты «переселения народов») как культурные проблемы (а инкорпорация и интеграция, как и любые другие материальные проблемы, имеют культурную окраску), то рискуем тем самым их полностью обесмыслить.

Теория транснационализма и методологический национализм: критика национальной местечковости

Под знаменем критики теории ассимиляции за то, что она подразумевает потерю иммигрантами своей изначальной идентичности и теории культурного плюрализма (мультикультурализма) за эссенциализм, подразумевающий неизменную этническую идентичность, в начале 1990-х гг. стала развиваться теория транснационализма, в рамках которой ее сторонники сосредотачиваются на социальных отношениях, подчеркивая множественную и текучую идентичность современных иммигрантов (см. анализ понятия в: [5, с.127-129]). Ранние дискуссии о транснационализме рассматривали его как альтернативу ассимиляции, но на самом деле эти явления взаимосвязаны [27, 77-78].

Представители этой теории сосредоточены на анализе процессов постоянного перемещения иммигрантов из своей страны в страну пребывания и обратно, что представляет собой определенный вызов интеграционным процессам в принимающем обществе.

Понятие «трансмигрант» было введено для того, чтобы подчеркнуть возросшую активность иммигрантов в сфере перемещений между странами и возрастающую важность контактов между эмигрантами и страной происхождения.

Например, около 20 млн. индийцев живут за границей, их совокупный доход составляет больше трети индийского ВВП. Эти индийцы, живущие за границей, осуществляют 10% от всех прямых зарубежных инвестиций в экономику Индии. В Китае еще больше: 50% всех прямых зарубежных инвестиций поступают от 30 млн китайских иммигрантов. Помимо этого, нужно учитывать потоки человеческого капитала и передачу идей и практик через границы государств. Китай, к примеру, проводит целенаправленную политику по привлечению высокообразованных эмигрантов обратно в страну, а также по налаживанию продуктивных связей между ними и родиной. Индия предоставляет налоговые льготы для эмигрантов, пытается привлечь их для экспертизы, советов и идей, помогающих создать какие-то возможности для зарубежных индийских компаний [5, с. 157]. Трансмигранты в этом случае определяются как иммигранты, создающие и поддерживающие множественные социальные отношения, связывающие общества их происхождения и поселения [23, с. 48].

С другой стороны, по мнению А. Портеса, который также является одним из ведущих теоретиков транснационализма, и его коллег, понятие «транс-

мигрант» не является необходимым, понятие «иммигрант» вполне достаточно для описания современной реальности, при этом не все иммигранты транснациональны. Транснационализм в его понимании представляет собой занятость и деятельность, требующие регулярные устойчивые социальные контакты через границы [16, с. 219]. При этом под транснационализмом понимаются процессы, идущие «снизу», т.е. их участниками не являются политические и государственные деятели и речь идет прежде всего о неинституционализованных, неформальных формах взаимодействия [14, с. 186]. Такое понимание транснационализма ведет к тому, что число транснациональных иммигрантов оказывается относительно невелико по сравнению с общим числом иммигрантов, постоянно живущих в принимающих странах. Например, исследования экономических и политических практик, проведенные А. Портесом и коллегами среди представителей некоторых латиноамериканских стран, показали, что среди сальвадорцев транснациональными предпринимателями могут считаться только 5,2% от тех, кто постоянно живет в США, доминиканцев – 4,8%, колумбийцев – 4,3%. Доля иммигрантов, вовлеченных в дела местного сообщества в своей стране происхождения, в упомянутых группах колеблется от 7,2% до 14,3% [5, с. 147]. Понятно, что при таком подходе транснационализм является не самым важным процессом в жизни иммигрантских сообществ в целом.

Специфика современного транснационализма характеризуется следующими положениями [27, с. 15-16]:

- Технологии влияют на скорость, интенсивность и масштабы контактов иммигрантов со своими семьями, оставшимися дома;
- Формы транснационализма влияют на культурные, экономические, политические, технологические процессы, на процесс глобализации в целом;
- Скорость и интенсивность коммуникации создает нормативный транснационализм, когда иммигранты знают, что происходит на родине, и наоборот;
- Серьезно вырос объем финансовых переводов, которые иммигранты направляют на родину (к 2010 г. эта сумма составляла более 300 млрд. долл. в год). Многие страны в значительной степени зависят от этих переводов;
- Телекоммуникационные технологии обеспечивают возможность более широких, более интенсивных и институциональных

форм политического участия в родине, включая партийную политику, избирательные процессы, лоббирование, массовые демонстрации, постконфликтное восстановление, а также поддержку восстаний и терроризма;

- Ассоциации иммигрантов в крупных городах могут собирать значительные суммы на поддержку проектов в своих родных городах, включая строительство инфраструктурных объектов и поставку оборудования;
- Правительства стран-источников миграции создают программы для эмигрантов, включая специальные банковские услуги и инвестиционные схемы для привлечения зарубежного капитала. Также правительства создают свои офисы для наблюдения за благосостоянием граждан за рубежом, внедряют институт двойного гражданства;
- Во многих западных странах десятилетия политики идентичности (в частности, мультикультурализма) создали контекст, в котором иммигранты легко могут продемонстрировать свои транснациональные связи.

Ключевым вопросом здесь является то, что именно понимается под инкорпорацией иммигрантов в принимающее общество в условиях установленных и продолжающихся транснациональных связей? Здесь не обойтись без рассмотрения методологических вопросов, связанных с транснационализмом и, шире, со всей социальной теорией. Основной методологическим вопросом, выдвинутым в рамках теории транснационализма и направления миграционных исследований в целом, является проблема методологического национализма.

Понятие методологического национализма было введено португальским социологом Херминио Мартинсом и британским социологом Энтони Д. Смитом еще в 1970-х гг., в рамках своей критики современной социальной науки [3]. Мартинс указывал на логический аспект проблемы: социальные изменения считались результатом внутренних процессов в обществе. Общество находится в государстве и, тем самым, отождествляется с ним, а «нация-государство» считается «нормальной» формой общества. Э. Смит выступал с историческими позициями: методологический национализм является результатом государственного национализма XX в. и неадекватной сущностной концептуализации исторического развития нации-государства.

В поле миграционных исследований это понятие ввели британский антрополог Нина Глик

Шиллер и ее коллеги, согласно которым методологический национализм – это допущение, что нация/государство/общество – это нормальная социально-политическая форма современного мира [29, с. 302]. Такое допущение, по их мнению, ведет к ряду проблем, которые можно описать следующим образом: в Большой социальной теории национализм, создавший современные западные государства, игнорируется, а в эмпирических исследованиях происходит натурализация и территориализация границ наций-государств, которые воспринимаются в качестве естественных и включающих в себя общество, которое отождествляется с государством, становясь, тем самым, «национальным обществом», «обществом-контейнером» («сеть социальной жизни заключается в контейнер национального общества»).

Таким образом, при анализе иммиграционных, транснациональных процессов нельзя ограничиваться такими единицами анализа, как национальные государства. Эта критика методологического национализма в дальнейшем вылилась в разработку различных аспектов понятия «космополитизм» (см.: [24]), но главное для нас – это связь методологического национализма с проблемой инкорпорации иммигрантов в принимающее общество (само понятие которого с позиции критики этого направления также оказывается проблематизированным).

Методологический национализм ведет к вполне определенной идеологической ориентации, когда к исследованию социальных и исторических процессов подходят так, как если бы они целиком происходили в границах отдельных наций-государств, члены которых разделяют общую историю, набор ценностей, норм, социальных традиций и институтов. Принимая государственные границы за социетальные границы, исследователи создают такой способ логических рассуждений, который делает иммигрантов фундаментальной угрозой социальной солидарности (притом, что в историческом смысле анти-иммигрантский дискурс является компонентом процесса создания государства [22, с. 111-122]). Теория иммиграции в этом случае подспудно принимает позицию, согласно которой население наций-государств является монолитным и не разделенным разными социальными нормами, ценностями и опытом.

Автором предлагается выход за пределы национальных государств с рассмотрением проблем миграции в глобальной перспективе, начиная с неравенства между государствами для оценки того, какая комбинация сил укрепляет и поддерживает это неравенство [22, 113]. Особое внимание предлагается уделять неолиберализму с его реструкту-

ризацией пространства, прав человека и локальностей (мест, в которых иммигранты селятся и из которых уезжают), т.е. фактически предлагается включить ценностную компоненту в миграционные исследования, которая прежде всего относится к оценке глобальных процессов, вызванных деятельностью развитых государств и международных институтов (таких как Всемирный банк и МВФ)². В перспективе же глобальной власти нужно определить транснациональные социальные поля, внутри которых мигранты появляются не как иностранцы, но как акторы, связывающие местное население с глобальными процессами [22, с. 119-127].

Это достаточно расплывчатая рекомендация, при том, что в области социальной науки в целом и на уровне социальных движений в ней нет ничего нового: научная и социальная критика неолиберализма развернулась еще в 1990-х гг., когда стали ясны первые итоги применения неолиберальных проектов в Латинской Америке (и России) (среди наиболее известных авторов можно отметить Наоми Кляйн, Дэвида Харви, Жерара Дюмениля). Требование выйти за пределы методологического национализма является проявлением политической борьбы за категоризацию социального пространства в поле науки, основные характеристики которого описаны П. Бурдьё. Методологический переворот должен привести к доминированию критиков методологического национализма, которые, видимо, каким-то образом должны повлиять на власть. Проблема заключается в том, что пока существует государство, преодоление методологического национализма, или, если учесть, что далеко не все государства являются государствами-нациями (федеративная Россия с ее национальными республиками, например, в этот канон не вписывается), методологического этатизма, в практическом отношении затруднено.

Вместе с тем, применительно к исследованиям миграционных процессов теория транснационализма актуализирует проблему несоответствия натурализованной социальной теории глобальным процессам. Вопрос об интеграции иммигрантов в принимающие общества может быть переформулирован в вопрос об основаниях и способах транснационального взаимодействия между людьми как процесса создания социальных полей, в которых жизнь постоянно находящихся в движении трансмигрантов становится прототипом человеческого существования.

² Например, в поле политической науки можно встретить критические статьи, написанные под влиянием работ Глик Шиллер и ее коллег, см.: [20]

Заключение

Между теориями ассимиляции, мультикультурализма и транснационализма есть определенные противоречия, вызванные как вниманием к разным уровням протекания общественных процессов, так и нормативными установками, лежащими в основании каждой из них. Теория ассимиляции направлена на анализ основных социетальных предикторов, влияющих на то, в каких формах происходит включение (и исключение) иммигрантов в принимающее общество. Теория мультикультурализма больше соотносится с проблемами политических действий и государственной политики и является тем самым более политизированной, по сравнению с теорией ассимиляции. Представители теории транснационализма акцентируют внимание на процессах, пересекающих границы государств, превращая проблематику инкорпорации агентов, действующих в этих процессах, в нечто лишённое актуальности.

Как ни странно, нормативный аспект анализа является наиболее слабым в теории ассимиляции, представители которой больше заинтересованы в эмпирических исследованиях, чем в отстаивании ценности различных культур и международного общения (хотя, разумеется, такую нейтральность также можно рассматривать как проявление ценностной позиции).

На эмпирическом уровне можно предположить, что все три подхода не являются полностью противоречащими друг другу: процессы ассимиляции, межкультурного и транснационального общения вполне могут происходить одновременно на территории отдельно взятой юрисдикции (хрестоматийным примером чего служат США), и с их помощью, таким образом, выстраиваются объяснения на различных уровнях анализа. Однако если учитывать прикладной аспект иммиграционных исследований, а именно помощь в разработке соответствующей государственной политики (как и всякая политика, политика инкорпорации иммигрантов ограничена, с одной стороны, структурой общественных предпочтений, а с другой, бюджетными возможностями), то есть риск столкнуться с определенными противоречиями. Если разработчики государственной политики по-разному воспринимают иммигрантов на практике, т.е. либо как агентов, включенных в процессы, способствующие отбрасыванию их собственной культуры или исключенные из них, либо как представителей уникальных культурных сообществ с нормативным требованием к государственной политике обеспечить сохранение и развитие их культуры, либо же как агентов с множественной идентич-

ностью, принадлежащих к разным культурам и странам одновременно, то это разное понимание неизбежно будет влиять на реализацию государственной политики.

Должно ли государство проводить активную ассимиляционную политику в отношении иммигрантов вообще, или же ограничиваться активным противодействием нисходящей ассимиляции их детей? Должно ли государство активно содействовать размыванию социальных границ в обществе, или же содействовать их сохранению путем укрепления культурных различий между иммигрантскими группами и принимающим обществом (структура которого также неоднородна)? Является ли важной проблема лояльности (является ли лояльность проблемой?), если иммигранты транснациональны? Необходимо отметить, что данные вопросы еще требуют своего решения с нормативных позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alba, R., Nee, V., 2003. *Remaking the American mainstream. Assimilation and contemporary immigration.* Harvard: Harvard University Press
2. Baglay, S., Nakache, D., 2014. *Immigration federalism in Canada: provincial and territorial nominee programs (PTNPs).* In: Baglay, S., Nakache, D., eds. 2014. *Immigration regulation in federal states.* New York: Springer.
3. Chernilo, D., 2006. *Social theory's methodological nationalism: myth and reality,* *European Journal of Social Theory*, Vol. 9, no. 1, pp. 5-22.
4. Crepaz, M.L., 2008. *Trust beyond borders: immigration, the welfare state, and identity in modern societies.* Ann Arbor: University of Michigan Press.
5. Faist, T., Kivisto, T., 2010. *Beyond a border: the causes and consequences of contemporary immigration.* Thousand Oaks: SAGE/Pine Forge Press.
6. Favell, A., 2003. *Integration nations: the nation-state and research on immigrants in Western Europe,* *Comparative Social Research*, Vol. 22, pp. 13-42.
7. Jacobson, D., Deckard N.D., 2014. *Surveying the landscape of integration: Muslim immigrants in the United Kingdom and France,* *Democracy and Security*, Vol. 10, no. 2, pp. 113-131.
8. Kymlicka, W., 2010. *The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies.* In: Vertovec, S., Wessendorf, S., eds., 2010. *The multiculturalism backlash: European discourses, policies and practices.* London and New York: Routledge, pp. 32-50.
9. Loch, D., 2014. *Integration as a sociological concept and national model for immigrants: scope and limits,* *Identities: Global Studies in Culture and Power*, Vol. 21, no. 6, pp. 623-632.

10. Meer, N., Modood, T. 2012. How does interculturalism contrast with multiculturalism? *Journal of Intercultural Studies*, Vol. 33, no. 2, pp. 175-196.
11. Modood, T., 2013. *Multiculturalism*. 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
12. Morawska, E., 2009. *A sociology of immigration. (Re)Making multifaceted America*. New York: Palgrave Macmillan.
13. Nagle, J., 2009. *Multiculturalism's double bind: creating inclusivity, cosmopolitanism and difference*. Farnham: Ashgate Publishing Ltd.
14. Portes, A., 2001. Introduction: the debates and significance of immigrant transnationalism, *Global Networks*, Vol. 1, no. 3, pp. 181-193.
15. Portes, F., Fernández-Kelly, P., Haller, W., 2009. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 35, no. 7, pp. 1077-1104.
16. Portes, A., Guarnizo, L.E., Landolt, P., 1999. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field, *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 22, no. 2, pp. 217-237.
17. Portes, A., Rumbaut, R.G. 2006. *Immigrant America: a portrait*. 3d ed. Berkley: University of California Press.
18. Portes, A., Zhou, M., 1993. The new second generation: segmented assimilation and its variants, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 530, *Interminority Affairs in the U.S.: Pluralism at the Crossroads*, pp. 74-96.
19. Quayson, A., Daswani G. eds., 2013. *A companion to diaspora and transnationalism*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
20. Sager, S., 2016. Methodological nationalism, migration and political theory, *Political studies*, Vol. 64, no. 1, pp. 42-59.
21. Stepick, A., Dutton, C., 2012. The complexities and confusions of segmented assimilation. In: Schneider, J., Crul, M. eds., 2012. *Theorizing integration and assimilation*. New York: Routledge, pp. 7-25.
22. Schiller, N.G., 2010. A global perspective on transnational migration: Theorizing migration without methodological nationalism. In: Bauböck, R., Faist, T., 2010. *Diaspora and transnationalism: concepts, theories and methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press
23. Schiller, N.G., Basch, L., Blanc C.S., 1995. From immigrant to transmigrant: theorizing transnational migration, *Anthropological Quarterly*, Vol. 68, no. 1, pp. 48-63.
24. Schiller, N.G., Salazar, N.B., 2013. Regimes of mobility across the globe, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 39, no. 2, pp. 183-200.
25. Vermeulen, H., 2012. Segmented assimilation and cross-national comparative research on the integration of immigrants and their children. In: Schneider, J., Crul, M. eds., 2012. *Theorizing integration and assimilation*. New York: Routledge, pp. 71-88.
26. Vertovec, S., Wessendorf, S. eds., 2009. *The multiculturalism backlash. European discourses, policies and practices*. New York and London: Routledge.
27. Vertovec, S., 2009. *Transnationalism*. New York and London: Routledge.
28. Walters, D., Phytian, K., Anisef, P., 2007. The acculturation of Canadian immigrants: determinants of ethnic identification with the host society, *Canadian Review of Sociology*, Vol. 44, no. 1, pp. 37-64.
29. Wimmer, A., Schiller, N.G., 2002. Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences, *Global Networks*, Vol. 2, no. 4, pp. 301-334.
30. Бурдые П. Поле науки // Социологическое пространство Пьера Бурдьё [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki>
31. Иглтон Т. *Идея культуры*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

REFERENCES

1. Alba, R., Nee, V., 2003. *Remaking the American mainstream. Assimilation and contemporary immigration*. Harvard: Harvard University Press
2. Baglay, S., Nakache, D., 2014. Immigration federalism in Canada: provincial and territorial nominee programs (PTNPs). In: Baglay, S., Nakache, D., eds. 2014. *Immigration regulation in federal states*. New York: Springer.
3. Chernilo, D., 2006. Social theory's methodological nationalism: myth and reality, *European Journal of Social Theory*, Vol. 9, no. 1, pp. 5-22.
4. Crepaz, M.L., 2008. *Trust beyond borders: immigration, the welfare state, and identity in modern societies*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
5. Faist, T., Kivisto, T., 2010. *Beyond a border: the causes and consequences of contemporary immigration*. Thousand Oaks: SAGE/Pine Forge Press.
6. Favell, A., 2003. *Integration nations: the nation-state and research on immigrants in Western Europe*, *Comparative Social Research*, Vol. 22, pp. 13-42.
7. Jacobson, D., Deckard N.D., 2014. Surveying the landscape of integration: Muslim immigrants in the United Kingdom and France, *Democracy and Security*, Vol. 10, no. 2, pp. 113-131.

8. Kymlicka, W., 2010. The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies. In: Vertovec, S., Wessendorf, S., eds., 2010. The multiculturalism backlash: European discourses, policies and practices. London and New York: Routledge, pp. 32-50.
9. Loch, D., 2014. Integration as a sociological concept and national model for immigrants: scope and limits, *Identities: Global Studies in Culture and Power*, Vol. 21, no. 6, pp. 623-632.
10. Meer, N., Modood, T. 2012. How does interculturalism contrast with multiculturalism? *Journal of Intercultural Studies*, Vol. 33, no. 2, pp. 175-196.
11. Modood, T., 2013. *Multiculturalism*. 2nd ed. Cambridge: Polity Press.
12. Morawska, E., 2009. A sociology of immigration. (Re)Making multifaceted America. New York: Palgrave Macmillan.
13. Nagle, J., 2009. Multiculturalism's double bind: creating inclusivity, cosmopolitanism and difference. Farnham: Ashgate Publishing Ltd.
14. Portes, A., 2001. Introduction: the debates and significance of immigrant transnationalism, *Global Networks*, Vol. 1, no. 3, pp. 181-193.
15. Portes, F., Fernández-Kelly, P., Haller, W., 2009. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 35, no. 7, pp. 1077-1104.
16. Portes, A., Guarnizo, L.E., Landolt, P., 1999. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field, *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 22, no. 2, pp. 217-237.
17. Portes, A., Rumbaut, R.G. 2006. *Immigrant America: a portrait*. 3d ed. Berkley: University of California Press.
18. Portes, A., Zhou, M., 1993. The new second generation: segmented assimilation and its variants, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 530, *Interminority Affairs in the U.S.: Pluralism at the Crossroads*, pp. 74-96.
19. Quayson, A., Daswani G. eds., 2013. *A companion to diaspora and transnationalism*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
20. Sager, S., 2016. Methodological nationalism, migration and political theory, *Political studies*, Vol. 64, no. 1, pp. 42-59.
21. Stepick, A., Dutton, C., 2012. The complexities and confusions of segmented assimilation. In: Schneider, J., Crul, M. eds., 2012. *Theorizing integration and assimilation*. New York: Routledge, pp. 7-25.
22. Schiller, N.G., 2010. A global perspective on transnational migration: Theorizing migration without methodological nationalism. In: Bauböck, R., Faist, T., 2010. *Diaspora and transnationalism: concepts, theories and methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press
23. Schiller, N.G., Basch, L., Blanc C.S., 1995. From immigrant to transmigrant: theorizing transnational migration, *Anthropological Quarterly*, Vol. 68, no. 1, pp. 48-63.
24. Schiller, N.G., Salazar, N.B., 2013. Regimes of mobility across the globe, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 39, no. 2, pp. 183-200.
25. Vermeulen, H., 2012. Segmented assimilation and cross-national comparative research on the integration of immigrants and their children. In: Schneider, J., Crul, M. eds., 2012. *Theorizing integration and assimilation*. New York: Routledge, pp. 71-88.
26. Vertovec, S., Wessendorf, S. eds., 2009. *The multiculturalism backlash. European discourses, policies and practices*. New York and London: Routledge.
27. Vertovec, S., 2009. *Transnationalism*. New York and London: Routledge.
28. Walters, D., Phytian, K., Anisef, P., 2007. The acculturation of Canadian immigrants: determinants of ethnic identification with the host society, *Canadian Review of Sociology*, Vol. 44, no. 1, pp. 37-64.
29. Wimmer, A., Schiller, N.G., 2002. Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences, *Global Networks*, Vol. 2, no. 4, pp. 301-334.
30. Bourdieu, P. Pole nauki [Scientific field]. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki> (in Russ.)
31. Eagleton, T., 2012. Ideya kul'tury [The idea of culture]. Moskva: Izdatel'skiy dom Vyschey shkoly ekonomiki. (in Russ.)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 316.77(091)

В.Л. Агапов*

«ХУЛИГАН ПЕЧАТНОГО СЛОВА»: ИСТОРИЯ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ЖУРНАЛИСТА Ф.В. МИСЮРЫ И ЕГО ГАЗЕТЫ «ТЕКУЩИЙ ДЕНЬ»

Статья посвящена одному из забытых персонажей в истории Владивостока и Приморского края, общественному деятелю и журналисту Федору Викторовичу Мисюре. Основываясь на документах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и сохранившихся подшивках владивостокских газет начала XX в., автор рассказывает историю скандально известного когда-то журналиста и его газеты «Текущий день» (1910-1916 гг.).

Ключевые слова: история Дальнего Востока, Владивосток, журналистика, газета, «Текущий день», Ф.В. Мисюра

“Hooligan of press”: the story of journalist Feodor V. Misyura and his newspaper «Tekushchii den’». VADIM L. AGAPOV (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to one of the forgotten characters in the history of Vladivostok and Primorsky Krai – Fedor Viktorovich Misura, a journalists and a public man. Basing on the documents of the Russian State Historical Archives of the Far East and Vladivostok newspapers of the beginning of the XXth century, the author tells the story of the notorious journalist and his newspaper «Tekushchii den’» («Current day») (1910-1916).

Keywords: Russian Far East, Vladivostok, journalism, newspaper, Feodor Misyura

В 1907 г. или чуть ранее известный московский журналист, редактор популярнейшей в России либеральной газеты «Русское слово», «король фельетона» Влас Дорошевич написал юмористический рассказ «Южные журналисты», в котором высмеивались нравы провинциальной прессы. В рассказе выведена фигура редактора вымышленной (вероятно, одесской) газеты «Южный Тромбон». Этот почтенный работник пера исправляет вполне корректно написанные заметки своего нового сотрудника на ругательные, считая, что «его читатели не удовольствуются такой мякиной». В результате у него получается следующее: «Высоко

держа знамя печати, мы начинаем наш обзор с обличения новой плутни той банды мошенников, которая называется на их воровском жаргоне редакцией (???) “Ежедневного Ура” ...», «Гололедица, случившаяся в нашем городе, испортила не одни только телефонные столбы, но и людей, – конечно, если можно считать таковыми тех недоносков, которые взяты из Воспитательного Дома редакцией (?) “Самой Распространенной” ...», «Вчера выпущен из тюрьмы “литератор” Чертополохов, что на языке “Трома и Молнии” называется “вернуться из кругосветного плавания”. Сограждане, берегите ваши серебряные ложки!» и т.д.

* АГАПОВ Вадим Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: agapov.vl@dvfu.ru

© Агапов В.Л., 2016

Конкурирующие газеты не остаются в долгу: «Шайка воров, грабителей, лжесвидетелей и конокрадов, приютившаяся в “Южном Тромбоне”, увеличилась вчера еще одним вполне достойным ее экземпляром, г. такой-то... Г. такой-то уверяет, будто он приехал только с целью оклеветать всех наиболее уважаемых граждан нашего города, но мы полагаем, что у него таятся и другие мысли». «Вчера в газете “Южный Тромбон” появился новый сотрудник, г. такой-то... Число краж в городе заметно увеличилось».

В дальнейшем герой рассказа – тот самый невинно пострадавший от своего собственного редактора новый сотрудник «Южного Тромбона» – обвиняется газетами в том, что он живет по поддельным документам, что он зарезал в окрестностях города девушку и нищего старика, что в результате антропометрического исследования в полиции была установлена «его полная идентичность с известным разбойником Чуркиным, когда-то наводившим ужас на Москву». Публика, полиция и даже собственная жена верят всем этим явным небывлицам, а редактор поздравляет журналиста с небывалым успехом, «какого у нас еще не имел никто»: «Вы стали самым модным журналистом», «о вас только и говорит весь город». Но оказывается, что брань и хвала в газетных кругах ничего не значат. Журналист увольняется. Конкурирующие газеты, только что создававшие на своих страницах образ вора и убийцы, пишут: «Единственный талантливый журналист, украшавший страницы “Тромбона”, г. такой-то, вышел из состава этой бездарной редакции», и теперь “Тромбон”, разумеется, прекратит свое существование. Редактор же «Тромбона», чтобы выйти из неловкого положения, отвечает, что «г. такой-то вовсе не думал “выходить” из состава редакции, а, напротив, редакция выгнала его „за неспособность, малограмотность, ложь, пасквильянство и предосудительные поступки”. Так что с уходом такого сотрудника редакция “Тромбона” не только ничего не теряет, но еще и много выигрывает».

Дорошевич, начинавший свой путь в журналистике сотрудником одесских газет, прекрасно знал, о чем писал, и, в сущности, не так уж сильно преувеличил. Лучшим подтверждением этому является история журналиста Ф.В. Мисюры, в 1910-1916 гг. – издателя и редактора первой владивостокской вечерней газеты «Текущий день» (в 1912 г. и 1915 г. во время приостановок выходила под названиями «Новости дня» и «Вечерняя газета»). В его истории есть газетные войны и разоблачения, аресты, штрафы, судебные преследования

за клевету, даже избиения, и в итоге всего – смерть от чахотки в 47 лет.

Цель данной статьи – на примере истории газеты «Текущий день» и ее издателя показать жизнь и нравы владивостокской прессы в период между первой и второй революциями в России.

При подготовке статьи использовались два вида письменных источников: первый представлен неопубликованными документами Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ), второй составляют материалы периодической печати, в основном из собрания Государственного архива Приморского края, в том числе и сохранившиеся (хотя и не полностью) подшивки газеты «Текущий день».

Сохранилось мало сведений о том, как и когда потомственный дворянин Федор Викторович Мисюра оказался в Приморской области и начал свой путь в журналистике. Согласно некрологу, опубликованному газетой «Далекая окраина», он работал сначала в издававшейся во Владивостоке Н.В. Ремезовым газете «Владивосток» наборщиком, стоя у печатного станка, а в 1900 г. сам занял место издателя, выпуская в Никольск-Уссурийске первую газету «Никольск-Уссурийский листок объявлений» (с 1903 г. переименованную в «Никольск-Уссурийский листок»).

Свое представление о работе журналиста Мисюра раскрыл в шутовском фельетоне «Страничка из жизни редактора», опубликованном в газете 2 мая 1903 г. В кабинет редактора ломятся с претензиями обиженные обыватели: винодел, про вино которого газета недавно написала, что от него лицо «квасится», антрепренер местного театра, уверяющий, что его прима-балерина – не «кухарка», как написано в газете, а богиня красоты, Афродита, потому что у нее роскошные волосы («надеюсь, что вы не видали у кухарок таких волос»), глаза, брови, зубы и грудь, чревоушатель, который в Тифлисе «подковы ломал», пришедший доказать, что он умеет подражать реву верблюдов и звуку пилы, в чем усомнился автор опубликованной накануне заметки, и наполнивший кабинет ревом и визгом, «дабы могли лично убедиться», ревнивая женщина, в объявлении которой о поиске служанки слово «пожилую» заменили на «молодую», железнодорожный служащий, считающий, что «если во все пять недель один вагон сошел с рельсов и всего только три перелома рук и один ног, то это вовсе не значит, что произошло крушение с человеческими жертвами» [35].

В этом же самом номере «Никольск-Уссурийского листка» в отделе хроники напечатана заметка «О певице», в которой говорилось, что гу-

бернатор Чичагов, «среди других своих забот по управлению областью», не оставляет и заботу о «пополнении Ивановского театра свежими силами», для чего законтрактовал певицу Сабанову и распорядился выделить 300 руб. на ее проезд до Владивостока [22].

Намек на личную заинтересованность губернатора в приезде певицы вызвал неудовольствие администрации, и в дальнейшем газета неоднократно навлекла на себя гнев областного начальства. В 1904 г., во время русско-японской войны, сменивший Н.М. Чичагова новый военный губернатор Приморской области генерал-майор А.М. Коллюбакин трижды ходатайствовал о прекращении издания газеты «Никольск-Уссурийский листок». В первый раз за помещение публикаций заведомо тенденциозного характера и допущения нарушения цензурного устава издателю-редактору Мисюре было объявлено предостережение. Однако оно «не достигло желаемых результатов». В декабре газета напечатала пасквиль на Хабаровскую народную дружину и членов Хабаровской городской управы. Публикация вызвала скандал, и редактора привлекли к уголовному расследованию (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 71).

Со временем Мисюра и вовсе перестал обращать внимание на цензоров. 7 марта 1905 г. советник областного правления Чернов в рапорте № 4 сообщал Приамурскому генерал-губернатору, что «вопреки распоряжению Главного управления по делам печати от 22 апреля 1903 г. газета “Никольск-Уссурийский Листок” от 3 и 6 марта выпускалась в свет владельцем типографии, печатающего Мисюру, без разрешительного цензурского билета» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 66).

Очередное (четвертое по счету за время войны) ходатайство о закрытии «Никольск-Уссурийского листка» было принято в штабе генерал-губернатора 5 августа 1905 г. По словам авторов документа, «редактор систематически нарушал требования и цензурный режим, появилось вредное влияние газеты на население Никольского района: выставление начальства в неблагоприятном виде и все это сходило ему с рук». Вывод делался такой: «Власти не должны оставлять безнаказанными выходы Мисюры» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 71-72).

Генерал-губернатор Приамурского края Р.А. Хрещатицкий на этот раз прислушался к мнению областного начальства и Постановлением № 5570 от 15 августа 1905 г., на основании п. 14, ст. 19 правил о местных территориях, объявленных на военном положении, прекратил издание газеты «Никольск-Уссурийский листок» на время

военного положения. 7 октября 1905 г., когда русско-японская война уже закончилась, генерал-губернатор уточнил: «Объявляю, что издание газеты “Никольск-Уссурийский листок” приостановлено мною на время военного положения, но не более трех месяцев» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 79). Это означало, что возобновить издание газеты Мисюра мог не ранее 15 ноября, однако он не стал ждать так долго.

21 октября 1905 г. в крае стало известно о царском манифесте 17 октября, провозгласившем либеральные свободы, в частности, свободу слова и, следовательно, отмену цензуры. Воспользовавшись этим, Мисюра самовольно возобновил издание газеты «Никольск-Уссурийский листок», выпустив № 64 от 27 октября.

Под влиянием событий Мисюра объявил себя и читателей «свидетелями великих исторических дней», когда свободная Россия «присоединилась к Европейским государствам». «Больше ста лет боролась Россия за свое освобождение. – писала газета. – И больше ста лет длились репрессии, полные ужаса и оскорбления, беззакония и произвола... Не было области, где человек не наткался на дилемму: молчи или погибни. Репрессии... отравляли воздух родной страны, ... приучали нас равнодушно видеть, как лучшие люди России, измученные, оскорбленные, шли в ссылку, наполняли тюрьмы, гибли на эшафотах... Они обезличивали нас, они приучали нас говорить на языке рабов, они губили нашу инициативу, они отнимали нашу душу... Освобождение... свершилось. Введена конституция, обеспечена неприкосновенность личности, свобода слова, совести, съездов и собраний». Редактор рассказывал о декабристах, о революционном движении, о том, что «молодая русская демократия... идет рука об руку с громадным большинством русской интеллигенции, которая демократичнее многих». Кроме того, Мисюра заявлял, что Россия откажется от «колониальной политики и империалистических планов» [18].

В передовой статье «Задача будущего», посвященной возобновлению выхода «Никольск-Уссурийского листка», Мисюра писал: «Тяжелое испытание постигло нашу газету в тот самый момент, когда над миром пронеслась радостная весть о мире. Нам не удалось приветствовать событие, о необходимости скорейшего наступления которого мы долго и упорно проповедовали, не останавливаясь перед злобной ненавистью многочисленной клики неистовых шовинистов. Мы делали свое дело, сообразно нашим убеждениям. Новое положение, которое заняла наша Родина на Дальнем Востоке после войны, а также новые отношения,

в которые наш край станет с соседним государством, заставляет нас предпринимать целый ряд исследований над вопросами окраинной жизни. Начиная снова нашу деятельность, мы обращаемся к нашим сотрудникам и обществу и просим их помочь разобраться в наиболее существенных вопросах жизни края» [8].

Неожиданное начало деятельности редактора закрытой газеты, естественно, не вызвало восторгов у властей. Исполняющий обязанности военного губернатора Смирнов оповестил Хрещатицкого: «Редактор “Никольск-Уссурийского листка” возобновил издание газеты. Приказал полицмейстеру прибегнуть к конфискации издания» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 79).

Были приняты меры, которые вновь не имели успеха: то ли помешали беспорядки, охватившие города Дальнего Востока, то ли редактор оказался упрям. Тем не менее № 106, вышедший 22 декабря 1905 г., оказался последним. В этом номере появилась статья «Армия и присяга», в которой содержался «призыв к нижним чинам к нарушению и неприятию присяги и недоверию высшему начальству». 11 января 1906 г. уже третий за это время военный губернатор Приморской области генерал-майор В.Е. Флуг распорядился привлечь Мисюру к ответственности. 4 февраля 1906 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант М.С. Андреев, находя «крайне вредным пребывание в Приамурском крае редактора “Никольск-Уссурийского листка” дворянина Федора Викторовича Мисюра», предписал военному губернатору «немедленно выслать Мисюра за пределы подведомственного мне района, с воспрещением Мисюра пребывание на все время нахождения округа на военном положении» и «предложить прокурору Владивостокского окружного суда возбудить против Мисюра уголовное преследование» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 103).

Уголовное преследование было возбуждено 14 февраля прокурором Иркутской судебной палаты. Суд 30 марта принял решение удовлетворить прошение прокурора: арестовать № 106 «Никольск-Уссурийского листка» и приостановить издание газеты до вынесения приговора. В деле отмечено, что редактор Мисюра виновен: в преступном направлении газеты, в публикациях которой содержался призыв к противодействию распоряжений законного правительства, к переходу армии на сторону революции и свержение этой армией правительства. Учитывая, что ранее он уже подвергался уголовному преследованию, 12 мая 1906 г. палата просила Приамурского ге-

нерал-губернатора приостановить распоряжение о высылке журналиста из пределов края на время рассмотрения его уголовного дела (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 91).

Впрочем, сразу посадить Мисюру не получилось. В июне 1906 г. русский консул в Нагасаки З. Поляновский сообщил военному губернатору Приморской области о пребывании Ф.В. Мисюры в Японии. По возвращении в Никольск-Уссурийск из Японии 17 августа 1906 г. Мисюра был заключен под стражу, где содержался в течение одного месяца, до 17 сентября. Он был освобожден под залог 2 тысячи рублей на поруки мещанина Якименко и дал подписку о выезде из города в трехдневный срок (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 203. Л. 99). В период 1907-1910 гг. Федор Викторович Мисюра был вынужден проживать за пределами Приамурского генерал-губернаторства.

Согласно донесению пристава 5-го стана Кобринского уезда Гродненской губернии, с июля по декабрь 1907 г. и с июля 1909 г. по май 1910 г. он проживал в м. Иваново (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 2). Следствие, тем временем, продолжалось. 12 января 1908 г. Мисюре, ввиду вызова его Владивостокским окружным судом к слушанию дела о нем, было дано разрешение на въезд во Владивосток. 12 февраля Владивостокским окружным судом он был приговорен к заключению в крепость на один год, но отбытие наказания, по определению того же суда, ему было отсрочено впредь до поправления его здоровья. 10 мая 1909 г. распоряжением коменданта крепости Мисюра был снова выслан, и уехал в Гродненскую губернию (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 10). Там он в тиши и безвестности провел почти год, в течение которого ни в чем предосудительном замечен не был.

Вторичное возвращение неблагонадежного журналиста во Владивосток состоялось в июне 1910 г. Причем Ф.В. Мисюра сразу же развил бурную деятельность, решив создать новую газету, которая «будет посвящена, главным образом, краевым интересам, а равно вопросам колонизации Приморской области». В прошении, поданном на имя военного губернатора области, Мисюра смело ставил себе в заслугу руководство закрытым «Никольск-Уссурийским листком»: «Беру на себя смелость доложить В. Пр-ву, что бывший у меня десятилетний опыт издательства и редактирования газеты “Никольск-Уссурийский листок” в г. Никольск-Уссурийском дает мне некоторое право быть уверенным, что и на этот раз я в состоянии буду принести посильную пользу».

К прошению прилагалась программа издания: «Телеграммы. Передовые. Фельетоны. Отдельные статьи по краевым вопросам. Городские дела. Городская, окружная и судебная хроника. Корреспонденции. Обзорение печати. Среди дальневосточных соседей. Выдающиеся события момента. Театр и зрелища. Научные новости. Смесь. Справочный отдел и объявления». Печататься газета должна была в типографии Мисюры, в его собственном доме по адресу: улица Ботаническая (с 1923 г. – Всеволода Сибирцева), дом 11 (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 1).

На запрос военного губернатора о благонадежности Мисюры вр.и.д. начальника жандармского управления Уссурийской железной дороги ответил 15 июля 1910 г., что Мисюра – человек в полиции известный, но «взгляды его как будто изменились» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 5). Надзиратель 2-й части 4-го околотка г. Владивостока дал следующую справку от 15 июля 1910 г.: «Федор Викторович Мисюра в 1900-04 годах имел свою газету и типографию в г. Никольск-Ус. Газета его, насколько мне известно, несколько раз закрывалась и вновь появлялась под другими названиями. Во Владивостоке он так же издавал газету, которая кажется была закрыта. Как рассказывал мне как-то при встрече сам Мисюра – он был выслан из крепости, но потом он ездил в Петербург, где якобы выяснили его невиновность, и что якобы высылка его произошла по ошибке...

По собранным сведениям, Мисюра был помилован. Во Владивосток прибыл якобы с ведома г. Начальника Владивостокского охранного отделения. Никакого документа, дающего право на возвращение во Владивосток, у Мисюры нет» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 9).

В свою очередь, начальник Владивостокского охранного отделения объяснил 3 августа 1910 г.: «Мисюра, по прибытии последний раз во Владивосток, явился в отделение и имел продолжительную со мной беседу, приведшую меня к заключению, что образ мыслей означенного Мисюры, за время пребывания его вне пределов Дальнего Востока, сильно изменился, вследствие чего нельзя предполагать, чтобы он во зло использовал удовлетворение ходатайства его по поводу разрешения издавать газету» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 17).

Поверив уверениям полиции, губернатор И.Н. Свечин выдал Мисюре свидетельство на право издавать и редактировать газету «Текущий день» от 5 августа 1910 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 18). Время показало, что это было большой ошибкой.

«Текущий день», первая во Владивостоке вечерняя газета, печатавшая в каждом номере самые свежие новости дня и обзоры вышедших в этот день утренних изданий, начала выходить 6 августа 1910 г. На тот момент в городе выходили три утренние ежедневные газеты, с которыми Мисюра тут же повел борьбу за «место под солнцем», вписав свою страницу в историю владивостокских газетных войн.

Самым опасным своим противником в борьбе за общественное мнение Мисюра, кажется, считал известного во Владивостоке журналиста, писателя и общественного деятеля (в то время – члена городской управы) Николая Петровича Матвеева. Матвееву были посвящены многие наиболее яркие публикации «Текущего дня», полные злой сатиры.

Так, когда в 1910 г. Матвеев собрался издавать собственную газету, Мисюра посвятил этому заметку «Новые зубы пирогоедов», опубликованную в № 101 «Текущего дня» от 14 декабря 1910 г.: «Группой гласных, водворившихся поблизости к городскому пирогу, будет издаваться газета. Какая цель издания – цель ли коммерческая или же забронировать себя от “нападков” местной печати, – пока еще не выяснено, но, надо полагать, что последнее будет вернее. Если, как говорят, газета будет руководиться членом управы Матвеевым и гласным Анкудиновым, то, вероятно, городские интересы там, где они касаются и личных интересов “издателей”, будут защищаться с отвагой и ... “беспристрастно”...» [46].

Тема была продолжена в № 104 от 17 декабря 1910 г. фельетоном «Издатели-пирогоеды»: «... Некоторые из предприимчивых гласных и членов управы... выпустили газету под названием “Городской пирог”. Всякий здравомыслящий обыватель... поймет цель “Городского пирога”, прочитавши эту “беспристрастную” газету» [2].

Дальше в фельетоне для сведения «здравомыслящего обывателя» публиковались выдуманные материалы якобы первого вышедшего номера «Пирога». Начинались они с «передовой статьи» «Матвеева»: «Уже давно назрела потребность в органе печати, который “беспристрастно” освещал бы деятельность городского управления без нападков на то, что “вот-де вы там присосались к городскому пирогу с жирной начинкой, а нам не даете...”» Затем в «отделе» «Городские дела» шла заметка: «Вчера на одной из частных квартир (на Абрекской ул.) (Абрекская, 9 – адрес дома и типографии Н.П. Матвеева. – прим. авт.) уважаемого городского деятеля состоялось частное совещание о том, каким способом противодействовать на-

пору обывательских сил, желающих “зачернить” нашу деятельность в глазах других. Почтенное собрание... пришло к заключению, чтобы все места, оказавшиеся вакантными, замещать своими родственниками и главным образом “своиками”. А для формы вызывать желающих через публикации в уважаемой газете “Городской Пирог”...»

Будущее показало, что в своих предсказаниях относительно характера планирующегося издания Мисюра оказался не так уж и неправ. Реальная газета Матвеева «Приамурский край», первый номер которой вышел, правда, только 4 сентября 1911 г., по словам владивостокского инспектора по делам печати Н.В. Дюфура (из приложения к отчету за 1913 год), не представляла собой ничего интересного и существовала «специально для освещения деятельности городского самоуправления в желательном для отдельной группы свете» (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 28об.).

Доставалось от Мисюры и другим городским деятелям. Так, в статье «Два вице-президента» из № 319 от 7 октября 1911 г., высмеивалось напечатанное 27 сентября в «Далекой окраине» и «Дальнем Востоке» совместное выступление вице-президентов «Общества спорта» Преображенского и «Скакового общества» Масленникова, заявлявших, что они выполняют государственную миссию оздоровления вырождающейся России с помощью спорта. Возражения Мисюры до сих пор звучат актуально: «Не говоря уже о том, что высоко буржуазное владив. спорт. об-во является самодовлеющим учреждением, где только “с жиру бесятся”, куда доступ для “черни” закрыт, г. Преображенский, кажется, должен был кроме сего знать также, что многочисленные причины вырождения населения и г. Владивостока никоим образом не могут быть парализованы “спортивными кобылками, футболами, соколами” и т.п., ибо разнообразие этих причин заложено глубоко в законах патологической наследственности, борьба с которой должна вестись не “кобылками да соколами”, но целым комплексом мер: экономических, правовых...» [6].

В № 368 от 8 декабря 1911 г. в заметке в отделе хроники «Он не хочет», написанной по поводу заявления Н.П. Матвеева, что он не хочет быть членом управы, но его выдвигает его «партия», делался вывод, что «теперь ясно, что “партии”, собственно, не существует, а есть какой-то кагал отбросов из общественных деятелей» [47].

В № 380 от 22 декабря 1911 г. Мисюра напечатал целую «биографию» Матвеева: «Я уже писал о том, что когда-то капитал давил Матвеева беспощадным образом, и он – “удавленник” – дрыгал

ногами и взывал благим матом о помощи к Марксу и Бебелю, но, как только буржуазия во главе с Джоном Маккеем, Мальтусом и друг., проповедывающими капитализм, задавили Матвеева окончательно, то – “удавленник” – стал исповедывать силу капитализма... Сначала ходил в порт вместе с И.И. Циммерманом, обчищал ржавчину с железа с поденной платой по 15 коп. И ничего: чистили и зачитывались Марксом и Бебелем... И.И. Циммерман лез в буржуи и взгляды и убеждения его, поэтому, были “противоестественны”, вследствие чего с ржавого железа он перешел в чертежную порта на 20 руб. месячного жалования. “Карьера” Циммермана окрылила и Матвеева, который под хвостом Циммермана перебрался в парусную мастерскую, а потом и в модельную, если не изменила мне память, – по 40 коп. поденных... “Быстрое движение” по службе Циммермана быстро продвинуло и Матвеева. Кроме того, Матвеев стал изощряться в стихоплетстве, сочинив “оду” на китайское извращение русской разговорной речи...

Это «стихотворение» почему-то не понравилось редактору-издателю газеты “Владивосток” – Н.В. Соллогубу, который посоветовал “поэту” обратиться к своему ремеслу, а поэзию оставить в покое. Но “муза” поэта опять привела его к Соллогубу, и снова Соллогуб не признал назойливого стихоплета...» [3].

Чтобы очернить репутацию конкурентов и увеличить свою подписку, Мисюре приходилось прибегать и к такого рода заметкам: «По слухам, две местные утренние газеты, за отсутствием средств, в скором времени прекращают свое существование...» [44]. Однако успеха эти попытки не имели, и Владивостокский инспектор по делам печати летом 1912 г. характеризовал «Текущий день» так: «Небольшая вечерняя, мало распространенная газета с либеральным... направлением. Шансов на успех не имеет» (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 380).

Споткнулся Мисюра на отношении к церкви. В объявлении о подписке на 1912 год издатель писал, что «газета не обещает никаких заманчивых бесплатных приложений, но зато обещает быть беспристрастной, всегда стоять на страже общественных интересов и беспощадно обличать все злое и несправедливое». И уже в конце 1911 г. он напечатал серию статей «Душеспасительный капитализм», в которых выражалось критическое отношение к православному русскому духовенству, получающему огромные доходы, обманывая народ ложными обещаниями и держа его в невежестве и отсталости [33]. Особое неудовольствие властей вызвало «Открытое письмо

священнику В. Давыдову», неосторожно опубликованное Мисюрой в № 521 «Текущего дня» от 3 июля 1912 г.

Письмо начиналось с того, что священник В. Давыдов – редактор журнала «Владивостокские епархиальные ведомости» – попросил газету напечатать извещение о том, что он отправляется в паломничество. Далее говорилось: «Не сочувствуя затее предполагаемого вами паломничества, оповещать о нем на страницах нашей газеты отказываемся. Предпочитаем, пользуясь случаем, подать руководимой вами Христовой пастве добрый совет не тратить времени и сил на бесполезное шатание из Владивостока в какой-то там уссурийский монастырь и обратно на том основании, что Богу ваше паломничество и многоверстные переходы в целях молитвы с места на место совершенно не нужны и неуютны... Мы допускаем, конечно, что доброе место может оказать доброе влияние на настроение молящихся, но уже, во всяком случае, не наши монастыри с их жирными, ленивыми и фальшивыми монахами...» [25].

4 июля 1912 г. исполняющий обязанности губернатора Приморской области (хотя официально уже переведенный на Камчатку) Н.В. Мономахов направил в канцелярию генерал-губернатора этот номер газеты, сообщив, что напечатанное в нем письмо священнику Давыдову носит тенденциозный характер и может посеять в населении вражду к духовенству (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 28).

9 июля 1912 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти выпустил постановление: «В виду вредного направления издающейся в гор. Владивостоке под редакторством Ф. Мисюры ежедневной газеты “Текущий день”, особенно выразившегося в открытом письме священнику В. Давыдову, помещенном в 521 номере 3 июля т.г. ... приостановить издание газеты “Текущий день” на все время действия военного положения в пределах Приамурского генерал-губернаторства» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 33; Ф. 702. Оп. 3. Д. 431. Л. 134).

В то время российские журналисты уже освоили прием, когда вслед за приостановкой одного издания тут же подавалось прошение на новое, продолжавшее предыдущее, но с другим названием (так, большевистская «Правда» в 1912–1914 гг. выходила под восемью названиями: «Правда», «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда» и т.п.). 12 июля Мисюра подал прошение об издании газеты «Новости дня» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 34), а до получения разрешения 21 июля на всякий случай ходатайствовал о

снятии наложенной кары на «Текущий день», объясняя, что «инкриминируемая статья помещена исключительно благодаря ошибке, случайному недосмотру» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 431. Л. 136). Но ходатайство было в то время отклонено. Поэтому, получив 26 июля 1912 г. свидетельство на издание газеты «Новости дня», Мисюра с 19 августа продолжил выпуск своей газеты под этим названием (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 423. Л. 26).

До 17 декабря было выпущено 90 номеров «Новостей дня», которые рассылались подписчикам «Текущего дня». Однако к концу года, «по случаю тезоименитства Государя Императора 6-го декабря», генерал-губернатор сменил гнев на милость и вновь разрешил Мисюре издавать «Текущий день» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 40). Телеграмма с этим разрешением была получена во Владивостоке 10 декабря 1912 г., к большому огорчению Владивостокского инспектора по делам печати, считавшего, что этого делать не стоило.

С 18 декабря 1912 г. газета стала выходить под прежним названием. Приступая к ее изданию в 1913 году, Мисюра писал: «Вследствие снятия генерал-губернатором запрещения с вечерней газеты “Текущий день” и разрешения выходить ей в свет, с 18 декабря газета “Текущий день” вступает в третий год своего издания и выхода по прежней своей программе. Своим лозунгом газета ставит Высочайшие слова, сказанные представителям печати: “Пишите правду, только правду”, – и этим лозунгом гарантирует своим читателям: беспристрастное освещение всех выдающихся фактов и нужд краевых и местных, а также полную осведомленность во всех животрепещущих политических вопросах. При прогрессивном направлении газета “Текущий день” надеется удовлетворить своих читателей в том объеме, который будет соответствовать современному положению печати» [24].

Уже в № 539 от 4 января 1913 г. газета совершила выпад против бывшего губернатора Флуга, в свое время поспособствовавшего закрытию «Никольск-Уссурийского листка». В хроникальной заметке «Генерал Флуг», написанной по поводу его назначения туркестанским генерал-губернатором, генералу давалась такая характеристика: «Что же касается службы генерала Флуга на посту военного губернатора Приморской области, то вся она была направлена на розыски не существующих “революционеров”. Благодаря такому его усердию многим неповинным людям пришлось жестоко пострадать. К печати Флуг относился с не меньшим рвением. За время своего губернаторства он

уморил до десятка газет, в одном только Никольске-Уссур. три газеты: “Никольск-Уссурийский листок”, “Край” и “Уссурийский край”¹ [40].

Владивостокский инспектор по делам печати Дюфур 6 января представил этот номер газеты военному губернатору, усматривая в заметке про Флуга «распространение ложных о деятельности должностного лица сведений, возбуждающих в населении враждебное отношение» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 431. Л. 285). Впрочем, прежде, чем против Мисюры были приняты какие-либо меры, он вновь отличился.

В № 542 от 8 января вышел фельетон, высмеивавший начальника порта барона Таубе, не принявшего мер к приобретению ледоколов, в результате чего порт замерз, а грузы пошли через Дальний [12]. Фельетон вновь не избежал внимания инспектора по делам печати (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 431. Л. 287), но издатель «Текущего дня» на этом не остановился. 9 января он опубликовал заметку «Пока гром не грянет». В ней продолжалась та же тема: по упущению начальства ледоколы не вышли вовремя на работу, порт замерз, управление железной дороги и начальник порта шлют телеграммы в Петербург: спасите, замерзли. «А ведь легко можно было предвидеть такую случайность, как: зимой мороз, а от морозов замерзание льда» [50].

На этот раз без последствий не обошлось. 10 января 1913 г. исполняющий обязанности губернатора вице-губернатор В.И. Лодыженский просил разрешения генерал-губернатора «немедленно применить административную репрессию крупным штрафом редактору-издателю газеты “Текущий день” Мисюре... за наглую статью, номер пятьсот сорок два, направленную против начальника торгового порта» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 431. Л. 288). Документы Владивостокского инспектора по делам печати свидетельствуют, что редактор «Текущего дня» был оштрафован 18 февраля 1913 г. на 300 руб., и повторно 5 апреля – на 100 руб. (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 31). Второй штраф был присужден Мисюре за заметку Н. Вильде «Спаси Господи», опубликованную в № 611 «Текущего дня» от 3 апреля 1913 г. [30]. Начальник торгового порта подал на издателя в суд за клевету. Мисюра, впрочем, от этого нисколько не расстроился, так как печатно уверял, что в суде легко докажет свою правоту и сам засудит барона Таубе за ложное обвинение [17].

Полицмейстер Г.И. Лединг, которого газета обвиняла «в крайне неблагоприятных поступках и преступлениях» доносил, что подобные фелье-

тоны роняют его «достоинство как начальника полиции» и подрывают «престиж в глазах чинов полиции и обывателей» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 43).

Особый интерес представляют взаимоотношения «Текущего дня» и исполняющего обязанности губернатора вице-губернатора Лодыженского, бывшего для приморской прессы 1913–1914 гг. врагом номер 1 [1].

Начало открытому конфликту Мисюры с Лодыженским было положено заметкой, опубликованной в № 840 газеты от 29 января 1914 г.: «Во Владивосток прибыла особая комиссия, назначенная Приамурским генерал-губернатором для ознакомления с положением китайских и еврейских дел в четвертом отделении областного правления и городских и уездных полицейских правлениях. По дошедшим до нас слухам, комиссия напала на следы чрезвычайно интересных происшествий в области желтого вопроса». Получив строгое внушение от вице-губернатора, Мисюра был вынужден на следующий день опубликовать опровержение. Сделал он это так: «Во вчерашнем номере, в отделе хроники нашей газеты была напечатана следующая заметка...» Далее полностью повторялся текст заметки из № 840, с комментарием: «Как нам сегодня сообщили, никаких эксцессов в области административной деятельности местных властей не обнаружено, и приведенная заметка страдает неточностью» [41].

Как писал Лодыженский 1 февраля 1914 г. в Представлении № 21 на имя генерал-губернатора Гондатти, «редактор-издатель издающейся в городе Владивостоке газеты “Текущий день” Мисюра постоянно позволяет себе помещать на страницах издаваемой им газеты дерзкие, носящие клеветнический характер заметки по адресу должностных лиц. Неоднократные взыскания и бесконечные предупреждения о недопустимости подобных выходов до сих пор не оказали на Мисюру никакого влияния, а постоянные прощения его Областной администрацией, следовавшие за его притворными раскаяниями, только увеличили его наглость». Имея в виду злополучную заметку из №№ 840 и 841 «Текущего дня», В.И. Лодыженский писал: «31 января я вызвал к себе Мисюру и указал ему, что подобные выходы недопустимы и в дальнейшем мною терпимы не будут» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 44).

В тот же день во второй половине дня в очередном № 842 «Текущего дня» от 31 января 1914 г. Мисюра напечатал следующую заметку: «В № 10 “Русского знамени” сообщается, что Приморский вице-губернатор камер-юнкер В.И. Лодыженский

¹ Все эти газеты были закрыты в 1906-1907 гг.

назначается на место Эстляндского вице-губернатора. В опровержение циркулирующих по городу слухов сообщаем, что это перемещение ни в какой связи с работой комиссии по еврейским и китайским делам не состоит. Вакансию вице-губернатора Приморской области предполагается заместить кем-либо из непреходящих членов губернских по крестьянским делам присутствий» [48].

«Цель этой заметки, – писал далее в Представлении вице-губернатор, – ясно заключается в стремлении распространить именно то, что Мисюра как будто отрицает, то есть распустить слух, что командированные Вами чиновники открыли какие-то неправильности во вверенном мне управлении...» Документ заканчивался просьбой закрыть «Текущий день» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 44).

Второе Представление (№ 27) на имя генерал-губернатора по делу «Текущего дня» поступило от Лодыженского 15 февраля 1914 г.: «Имею честь представить 854 номер газеты “Текущий день” от 14 февраля т.г., в котором помещена статья “Последний удар”. Усматривая в этой статье наличность распространения слухов, волнующих население и возбуждающих недоверие к правительству, ...еще раз настоятельно прошу... о приостановлении издания этой газеты... Вместе с сим имею честь представить на усмотрение Вашего Превосходительства № 853 от 13 февраля т.г. той же газеты “Текущий день”, в котором в заметке, под заголовком “Обзор печати”, трактуется о будто бы имевшем место в 1909 году бунте русских рабочих на Тетюхе, их расстреле и заключении в тюрьмах...» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 46).

Однако Гондатти остался глух к просьбам вице-губернатора, с которым у него был конфликт, и на этот раз закрыл глаза на проделки Мисюры (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 48).

1 мая 1914 г. Владимир Ильич Лодыженский покинул Владивосток, отправившись в отпуск, из которого в край уже не вернулся. На отъезд вице-губернатора Мисюра откликнулся фельетоном «Макс Линдер на экране Владивостока», опубликованном в № 912 «Текущего дня» от 3 мая 1914 г. Фельетон представлял собой «теневого портрет», написанный в виде рецензии на творчество популярного в те годы кинокомика: «Поступив на службу с окладом в четыре тысячи рублей в год, снял квартиру за 4800. Купил рысака, раскатывает как аркадский принц. Пьет шампанское. Курит гаванские сигары а-ла Бисмарк...» [27]

На следующий день Владивостокский инспектор по делам печати писал новому военному губернатору Приморской области генерал-лейтенан-

ту А.Д. Сташевскому: «Фельетон этот наполнен рядом инсинуаций по адресу лица, именуемого в статье Максом Линдером, под каковым прозвищем, по имеющимся у меня сведениям, подразумевается вице-губернатор области В.И. Лодыженский. Наложение ареста на номер газеты и привлечение редактора к ответственности по суду, несомненно, не привело бы ни к чему, в виду затруднительности найти состав преступления в содержании статьи. Таким образом, наложение на номер газеты ареста, не имеющего шансов быть утвержденным судом, привело бы к созданию рекламы для инкриминируемой статьи. Вместе с тем я полагаю, что подобного рода выпады по адресу лиц, стоящих во главе местной администрации, не должны бы проходить без внимания...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. I. Л. 31). Эта записка является лучшей похвалой журналистскому мастерству Федора Викторовича Мисюры.

Смело вступая в борьбу с начальником порта, полицмейстером и вице-губернатором, издатель «Текущего дня» не забывал и о коллегах по ремеслу. Так, старейшую в городе газету «Дальний Восток» (издатель В.А. Панов) он называл черносотенной и провокаторской, действующей заодно со своим подголоском «Далекой окраиной» [32]. О руководимой Матвеевым газете «Приморский край» (так с 4 мая 1913 г. назывался основанный в 1911 г. «Приамурский край») он писал, что она печатает «мерзость» и тем «оскверняет печатный станок» [19].

Анекдотичный случай имел место в августе 1913 г. Как писала газета «Приморский край» в заметке «Блюдо Мисюры»: «Мисюра в своей газете сообщает, что из кабинета члена управы Н.П. Матвеева пропало накануне приезда начальника края блюдо. В дополнение этого “сообщения” нам передают, что в этот день никого в упомянутом кабинете, кроме “редактора” Мисюры, не было» [39]. Сам Матвеев утверждал, что «никакого блюда из моего кабинета не терялось» [29].

В № 808 «Текущего дня» от 17 декабря 1913 г. «Приморскому краю» была посвящена заметка под названием «Кооперативная газета»: «Владелец газеты “Приморский край” г. Матвеев организовал общество на паевых началах, в собственность коего переходит газета. Всех паев на сумму 10 тыс. руб. В кооператив вошли гг. Матвеев, Апинянский, Бурлаков, Циммерман, бр. Урины, Голомбик, Струмиловский, Зейд, Полонский, Минцер, Кагарлицкий, Перельзон, Вайнгурт и Файнберг» [43]. На эту публикацию Матвеев ответил, что «все, изложенное в этой заметке – сознательная злостная ложь...» [52]. Нелестных отзы-

вов на страницах «Текущего дня» удостоивался и редактор николюск-уссурийской газеты «Уссурийская окраина» К.И. Лепин, когда-то начинавший печатать свою первую газету в николюск-уссурийской типографии Ф.В. Мисюры [13].

Конкуренты не оставались в долгу. 13 февраля 1913 г. газета «Дальний Восток» обвинила «Текущий день» в том, что этот «хулиганский листок» стал причиной митинга русских рабочих, требовавших недопущения китайцев на местные работы и последовавших за этим столкновений русских и китайцев [23].

9 марта 1913 г. «Приамурский край» опубликовал письмо присяжного поверенного И. Фихмана, считавшего, что Мисюра оклеветал его в статье «Среди адвокатов» из № 589 от 7 марта. «Г-н Мисюра в дни революции стал в ряды участников освободительного движения. За деятельность свою в качестве редактора-издателя Николюск-Уссурийского Листка он был приговорен судом к тюремному заключению. Наказание Мисюры не отбывал... Не может ли объяснить Мисюра, почему он чуть не единственный из приговоренных редакторов необъятной Руси был освобожден от наказания; не может ли объяснить Мисюра также, на каком основании он брал деньги у бывшего начальника местного охранного отделения Хуциева. Что прибавит г-ну Мисюре, лишенному всякого чувства чести, звание клеветника? И. Фихман» [28]. Эта же публикация появилась и в «Далекой окраине» [49].

Еще откровеннее высказалась газета Матвеева 29 октября в статье «Местная пресса»: «Местной черносотенной газетке “Текущий день” давно бы пора снять личину “прогрессивности”. Орган печати, чуть ли не ежедневно обвиняемый в клевете и в поступках, носящих характер хулиганства, ничего общего с прогрессом иметь не может. Крикливая, вечно ругающаяся и все поносящая газетка, конечно, легко может расходиться среди малокультурной части общества, принимающей потоки грязи, льющиеся со страниц “Текущего дня”, за “разоблачительную” деятельность, но развращающее ее влияние не подлежит сомнению... Г-н Мисюра все быстрее и быстрее летит по наклонной плоскости!..» [16].

Выражая полное согласие с этим мнением, владивостокский инспектор по делам печати Н.В. Дюфур в отчете о периодической печати от 15 декабря 1913 г. характеризовал «Текущий день» так: «Небольшая вечерняя газета, редактируется дворянином Ф.В. Мисюрой. Определенного направления не имеет, занята исключительно травлей отдельных лиц. Существует на объявления и на

опубликовываемые иногда сенсационные статьи, увеличивающие розничную продажу. В общем к изданию применимо название “хулиганского” листка. Крайне желательно воздействие на редактора в административном порядке. Можно предположить, что, в конце концов, на редактора будет обращено должное внимание, и его газетная деятельность прекращена. В 1912 г. газета была приостановлена распоряжением генерал-губернатора, затем, к сожалению, разрешена вновь» (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 28 об.)

В какой-то степени скандальная репутация способствовала увеличению продажи «Текущего дня». 24 августа 1913 г., в ответ на запрос инспектора Дюфура о тираже газеты, Мисюра отвечал: «Газета “Текущий день” расходится по подписке и розничной продаже в количестве тысячу четырехсот экземпляров» (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 20 об.). Таким образом, по популярности она могла претендовать на третье-четвертое место в городе после «Далекой окраины» (3000-4000 экз.) и «Дальнего Востока», находясь примерно на одном уровне с еще более скандальной газетой «Океанский вестник» (1400-1500 экз.) и опережая «Приморский край» (750-800 экз.) (РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 25). С 1914 г. «Текущий день» печаталась в типографии по адресу: улица Светланская, дом 21. Здесь работало 4 рабочих и 5 учеников. В типографии «Далекая окраина» было 22 рабочих и 10 учеников, в типографии Областного правления – 29 и 7, в типографии «Дальний Восток» – 70 и 2 (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2367. Л. 29).

Последние месяцы, предшествующие началу первой мировой войны, выдались тяжелыми для редактора-издателя «Текущего дня». Его злключения начались с того, что 4 февраля 1914 г. Владивостокским окружным судом по делу о клевете на доктора Шиболдаева он был приговорен к двум месяцам тюремного заключения. Хроникер «Приморского края» писал: «Зал судебного заседания во время слушания дела был переполнен публикой, когда суд удалился на совещание, в публике чувствовалось напряженное состояние. При мертвой тишине был прочитан приговор. Невольно все были смущены этим приговором» [51].

9 февраля «Приморский край» напечатал подробный отчет о процессе. В нем от сочувствия журналисту не осталось и следа: «Это сенсационное дело собрал полный зал публики, встретившей приговор над Мисюрой с чувством большого душевного удовлетворения. Уж слишком досадил своей хулиганско-клеветнической деятельностью г. Мисюра! Потомственный дворянин с о. Саха-

лин, малограмотный, решительно без всякого образования, или, как скромно объявил суду сам Мисюра – образования домашнего, он, тем не менее, “заялся литературой”, обосновав во Владивостоке газетку “Текущий день...” [9]

Давала газета Матвеева и портретную зарисовку Федора Викторовича Мисюры и его поведения на суде: «Дмитренко [обвинитель – прим. авт.] все говорил о хулиганах, а я ведь не хулиган. Я – редактор. А вот Дмитренко петрушку продает. ... А я что... Я ничего! Я не хулиган...» [9]

Репортаж «Приморского края» рисует Мисюру растерянным и подавленным человеком, не понимающим, что происходит. Но это – взгляд конкурентов. Интересны приводимые газетой обвинения Мисюры в адрес Дмитренко. В датированном 9 января 1912 г. прошении потомственного почетного гражданина И.С. Егорова присяжный поверенный Дмитренко и врачи Окс, Токкер и Акацатов уличались в «организации продажи европейской публике фальшивого “жен-шеня”, в мошенническом получении денег умершей сожительницы доктора Окс и других преступлениях...» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1305. Л. 1). В секретном докладе начальника Владивостокского охранного отделения, подготовленном 3 июля 1913 г., сотрудник «Далекой окраины» присяжный поверенный (адвокат) Василий Васильевич Дмитренко имеет такую характеристику: «Закулисный вдохновитель газеты по части всякого рода “дутых” конфликтов с администрацией. Год назад представлял свою квартиру к услугам проезжающих эмигрантов-революционеров. Известен мошенническими проделками с корнем “жень-шень” (судебное дело)» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1368. Л. 13).

В свете этого становится понятно, что редактор-издатель «Текущего дня» не считал публикации в газете преступлениями, заслуживающими тюремного заключения наряду с общественно-опасными деяниями вроде мошенничества, воровства и т.п. Очевидно, Мисюра верил, что газете позволено все. Неизвестно при этом, однако, были ли он клеветником. Сомнения на этот счет возникают из-за истории с избиением Мисюры членом городской управы Голиковым. «Мотивом к нападению г. Голикова послужило выступление г. Мисюры в газете против него. Приходится с грустью констатировать: почти все, что сообщалось в местной прессе относительно г. Голикова, как служащего городской управы, соответствовало действительности. Это обстоятельство подтверждается и тем фактом, что г. Голиков ничего не предпринимал для реабилитации своего доброго имени ни в печати, ни в суде. Нападение г. Го-

ликова еще более усиливает распространенное мнение относительно его поведения в городской управе, так как к таким средствам защиты прибегают в жизни в самых крайних случаях. г. Голиков неоднократно заявлял, что с сотрудниками газет, отрицательно относящимися к его городской деятельности, он лично “расправится”. Теперь это начинает сбываться на деле. Нужно думать, что поведение г. Голикова найдет себе должную оценку» [42].

Подшивки «Текущего дня» за 1914-1915 гг. во Владивостоке сохранились плохо. Из документов известно, что инспектор по делам печати наложил арест на № 956 газеты от 30 июня 1914 г. за стихотворение «Возмездие» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2418. Л. 298). Не понравился инспектору Дюфуру и № 972 от 18 июля 1914 г. В этом номере газеты сообщалось об объявлении Австрией войны Сербии [21].

В заметке «Шевелятся» отмечалось: «В связи с объявлением Австрией войны Сербии во Владивостоке среди китайских коммерсантов наблюдается какое-то беспокойство: они спешно собирают со своих кредиторов долги и вообще проявляют склонность к скорейшей реализации своего имущества» [53]. В этой заметке Н.В. Дюфур усмотрел «распространение ложных, возбуждающих общественную тревогу, слухов» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. I. Л. 22–23; Ф. 24. Оп. 1. Д. 36. Л. 3). Копия сообщения и экземпляр газеты были направлены генерал-губернатору, но Гондатти наложил резолюцию на документ: «Пока оставить без последствий. К делу. 26 июля 1914 г.» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. I. Л. 26).

Начало первой мировой войны способствовало повышению интереса публики к чтению газет. Как писал уже на первой неделе войны «Уссурийский край», «война отодвигает на задний план все остальные интересы. Никогда еще николецки не оказывали столь благосклонного внимания местной печати, как теперь. Самые популярные в городе лица – разносчики газет и телеграмм. Их ждут с нетерпением... Редакционный телефон звонит безумолку...» [7]

Мисюра получил разрешение печатать в качестве приложения к газете экстренные выпуски военных телеграмм Санкт-Петербургского телеграфного агентства 2 раза в день по 5 коп. за номер (столько же стоила и сама газета при продаже в розницу) (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 51, 60). Кроме того, 22 августа 1914 г. ему было разрешено выпускать «Текущий день» два раза в день: утром и вечером (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 65; Ф. 702. Оп. 3. Д. 423. Л. 160).

За белой полосой, как всегда, пошла черная: 27 августа комендант Владивостокской крепости приказал выслать Мисюру из крепостного района в 3-хдневный срок (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 68а). В отсутствие Федора Викторовича газетой временно руководила его жена (с 1897 г.) Агриппина Васильевна Мисюра, дворянка, 34 лет (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 93).

Вернулся к работе Мисюра 29 декабря (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 103). К этому времени во Владивостоке уже прекратила выходить газета «Приморский край». Была запрещена основанная в 1913 г. газета «Дальневосточный Мир». Место «Океанского вестника» занял «Русский восток». Этой газете Мисюра посвятил статью, напечатанную в «Текущем дне» 23 января 1915 г.: «В “Русском Востоке” напечатан отчет вчерашнего заседания Владивостокского биржевого общества». На этом заседании член общества г. Малюшенский предложил создать собственную газету общества, поскольку «во Владивостоке, по его словам, газеты слишком злоупотребляют печатным словом». По словам «Текущего дня», это мнение относилось только к самой газете «Русский восток», «ибо она создана иждивением и капиталами следующих лиц: председателя бирж. к-та г. Бабинцева и членов того же о-ва Х. Циммермана, г. Громадского, Синкевича и других. Эти лица сами создали и субсидировали блудилище, носящее название газеты “Русский Восток”, а теперь стонут под гнетом его, ища спасения в собственном печатном органе...» [20].

Постановлением генерал-губернатора от 9 февраля 1915 г. газета «Текущий день» была закрыта без объяснения причин (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2086. Л. 112, 115). Последний № 1152 успел выйти 10 февраля. Хитрый Мисюра некоторое время вместо газеты выпускал разрешенные ему в августе 1914 г. «Экстренные выпуски “Текущего дня”», пока начальство не пресекло подобную вредную «самодеятельность» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 495. Ч. I. Л. 252-254).

И снова Мисюра показал, что он не из тех, кто легко сдается, и что нельзя так просто перестать быть журналистом. 13 февраля 1915 г. он подал военному губернатору сразу два прошения. Одно – от своего имени (на право издавать и редактировать газету «Вечерняя газета») (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2432. Л. 1), другое – от имени жены (на право издавать под редакцией Н.С. Раменского газету под названием «Новости дня») (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2433. Л. 2).

На запрос военного губернатора генерал-лейтенанта А.Д. Сташевского «о поведении, образе

жизни, судимости и политической благонадежности просителя» начальник Владивостокского охранного отделения 28 февраля ответил: «Мисюра Федор Викторович, потомственный почетный дворянин, 45 лет, православный, женат... Состояния бедного, жизнь ведет скромную, поведения не одобрительного, состоит под судом за клевету в печати в связи с издававшейся им газетой “Текущий день” (ныне закрытой), не раз отбывал тюремное заключение за то же самое и высылался в административном порядке за вредную деятельность» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2432. Л. 5). Что касается Раменского, то о нем из полиции были получены следующие сведения: «Раменский Николай Сергеевич, 35 лет, православный, женат, при нем жена Анна Григорьевна, проживающий по Ключевской ул. в доме № 4 кв. 4-й, служит в редакции “Текущий день”, мещанин гор. Москвы. Прибыл 3 февраля 1915 г. из Светланской ул., дома № 185, и прописан по бессрочной паспортной книжке. За время проживания в районе 1-й части под судом и следствием не состоял и ныне не состоит. Образ жизни ведет нормальный. Поведения хорошего. Состояния бедного. Имущества как движимого, так и недвижимого, в гор. Владивостоке не имеет. 26 февраля 1915 г.» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2433. Л. 6).

3 марта 1915 г. Мисюра получил разрешение на обе газеты (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2432. Л. 7; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2433. Л. 9). Для издания он выбрал «Новости дня». Это был все тот же «Текущий день» (некоторое время Мисюра даже не снимал с редакции вывеску с прежним названием), официально издававшийся А.В. Мисюрой под редакцией Раменского с 5 марта 1915 г. по 8 февраля 1916 г. (265 номеров). «Вечерняя газета» выпускалась самим Ф.В. Мисюрой во время приостановки «Новостей дня» (из-за ареста редактора Н.С. Раменского) 18-25 декабря 1915 г. и вместо них 22 февраля – 5 апреля 1916 г. (43 номера). Интересно также, что «Новости дня» издавались с подзаголовком «Вечерняя газета», а «Вечерняя газета» – с подзаголовком «Новости дня».

В своем последнем детище на поприще владивостокской журналистики Федор Викторович Мисюра остался верен себе. В № 45 от 2 мая 1915 г. в заметке «Газетчики» утверждалось, что «Далекая окраина» и «Дальний Восток» рекламируют свое издание «Владивостокский день печати» не для помощи раненым воинам, как они говорят, а «исключительно ради того, чтобы легче было ограбить раненых путем продажи своих изданий» [4].

Сотрудник «Дальнего Востока» В.Б. Лехно был уличен «Новостями дня» в краже рассказа у писа-

тельницы Тэффи [11]. В другой раз, когда в этой газете была напечатана статья об изготовлении фальшивых денег, редактор «Новостей» Раменский приходил к выводу, что «среди сотрудников “Дальнего Востока”, значит, имеются “специалисты”: один – по части рассказов Тэффи, а другой – по изготовлению фальшивых монет...» [34]. В ответ «Дальний Восток» напечатал «Открытое письмо редактору “Новости дня”» (неизвестно, Раменскому или Мисюре), назвав последнего «хулиган печатного слова»: «Каждая страница редактируемой вами газеты, каждая строка наполнена руганью и грязью, которую вы разбрасываете направо и налево без принципа, без системы, забывая то, что сказали вчера» [14].

Активную полемику газета Мисюры в этот период вела с редактором «Далекой окраины» Д.П. Пантелеевым. В № 117 от 3 августа Пантелеев обвинялся в том, что он связан с торговым домом «Кунст и Альберс». Редактор «Новостей» (не известно, Раменский или Мисюра) утверждал, что докажет «перед каким угодно судом», что редактор «Далекой окраины» расхваливает «Кунст и Альберс», не печатает ничего против этой фирмы, так как сам находится на ее содержании и задолжал ей крупную сумму денег [15].

В декабре 1915 г. редактор газеты Раменский был посажен на неделю под арест. На время его отсутствия Мисюра выпускал «Вечернюю газету», где напечатал фельетон «Редактор и клопы». Фельетон построен в виде диалога заключенного в камеру Раменского с клопами арестантского дома. Клопы собираются наброситься на нового заключенного, но в ходе диалога узнают, что он – не вор, не мошенник, не убийца, не контрабандист спирта, не спекулянт, не бюрократ – «страшный преступник перед народом», – а всего лишь редактор газеты, который никому ничего плохого не сделал. Клопы жалеют редактора и не кусают его, так как уважают свободу слова [36]. В этом фельетоне еще раз поставлена проблема свободы печатного слова, роли журналиста в обществе и его ответственности перед обществом и законом, затронутая Мисюрой в его выступлении на суде 4 февраля 1914 г.

Федор Викторович Мисюра ушел из жизни после продолжительной и тяжелой болезни в 4 часа утра 6 апреля 1916 г., успев выпустить накануне последний номер своей «Вечерней газеты». На следующий день «Далекая окраина» опубликовала некролог: «В русских условиях деятельности газетная работа часто превращается из глубоко интересной и живой в глубоко неинтересную, трудную, чреватую всякими опасностями. Чело-

век, стоя у газетного стола, отделенный от публики тонкой стеной, часто ожесточается при виде обывательского равнодушия, лени и нашей славянской развинченности. Вина в том не его, а общества.

Покойный Ф.В. Мисюра принадлежит к числу тех наших провинциальных работников пера, которые отдались и душой, и телом служению печатному станку... Увлекающийся в любви и ненависти, как и большинство нервных людей, покойный, при всех его недостатках, обладал одним важным достоинством: он не боялся печатать обличения в своей газете, хотя бы эти обличения грозили ему самыми неприятными последствиями...» [38].

В «Уссурийском крае» 2 мая 1916 г. в отделе хроники под заголовком «К смерти Мисюры» была напечатана телеграмма: «Сегодня я узнал из газет о смерти Федора Викторовича Мисюры. Выражаю мое искреннее сожаление о безвременной кончине газетного работника-мученика. Член Государственной Думы Русанов» [45].

При жизни Федор Викторович Мисюра имел дурную репутацию, постоянно вступая в конфликты с областной администрацией, городской управой, другими газетами и частными лицами. Для него не существовало авторитетов. Его арестовывали, штрафовали, высылали, судили и избивали. Его газета умерла вместе с ним. Оценили Мисюру только после его смерти. Потому что своим девизом «хулиган печатного слова» по справедливости мог бы выбрать слова своего старшего современника – издателя «The New York World» Джозефа Пулитцера, «отца» американской «желтой прессы»: «Газете не следует иметь друзей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов В.Л. «Макс Линдер на экране Владивостока»: российская пресса о дальневосточном вояже вице-губернатора В.И. Лодыженского (1912-1914 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4(42). С. 127-148.
2. Бинобль. Маленький фельетон. Издатели-пирогоеды // Текущий день. 1910. № 104. 17 декабря. С. 3.
3. Возмущенный. Себе яму роет // Текущий день. 1911. № 380. 22 декабря. С. 3.
4. Газетчики // Новости дня. 1915. № 45. 2 мая. С. 3.
5. «Герои» // Новости дня. 1915. № 53. 16 мая. С. 2-3.
6. Два вице-президента // Текущий день. 1911. № 319. 7 октября. С. 2-3.
7. Езоп. Война // Уссурийский край. 1914. 25 июля. С. 3.

8. Задача будущего // Никольск-Уссурийский листок. 1905. № 64. 27 октября. С. 1.
9. Из зала суда. Дело Мисюры // Приморский край. 1914. 9 февраля. С. 3.
10. Каверза. Маленький фельетон // Новости дня. 1915. № 2. 6 марта. С. 5.
11. Крупинки // Новости дня. 1915. № 50. 12 мая. С. 3.
12. Кэкс. Маленький фельетон // Текущий день. 1913. № 542. 8 января. С. 3.
13. Лепин у Пантелеева // Текущий день. 1914. № 841. 30 января. С. 3.
14. Мельников. Открытое письмо редактору «Новости дня» // Дальний Восток. 1915. 11 окт. С. 2–3.
15. Местная жизнь. Вниманию общества. Еще об издателе «Далекой окраины» Пантелееве // Новости дня. 1915. № 117. 3 августа. С. 3.
16. Местная пресса // Приморский край. 1913. 29 октября. С. 2.
17. Мисюра Ф. К суду // Текущий день. 1913. № 701. 27 июля. С. 2.
18. Никольск-Уссурийск // Никольск-Уссурийский листок. 1905. № 64. 27 октября. С. 1.
19. Обзор местных газет // Текущий день. 1913. № 701. 27 июля. С. 2.
20. Обзор местных газет // Текущий день. 1915. 23 января. С. 2.
21. О войне // Текущий день. 1914. № 972. 18 июля. С. 2.
22. О певице // Никольск-Уссурийский листок. 1903. № 33. 2 мая. С. 3.
23. Отзвуки митинга // Дальний Восток. 1913. 13 февраля.
24. Открыта подписка // Текущий день. 1913. № 539. 4 января. С. 1.
25. Открытое письмо священнику В. Давыдову // Текущий день. 1912. № 521. 3 июля.
26. От редакции // Дальний Восток. 1916. 18 сентября. С. 2.
27. Пилюля. Макс Линдер на экране Владивостока // Текущий день. 1914. № 912. 3 мая. С. 3.
28. Письма в редакцию // Приамурский край. 1913. 9 марта. С. 4.
29. Письмо в редакцию // Приморский край. 1913. 3 августа. С. 4.
30. Постановления военного губернатора Приморской области // Приамурские ведомости. 1913. 18 апреля. С. 1.
31. Почтовый ящик // Новости дня. 1915. № 45. 2 мая. С. 3.
32. Провокация // Текущий день. 1913. № 572. 13 февраля. С. 2.
33. Раздорский И. Душеспасительный капитализм // Текущий день. 1911. № 347. 11 ноября. С. 2.
34. Р-кий. «Специалисты» // Новости дня. 1915. № 124. 12 августа. С. 3.
35. Страничка из жизни редактора (Шутка) // Никольск-Уссурийский листок. 1903. № 33. 2 мая. С. 3–4.
36. Угорь. Редактор и клопы // Вечерняя газета. 1915. № 4. 22 декабря.
37. Ужасы жизни // Новости дня. 1915. № 121. 8 августа. С. 3.
38. † Ф.В. Мисюра // Далекая Окраина. 1916. 7 апреля. С. 3.
39. Хроника. Блюдо Мисюры // Приморский край. 1913. 2 августа. С. 3.
40. Хроника. Генерал Флуг // Текущий день. 1913. № 539. 4 января. С. 2.
41. Хроника. Исправление // Текущий день. 1914. № 841. 30 января. С. 3.
42. Хроника. К избиению г. Мисюры // Уссурийский край. 1914. 7 июня. С. 3.
43. Хроника. Кооперативная газета // Текущий день. 1913. № 808. 17 декабря. С. 3.
44. Хроника. Крах газет // Текущий день. 1912. 1 июня. С. 3.
45. Хроника. К смерти Ф.В. Мисюры // Уссурийский край. 1916. 2 мая. С. 3.
46. Хроника. Новые зубы пирогаедов // Текущий день. 1910. № 101. 14 декабря. С. 3.
47. Хроника. Он не хочет // Текущий день. 1911. № 368. 8 декабря. С. 2.
48. Хроника. Перемещение // Текущий день. 1914. № 842. 31 января. С. 3.
49. Хроника. Письма в редакцию // Далекая окраина. 1913. 9 марта. С. 3.
50. Хроника. Пока гром не грянет... // Текущий день. 1913. № 543. 9 января. С. 3.
51. Хроника. Приговор // Приморский край. 1914. 5 февраля. С. 3.
52. Хроника. «Текущему дню» // Приморский край. 1913. 19 декабря. С. 3.
53. Хроника. Шевелятся // Текущий день. 1914. № 972. 18 июля. С. 3.

REFERENCES

1. Agapov, V.L., 2014. «Maks Linder na ekrane Vladivostoka»: rossiyskaya pressa o dal'nevostochnom voyazhe vitse-gubernatora V.I. Lodyzhenskogo (1912-1914 gg.) [«The Max Linder of Vladivostok»: the Russian press about Vice-Governor V. Lodyzhenskiy's Far Eastern Tour (1912-1914)], *Novy istorichesky vestnik*, no. 4(42), pp. 127-148. (in Russ.)
2. Tekushchii den'. № 104. 17 December 1910, p. 3. (in Russ.)
3. Tekushchii den', № 380. 22 December 1911, p. 3. (in Russ.)

4. Novosti dnya, № 45, 2 May 1915, p. 3. (in Russ.)
5. Novosti dnya, № 53, 16 May 1915, pp. 2-3. (in Russ.)
6. Tekushchii den', № 319, 7 October 1911, p. 2-3. (in Russ.)
7. Ussuriyskii krai, 25 July 1914, p. 3. (in Russ.)
8. Nikol'sk-Ussuriyskii listok, № 64, 27 October 1905, p. 1. (in Russ.)
9. Primorskii kray, 9 February 1914, p. 3.
10. Novosti dnya, № 2, 6 March 1915, p. 5. (in Russ.)
11. Novosti dnya, № 50, 12 May 1915, p. 3. (in Russ.)
12. Tekushchii den', № 542, 8 January 1913, p. 3. (in Russ.)
13. Tekushchii den', № 841, 30 January 1914, p. 3. (in Russ.)
14. Dal'nii Vostok, 11 October 1915, pp. 2-3. (in Russ.)
15. Novosti dnya, № 117, 3 August 1915, p. 3. (in Russ.)
16. Primorskii kray, 29 October 1913, p. 2. (in Russ.)
17. Tekushchii den', № 701, 27 July 1913, p. 2. (in Russ.)
18. Nikol'sk-Ussuriyskii listok, № 64, 27 October 1905, p. 1. (in Russ.)
19. Tekushchii den', № 701, 27 July 1913, p. 2. (in Russ.)
20. Tekushchii den', 23 January 1915, p. 2. (in Russ.)
21. Tekushchii den', № 972, 18 July 1914, p. 2. (in Russ.)
22. Nikol'sk-Ussuriyskii listok, № 33, 2 May 1903, p. 3. (in Russ.)
23. Dal'nii Vostok, 13 February 1913. (in Russ.)
24. Tekushchii den', 4 January 1913, p. 1. (in Russ.)
25. Tekushchii den', 3 July 1912. (in Russ.)
26. Dal'nii Vostok, 18 September 1916, p. 2. (in Russ.)
27. Tekushchii den', № 912, 3 May 1914, p. 3. (in Russ.)
28. Priamurskii kray, 9 March 1913, p. 4. (in Russ.)
29. Primorskii kray, 3 August 1913, p. 4. (in Russ.)
30. Priamurskie vedomosti, 18 April 1913, p. 1. (in Russ.)
31. Novosti dnya, № 45, 2 May 1915, p. 3. (in Russ.)
32. Tekushchii den', № 572, 13 February 1913, p. 2. (in Russ.)
33. Tekushchii den', № 347, 11 November 1911, p. 2. (in Russ.)
34. Novosti dnya, № 124, 12 August 1915, p. 3. (in Russ.)
35. Nikol'sk-Ussuriyskii listok, № 33, 2 May 1903, pp. 3-4. (in Russ.)
36. Vechernyaya gazeta, 22 December 1915. (in Russ.)
37. Novosti dnya, № 121, 8 August 1915, p. 3. (in Russ.)
38. Dalekaya okraina, 7 April 1916, p. 3. (in Russ.)
39. Primorskii kray, 2 August 1913, p. 3. (in Russ.)
40. Tekushchii den', № 539, 4 January 1913, p. 2. (in Russ.)
41. Tekushchii den', № 841, 30 January 1914, p. 3. (in Russ.)
42. Ussuriyskii kray, 7 June 1914, p. 3. (in Russ.)
43. Tekushchii den', № 808, 17 December 1913, p. 3. (in Russ.)
44. Tekushchii den', 1 June 1912, p. 3. (in Russ.)
45. Ussuriyskii kray, 2 May 1916, p. 3. (in Russ.)
46. Tekushchii den', № 101, 14 December 1910, p. 3. (in Russ.)
47. Tekushchii den', № 368, 8 December 1911, p. 2. (in Russ.)
48. Tekushchii den', № 842, 31 January 1914, p. 3. (in Russ.)
49. Dalekaya okraina, 9 March 1913, p. 3. (in Russ.)
50. Tekushchii den', № 543, 9 January 1913, p. 3. (in Russ.)
51. Primorskii kray, 5 February 1914, p. 3. (in Russ.)
52. Primorskii kray, 19 December 1913, p. 3. (in Russ.)
53. Tekushchii den', № 972, 18 July 1914, p. 3. (in Russ.)

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПЕРВАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (ПЕТРОГРАД, 1918 г.)

Статья представляет собой результаты исследования деятельности первой Школы журнализма, основанной в Петрограде П.М. Пильским в 1918 г. В работе на основании изучения архивных материалов впервые подробно рассмотрены история создания Школы, система преподавания и отдельные аспекты лекций, финансирование Школы и дальнейшие судьбы преподавателей и слушателей.

Ключевые слова: журналистика, образование, П.М. Пильский, В.М. Дорошевич, лекция, расписание занятий

From the history of journalism education in Russia: the first School of journalism in the Soviet Russia (Petrograd, 1918). LEONID Ya. NEDLIN (Sankt – Petersburg State University)

The article is devoted to the first School of journalism that was established by Petr M. Pilsky in Petrograd in 1918. Basing on the archival sources, the author reconstructs the history of the school, its funding, teaching system and schedule, tracing the afterlife of its teachers and graduates.

Keywords: journalism, education, Petr M. Pilsky, Vlas M. Doroshevich, lecture, school schedule

Средства массовой информации и коммуникации давно и прочно вошли в нашу жизнь, в значительной мере определив характер и стиль поведения людей, взаимоотношения между различными социальными группами, между обществом и государством. Именно эта сфера деятельности, наряду с медициной и образованием, затрагивает практически каждого человека, в той или иной мере влияя на его социальное самочувствие. В периоды социальных потрясений и революций, когда многие отрасли производства приходят в упадок, именно СМИ обретают лавинообразное развитие, рекрутируя в свои ряды многих представителей других профессий.

Несмотря на то, что журналистика как род деятельности существует уже более 400 лет, журналистское образование появилось относительно

недавно. Первой его формой было ученичество, когда молодые сотрудники получали знания непосредственно в редакциях газет под руководством опытных мастеров. К концу XIX в. сначала в Америке, а потом и в Европе стали возникать первые профессиональные школы журналистики. Самые ранние попытки наладить подготовку газетчиков относятся к концу 1860-х гг., первый же системно организованный курс появился в университете Пенсильвании в 1893 г. [6]. На рубеже XIX-XX вв., в связи с резким увеличением числа газет и журналов, подобные школы стали возникать в Германии, Франции, Швейцарии, Японии, Италии и Китае. Существуют различные версии о том, где именно в Европе появилась первая школа по подготовке журналистских кадров. По мнению профессора Б.И. Есина, одной из первых счита-

* НЕДЛИН Леонид Яковлевич, соискатель кафедры истории журналистики факультета журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: lnedlin@yandex.ru

© Недлин Л.Я., 2016

ется высшая школа журналистики в Берлине. «В ней слушатели изучали юридическое положение о печати, историю и технику газетного и печатного дела, практическую журналистику (редактирование, полемизирование, технику просмотра газет и пр.), рецензирование драматических представлений, романов, опер и концертов, упражнялись в писании корреспонденций и репортажей. Обучение было платное» [4, с. 82]. Л.Г. Свитич же полагает, что в Европе родоначальницей журналистского образования считается Высшая школа социальных наук в Париже со специальным факультетом журналистики [13].

В России, где в газетах, журналах и издательствах журналистами работали юристы и чиновники, учителя и коммерсанты, выпускники гимназий и семинарий, первая попытка создания высшей школы журналистики была предпринята в 1902 г. Предполагалось, что ее возглавит П.Д. Боборыкин – благородный прогрессист, бытописатель, разносторонне образованный человек, написавший более 20 романов. Но дальше проекта дело не продвинулось. В 1905 г. в Москве открылись научные и практические курсы для журналистов под руководством профессора Л.Е. Владимирова. «Предполагалась трехсеместровая программа для всех желающих независимо от образовательного, социального, возрастного или национального статуса. Планировались лекции по различным отраслям права (международное, финансовое, уголовное, полицейское), политической экономии, истории литературы и искусства, этике, стилистике; практические занятия по написанию материалов в разных журналистских жанрах (заметка, судебный отчет, передовая статья, рецензия), а также упражнения в корректуре, стенографировании, рисовании, фотографировании и др.» [5]. Учеба началась 1 февраля 1905 г., но в декабре была прекращена в связи с Декабрьским вооруженным восстанием в Москве. Необходимо отметить, что образование журналистов занимался также журнал «Сотрудник печати», издававшийся ежемесячно в Петербурге с 1912 по 1915 гг.

Первую после Октябрьского переворота попытку организовать профессиональное образование журналистов в Петрограде предпринял замечательный журналист, публицист и критик Петр Мосевич Пильский. «Были в нем замашки и привычки богемы, он дневал и ночевал в кафе и ресторанах, обожал разговоры до утра в каком-нибудь «литературно-художественном клубе», любил возбуждение от вина, атмосферу дружбы, споров и ссор, перекрестный огонь шуток и эпиграмм, игру флирта и влюблений, беспорядок и

толчею случайных вечеринок и непринужденных пирушек», – вспоминал о нем впоследствии Марк Слоним. П.М. Пильский обладал талантливым пером и был прирожденным организатором. Уже будучи в эмиграции, в своих воспоминаниях он писал: «И был момент (и он навсегда останется в моей памяти) – момент основания мною Школы Журнализма. Упрек мне! Я поздно ее основал. Это было в 1918 году. Уже ходил по Петербургу язвительными шагами голод. Уже опустел университет...» [14].

Действительно, время для обучения будущих журналистов оказалось не самым удачным. Революционные преобразования, разруха и все ухудшающееся положение с продовольствием делали свое дело. Город постепенно пустел. Население Петрограда, составлявшее в 1916 г. 2,4 миллиона человек, к 1918 г. сократилось на один миллион и составляло 1,4 миллиона жителей [12]. В городе, который еще недавно был флагманом российской промышленности, остановили свою работу почти все предприятия. Практически все газеты, кроме большевистских, были закрыты, редакции разогнаны, типографии конфискованы. Большинство журналистов, редакторов, других работников газет оказались не у дел. Многие профессиональные сотрудники редакций либо сменили сферу деятельности, либо покинули Петроград, подавшись на более сытый Юг или в Европу. Пильский вспоминал: «Сумасшествием было открыть эту Школу Журнализма. Для чего? Для любителей? Потому что, какие же могли быть профессионалы в тот момент, когда все наши газеты последовательно, упрямо и зло закрывались?» [14]

Вот лишь несколько характерных примеров «свободы печати» по-большевистски: «2 января около 3-х часов дня, в помещении главной конторы и редакции газеты «Воля народа», органа партии правых эсеров (Бассейная, 85-37) явился отряд в составе вооруженных красногвардейцев, солдат-латышей и матросов, и, заняв все входы и выходы, приступил к обыску. <...>. После произведенного тщательного обыска, не давшего никаких результатов, все находившиеся в редакции лица были арестованы... и под конвоем отправлены в Смольный. В числе арестованных члены Учредительного собрания и члены редакции «Воля народа» А.А. Аргунов, Питирим Сорокин и А.И. Гуковский. Всего арестовано свыше 25 человек. Среди арестованных в редакции находился В. Чернов» [7].

В этом же номере газеты сообщается об аресте незадолго до Нового года на собственной квартире Л.Ю. Гольдштейна (Л. Каменева) – редактора

«Вечернего времени». Он был заключен в тюрьму «Кресты», в одну камеру с С.П. Елисеевым, владельцем знаменитого магазина на Невском проспекте [7].

3 января 1918 г. была закрыта газета «День», а сотрудники редакции арестованы. 9 января 1918 г. газета «Наш век» сообщает, что номер от 6 января не вышел «по независящим от редакции обстоятельствам» [8]. А далее в статье «Свобода печати» сообщается, что «6-го января в Петрограде можно было получить только большевистские газеты. Все остальные газеты до эсеровских включительно или совсем не попали в продажу, так как были захвачены красногвардейцами в типографиях, или же, попав в продажу, отбирались у газетчиков на улицах и тут же разрывались или предавались сожжению» [8]. Обратим внимание, что с момента захвата власти большевиками прошло чуть более двух месяцев. Практически все правые газеты уже были закрыты, редакции разгромлены, типографии конфискованы, многие редакторы, журналисты и просто сотрудники контор и редакций арестованы, как правило, без предъявления каких-либо обвинений.

В Петрограде 7 января кроме большевистских газет вышли только «Дело народа», «Новая жизнь» и «Петроградская новая газета». 6-го января заняты красногвардейцами редакция и типография газеты «Петроградский голос», при этом линотипы были либо разбиты, либо повреждены, а шрифты рассыпаны. Очевидцы сообщают, что все нескороаемые шкафы взломаны, деньги и бумаги исчезли. Та же участь постигла и газету «Народное слово» – орган трудовой партии. «В типографии, где печаталась газета, красногвардейцами был рассыпан заготовленный набор, весь шрифт перемешан. Типография приведена в такое состояние, что приступить к работе невозможно» [8]. Красногвардейцы заняли и редакцию газеты «Дело народа». Все, кто приходил в контору газеты, – арестовывались. 17 января закрыта газета «Наши ведомости», которая печаталась в типографии газеты «Копейка». Согласно ордеру, предъявленному помощником комиссара по делам печати Янковским, весь состав сотрудников и редакции предавался суду революционного трибунала.

При этом большевистские газеты «Правда» и «Знамя труда» сообщали, заведомо ложные сведения, например, о том, что в редакции газеты «Воля народа» были найдены оружие и пироксилиновые шашки. Разоблачая эту ложь, газета «Наш век» опубликовала протокол обыска редакции «Воли народа», подписанный комиссаром ВЧК П. Ходенциком, в котором прямо указывалось, что были конфискованы только рукописи и бумаги.

Мы рассмотрели лишь несколько примеров закрытия газет и разгона редакций. При этом нужно сказать, что в это время весьма удручающим было положение интеллигенции в целом. Закрывались не только газеты и журналы: почти прекратилось издание книг, прекращали работу банки, различные конторы, университеты, предприятия. Без работы оказались многие военные и чиновники. 19 января 1918 г. в газете «Наш век» была опубликована статья «Нужда среди интеллигенции». В ней, в частности, сообщалось: «Нужда среди наименее обеспеченных слоев интеллигенции достигает в настоящее время своего предела. Интеллигенция начинает «деклассироваться» ... Много офицеров поступает в дворники, сторожа, служители за 150-200 рублей в месяц. Недавно один полковник, неоднократно раненый и награжденный офицерским Георгием, умолял о месте швейцара, указывая, что он ревматик, и что место швейцара ему наиболее желательно, так как у него жена и дети, которым жить негде» [9]. Бывшие чиновники министерств, профессора университета, офицеры служили театральными монтерами, плотниками, обойщиками. В газете приводится пример одного преуспевающего когда-то адвоката, вынужденного зарабатывать себе на жизнь сколкой льда с тротуаров.

19 февраля 1918 г. газета «Наш век» опубликовала следующее объявление: «Основана первая в России «Школа Журнализма». Среди лекторов: Ф.Ф. Зелинский, Ф.А. Браун, С.А. Венгер, Александр Блок, А.Л. Волынский, И.В. Вольфон, А.И. Куприн, Федор Сологуб, Петр Рыс и другие. Прием в реальном училище Богинского (Невский проспект, 83, кв. 13). Открытие школы 25 февраля нового стиля» [10].

26 февраля 1918 г. в Петрограде прошло организационное собрание профессоров и лекторов будущей Школы журналистов. На нем присутствовали С.А. Адрианов, А.К. Бороздин, Д.И. Бразуль-Брешковский, А.В. Венедиктов, Малинский, А.М. Кулишер, Б.С. Мирский, К.В. Мочульский, П.М. Пильский, В.Г. Тан-Богораз, Б.Е. Шацкий. Собрание открыл П.М. Пильский, который являлся не только инициатором создания Школы, но и ее директором-учредителем. При обсуждении будущей учебной программы возникла дискуссия о необходимости введения в расписание лекций, разъясняющих программы различных политических партий. П. Пильский выступил против этого предложения, объясняя свою позицию тем, что, во-первых, трудно найти достаточно объективного лектора, а, во-вторых, он бы не хотел вносить в Школу излишнюю политическую страсть.

По итогам собрания, в состав директорской коллегии, помимо директора-учредителя П.М. Пильского, были избраны С.А. Адрианов, Ф.А. Браун, К.В. Мочульский, В.Г. Тан-Богораз, Ф.Ф. Зелинский, А.В. Руманов, Б.Е. Шацкий (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, далее – ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 2).

Что касается преподавательского состава Школы, то можно уверенно сказать, что Петру Пильскому удалось привлечь к работе весь цвет российской филологической науки, специалистов по международному праву, лучших журналистов и культурологов¹.

2 марта 1918 г. в газетах появилась следующая корреспонденция: «В Школе Журнализма» (Невский, 83 кв. 13) состоялось собрание лекторов, профессоров, в состав комитета избраны были по большинству голосов: профессор С.А. Адрианов, профессор Ф.А. Браун, профессор Ф.Ф. Зелинский, Петр Пильский, А.В. Руманов, В.Г. Тан (Богораз), Б.Е. Шацкий. В число лекторов школы вступил В.М. Дорошевич, который прочтет ряд лекций о журнализме, французской печати и о печати во время великой французской революции» [11]. Именно привлечение Власа Дорошевича к работе в Школе сыграло очень большую роль в росте ее популярности. Министр юстиции Муравьев однажды охарактеризовал его «незванным защитником, вторым прокурором, четвертым судьей, тринадцатым присяжным поверенным» [15]. Петр Пильский писал о нем: «Все же никому из этих участников моя Школа Журнализма не обязана в такой мере, как Дорошевичу...» [14].

Изначально планировалось, что Школа журнализма начнет свою работу 28 февраля, более того, было составлено расписание занятий, утвержденное дирекционным комитетом Школы (ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3). Но различные организационные и финансовые препятствия (не все слушатели смогли вовремя внести плату за обучение) не позволили открыть Школу в намеченный срок. Более того, в расписание зачастую вносились коррективы и изменения. Связано это было с тем, что многие преподаватели и профессора, призванные в Школу, читали лекции и на других площадках города.

10 марта 1918 г. состоялось открытие Школы по адресу Невский проспект, 83, кв. 13. С вступительным словом выступил основатель и директор Школы Петр Пильский. Нам кажется небезын-

тересным отметить тот факт, что первая лекция, прочитанная при открытии Школы профессором Ф.Ф. Зелинским, называлась: «Этический момент в журнализме». По отчетам петроградских газет, при открытии Школы присутствовало много журналистов и слушателей. Было объявлено, что занятия начнутся 12 марта.

Петр Пильский вспоминал впоследствии: «В Школе Журнализма читали многие. Там было 42 предмета преподавания. Из профессоров участвовали Ф.Ф. Зелинский, Браун, приват-доцент Ильинский, профессор Венгеров, профессор Бороздин, профессор Ястребов, приват-доцент Миркин-Гецевич и др. Из писателей Ал. Амфитеатров, Ал. Блок, Влас Дорошевич, А.И. Куприн. Чисто газетные курсы взяли на себя Аркадий Бухов, Ар. Руманов, Розенфельд. О театре и театральной критике и рецензии читал П.П. Гнедич, автор «Истории искусств» и директор Александринского театра. Словом, лекторский состав был исключительный по авторитетности, талантливости, интересу» [14].

Занятия в Школе проходили 3 раза в неделю с 16:30 до 20:30 или до 21:30. Каждый день читались две или три лекции по различным дисциплинам. Все изучаемые предметы подразделялись на несколько блоков:

– *общественно-политические и общекультурные дисциплины*: «История и внешняя политика» (Б.С. Миркин-Гецевич), «Экономика, финансы и биржи» (А.В. Венедиктов), «Театр и его критика» (П.П. Гнедич), «Законодательство о печати и авторское право в России и за границей» (Ф.Н. Зейлигер).

– *лекции о мировой литературе и прессе*: «История европейской литературы», «История русской литературы», «История критики и публицистики», «Разночинная и дворянская литература» (С.А. Адрианов), «Литературная техника русских классиков» (А.Г. Ромм), «Публицистика 70-80 годов» (Н.П. Ашероф), «Французская пресса» (В.М. Дорошевич), «Русская газета в XIX веке», «Немецкая пресса» (Б.Н. Познанский), «Английская пресса» (А.М. Кулишер), «Американская пресса» (приват-доцент Б.Е. Шацкий), «Итальянская пресса» (П.Я. Рысс), «Русские журналы XIX века», «Бульварная пресса в Европе» (Ю.С. Волин).

– *газетные жанры*: «Фельетон» (В.М. Дорошевич), «Газетная техника» (А.В. Руманов), «Постановка газетных отделов» (А.Г. Ромм), «Реporter и репортаж» (А.И. Куприн), «Еженедельник и альманах», «Иллюстрированные издания», «Провинциальная пресса» (А.С. Бухов), «Об ил-

¹ Более подробная информация о преподавательском составе первой Школы журнализма приведена в приложении к настоящей статье.

люстрации и карикатуре», «О сатире», «Эзопов язык», «Хроника», «Рефераты», «Обзоры», «О фельетоне», «О памфлете», «Русская стилистика» (К.В. Мочульский).

– *специальные дисциплины*: «О технике редакции» (С.А. Адрианов), «Современная газета», «Газетная техника», «Составление номера», «Распределение материала и верстка», «О редакторе».

– *дополнительные дисциплины*: «Устройство типографии» (С.И. Елин), «Производство бумаги» (инженер Е.Н. Самарин), «Корректурка и устройство типографии» (С.И. Елин), «Контора и экспедиция», «Распространение и контрагентство» (И.В. Вольфсон), «Распространение и реклама», «Вопросы статистики и транспорта» (С.Л. Маневич), «Киножурнализм» (Кольцов), «Экономика газетного хозяйства» (приват-доцент И.И. Левин), «Реклама» (инженер-технолог А. Ратнер), «Городское хозяйство» (Н.М. Волковысский).

Кроме того, в Школе Журнализма были прочитаны лекции о выдающихся деятелях русской культуры: «Радищев и Новиков» (приват-доцент Л.К. Ильинский), «Пушкин», «Эпоха Белинского» (профессор С.А. Венгеров), «Добролюбов», «Лавров» и «Михайловский» (А.А. Гизетти), «Писарев», «Чернышевский», «Толстой», «Достоевский» и «Тургенев» (профессор С.А. Адрианов), «Чехов» (А.А. Измайлов), «Герцен» (приват-доцент Л.К. Ильинский), «Аполлон Григорьев», «Соловьев» (П.М. Пильский), «Суворин, Меньшиков, Буренин» [14].

Сразу же после начала занятий дирекция Школы принимает решение на некоторые лекции, имеющие интерес для профессиональных работников печати, приглашать не только слушателей Школы, но и всех желающих. Первая такая публичная лекция была прочитана «королем фельетона» Власом Дорошевичем 24 марта 1918 г.

Говоря о преподавателях Школы, отмечая их несомненные заслуги, Пильский, тем не менее, пишет: «Все же никому из этих участников моя Школа Журнализма не обязана в такой мере, как Дорошевичу... При первой встрече мы наметили цикл его лекций. Первую из них Дорошевич захотел посвятить историко-журнальному эпизоду. Она называлась: «Журналисты великой французской революции». В написанном виде она оказалась статьей в три слишком печатных листа» [14].

Выступление Дорошевича имело такой успех, что он повторял эту лекцию еще несколько раз не только в Школе, но и на разных площадках Петрограда, а потом и в других городах. Среди многочисленных вопросов слушателей Школы после лекции встретился и такой: «Как нужно

предлагать в первые раз свои услуги редакции?» Приведем ответ Власа Дорошевича: «Как надо предлагать, этого не объяснишь. Обыкновенно начинают с того, что приносят статью. Но если кому-нибудь пришлось или захотелось предъявить свои претензии на постоянное сотрудничество, то я советую, по крайней мере, не делать двух промахов. Во-первых, на вопрос: «В каком отделе хотите работать?» – никогда не отвечайте: «Все равно». Потому что это значит, что вы ко всем делам одинаково равнодушны и ни к одному из них не подготовлены. Во-вторых, предостерегаю вас от претензий на роль театрального рецензента. На это амплуа хотят все. Есть возраст, которому льстит знакомство с актрисами и вселяет гордость сознание, что он может влиять на судьбы и интересы театра. Кроме того, кому не хочется иметь бесплатное кресло в театре? Но помните, что рецензентское место требует очень больших знаний и жертв. Театральному критику нужно знать не только сценическое искусство, но еще и многие закулисные отношения, и связи, чтобы не быть пойманным в сети интриг, взаимных счетов, хитрости» [14]. Свое выступление Дорошевич закончил призывом: «Не бойтесь труда и не жалейте себя! Знайте: самые долговечные люди – журналисты» [14]. Петр Пильский писал впоследствии: «Дорошевич своим слушателям в моей петербургской Школе Журнализма умел рассказывать об этом так, что его сладко было слушать даже самым испытанным журналистам и писателям» [14].

14 апреля в Школе лекцию «О репортере и газете» прочитал А.И. Куприн. «Вечерние огни» в своем репортаже о лекции писали: «Взойдя на кафедру, Куприн, прежде всего, предупредил собравшуюся публику, что он вовсе не намерен читать лекцию.

– Но я хочу побеседовать с вами, поделиться своими воспоминаниями и наблюдениями – добавил он.

Сравнив газету с постоянно воюющей державой, сотрудников с хорошо дисциплинированной армией, редактора с главнокомандующим и так далее, Куприн перешел к репортерам, этим, по его мнению, солдатам-пехотинцам, долженствующим обладать несокрушимым здоровьем, железными нервами, любовью к делу, редкой находчивостью и еще более редким чувством предвидения» [2]. Характеризуя профессию репортера, А.И. Куприн сказал: «Публика еще продолжает думать, будто репортер – это пожарный строчила либо происшественик. Репортаж в газете – необходимая ступенька, которую не может миновать человек, желающий сделаться писателем. Репортаж дает

огромный жизненный материал, необходимую предвзятость, без которой нельзя обойтись даже в короткой хроникальной заметке, он помогает вырабатывать литературные приемы, приучает нервно относиться к любой теме, а без этой нервности немислима настоящая беллетристика...» [2]. В этой же лекции, говоря о роли репортера, А.И. Куприн рассказал слушателям, что во время русско-японской войны об всех самых важных событиях на Востоке прежде всех в Петербурге узнавали только два человека – японский резидент и репортер на Владимирской².

В этот же день, 14 апреля 1918 г. лекцию «О редакции и газете» в Школе прочел А.В. Амфитеатов, а 21 апреля с лекцией «Экономика газетного хозяйства» выступил приват-доцент И.И. Левин. Вход всем журналистам был бесплатный (ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3).

Несмотря на усложняющееся политическое положение, непрекращающиеся репрессии и сложное финансовое состояние, Школа продолжала работать, занятия проводились регулярно, в соответствии с расписанием. 11 мая С.Б. Любошиц прочитал в Школе лекцию «Эзопов язык», 12 мая – А.А. Измайлов лекцию «О Чехове», 15 мая в помещении Школы инженер-технолог А. Ратнер прочитал двухчасовую лекцию на тему: «Искусство и техника рекламы в периодической печати» (ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3).

19 мая в Школе произошло знаменательное событие – Александр Блок прочитал публичную лекцию «Катилина (о темпераменте истинного революционера)». 1 июня А.В. Румановым была прочитана лекция «О газетном искусстве», а вот намеченная на 2 июня лекция В.Г. Тан-Богораза «О реферате» была отменена в связи с болезнью лектора.

Как отмечалась впоследствии в итоговом отчете Школы по окончании первого выпуска, трехмесячный курс включал в себя до двухсот пятидесяти лекционных часов, считая практические занятия. Кроме того, слушатели школы посещали типографии и бумажные фабрики.

Что касается финансового обеспечения Школы, то имеющиеся в архивах документы позволяют сделать вывод, что она была скорее благотворительным, нежели коммерческим предприятием. Первоначальный взнос от слушателей составил 8790 руб. На расходы по организации и созданию Школы было потрачено изначально 7485 руб. 33 коп. В апреле Школой было получено еще

725 руб. Все эти деньги, исходя из финансового отчета Школы, пошли на расходы по организации и были полностью потрачены в период с 8 февраля по 23 марта. Второй взнос был меньше первоначального ввиду того, что около 20 человек покинули Школу. Он составил всего 3300 руб. Эти деньги, учитывая инфляцию весны 1918 г., уже не могли покрывать расходов. На аренду помещения на Невском проспекте требовалось 500 руб., преподавателям и лекторам было заплачено 3470 руб., покупка газет и журналов обошлась в 54 руб. 35 коп. Приблизительно такая же сумма – 53 руб. – была потрачена на извозчиков и трамваи (ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 1). Провести полный финансовый анализ работы Школы на сегодняшний день не представляется возможным: сохранилось лишь несколько документов, но составлены они таким образом, что создать полную картину доходов и расходов, принимая во внимание инфляцию весны-лета 1918 г., практически невозможно.

В целях популяризации Школы и получения дополнительного финансирования дирекция принимает решение проводить публичные лекции не только непосредственно в помещении Школы, но и повторять их потом в городских театрах. 14 апреля 1918 г. в театре «Аквариум» (Каменноостровский проспект, 10) Влас Дорошевич повторил свою лекцию о журналистах Великой Французской революции, прочитанную в Школе 24 марта. Билеты продавались по всему городу, в театральных кассах, книжных и музыкальных магазинах, а также непосредственно в Школе. Стоили они в зависимости от мест от 1 до 6 руб. (ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3).

5 мая Школой был организован концерт «Весенний вечер» при участии Ал. Рославлева, Арк. Бухова, М.С. Марадугиной, А.Н. Леоновой, Л.Н. Муромской, Е.С. Кузнецовой, Я.А. Бронштейна, Н. Дулькевич. 30 мая 1918 г. в Тенишевском зале (Моховая улица, 33-35) Д.С. Мережковский повторил прочитанную в Школе лекцию «Россия будет».

4 июня 1918 г. в Мариинском театре Школой был организован «Вечер искусства», состоявший из двух отделений:

Отделение I

Слово «Об искусстве». Читает профессор Ф.Ф. Зелинского

«Счастье» рассказ читает автор – А.И. Куприн
«О Руси» стихотворение прочтет автор Александр Блок

Сонаты Рубинштейна д-дур. Оп. №18, профессор И. Пресс (виолончель) и С.О. Давыдова (рояль)

² В связи с этим нам думается, что появившаяся в 1906 г. повесть «Штабс-капитан Рыбников» имела реальных прототипов.

Отделение 2

«Уймись, волнения страсти» трио Глинки.
Исп. И. Пресс, С.О. Давыдова, Ф.И. Шаляпин

«Вечернее письмо» прочтет автор Петр Пильский

«Двенадцать» А. Блока прочтет г-жа Л.Д. Блок-Басаргина

«Жисть» прочтет автор А.В. Амфитеатров

Романсы. Исполнит Ф.И. Шаляпин. Акомпанирует В.С. Маратов (ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 3).

К сожалению, архивные материалы не позволяют подробно рассказать о первых слушателях этой Школы. Сохранились лишь некоторые анкеты поступивших в Школу, а также список учащихся 1-го выпуска, в котором указаны фамилия, имя и отчество слушателей, возраст, образование, социальное положение и публикации, если таковые были.

Первоначально в Школу записалось более 130 человек, закончили ее только 110 слушателей³. Образование было платным, поэтому не все могли внести деньги за обучение. Первый взнос составлял 100 рублей. К 11 апреля 1918 г. слушатели должны были сделать второй взнос, но безработица и рост цен не позволили некоторым слушателям продолжить обучение. Трое – В.В. Родзинский, Б.М. Бауманов и Ю.И. Сафонов – были отчислены (ИРЛИ РАН. Ф. 98. Оп. 3. Ед. хр. 1). Еще около двадцати человек по разным причинам покинули Школу. Некоторые начали работать по специальности, а остальные, судя по всему, либо уехали из Петрограда, либо нашли себе применение в другой сфере деятельности.

Поступившие в Школу слушатели были людьми разных профессий, разного возраста и разного уровня образования. Лишь 16 слушателей (14%) до поступления в Школу уже публиковались в столичных, провинциальных и профессиональных газетах и журналах. Для остальных это была во многом новая профессия. Средний возраст слушателей составлял 32 года, причем самому молодому – Александру Ивановичу Лимонову – было 19 лет, а самой старшей – Марии Александровне Ковалевой – 50 лет.

Образовательный уровень слушателей распределился следующим образом:

– начальное образование – 3%;

– среднее образование – 54% (в том числе из 59 слушателей: артиллерийское училище – 1, прогимназия – 1, гимназия – 7, городское училище – 1,

кадетский корпус – 1, лицей – 1, прогимназия – 1, реальное училище – 1, учительская семинария – 1, школа прапорщиков – 2, студент педагогического института – 1, слушательницы Бестужевских курсов – 5, студент – 2, студент юридического факультета – 2, студент политехнического института – 2, студент торгового института – 1, студент коммерческого университета – 2, студент университета – 5);

– высшее образование – 26% (в том числе из 29 слушателей: Археологическая и историческая школа – 1, Бестужевские курсы – 1, Ветеринарный институт – 1, высшее заграничное образование – 2, высшее юридическое образование – 3, институт гражданских инженеров – 1, высшие курсы – 2, магистратура – 1, Восточный институт – 1, педагогический институт – 1, университет – 1, Торгово-промышленный институт – 1, экстерн – 1);

– домашнее образование – 1%;

– самоучка – 1%.

Не указали свой образовательный уровень 17 слушателей (15%).

Слушатели первой Школы журнализма были людьми разных профессий, но только трое до поступления были связаны с журналистской работой: двое были журналистами и один редактором издательства. Большинство (23 человека) из указавших свою профессию и социальное положение были служащими, среди которых 8 конторщиков, 2 счетовода, казначей, телеграфистка, бухгалтер и даже начальник станции. Среди слушателей были 16 военных: 15 офицеров (3 морских) и один военный чиновник. Четыре человека были представителями творческих профессий – два литератора, один скульптор, один художник. Семь человек пришли в Школу из медицины – 2 врача, 3 провизора, фармацевт и фельдшер. Восемь человек были представителями технических профессий – 4 инженера, 2 техника, 1 мастеровой и 1 переплетчик. Кроме того, в Школе занимались четверо преподавателей, один помощник присяжного поверенного и 20 студентов высших учебных заведений. 21 человек не указал в анкетах свой род занятий.

30 июня 1918 г. состоялось итоговое заседание дирекционного комитета Школы. Подводя итоги трехмесячной работы, руководство отметило, что практически вся намеченная программа была выполнена. К сожалению, в силу различных обстоятельств некоторые преподаватели не смогли принять участия в работе Школы. Так, не состоялась лекция Ф.К. Сологуба о технике стиха, несколько лекций Н.О. Лернера по истории русской прессы XIX в. Кроме того, не смогли выступить

³ П. Пильский в своих воспоминаниях пишет о 111 слушателях, но в списках школы их 110.

перед слушателями профессор Н.В. Ястребов, А.М. Волконский и В.Т. Тан-Богораз. Связано это было либо с болезнью, либо с внезапным отъездом лекторов.

Дирекционный комитет, внимательно изучив программу первого выпуска, постановил: «При подведении итогов было решено в следующем курсе при тех же 200 часах основную программу школы сделать более специальной, сообщив ей преимущественно практически-газетный характер. Все же лекции общего характера выделить в особый цикл под названием «Современные вопросы», в который войдут лекции по вопросам национальным, религиозным, политическим, литературным, художественным и прочее. Расширяется курс В.М. Дорошевича, вводятся лекции «О газете и суде» М.Л. Гольдштейна, особые курсы художественного и парламентского реферата, разъездного корреспондента и другие» [3]. На этом же заседании было принято решение в последующих курсах больше внимания уделять практическим занятиям со слушателями, давать им больше самостоятельных письменных работ. К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться. Летом 1918 г. Петр Пильский был арестован, сразу после освобождения из-под стражи он эмигрировал на юг, а потом в Европу. Покинули Петроград Влас Дорошевич, Александр Куприн и многие другие. Второго выпуска Школы так и состоялось.

Подводя итоги первого выпуска Школы журнализма нужно признать, что, несмотря на «звездный» состав преподавателей и лекторов, хорошую, грамотно составленную программу, дававшую возможность максимально подробно изучить газетное и издательское дело, очень немногим удалось добиться больших успехов в профессии. Это было связано со многими причинами. Прежде всего, время, в которое состоялся первый выпуск, – лето 1918 г. – было не самым лучшим для журналистской карьеры. Началась гражданская война, голод. Петроград постепенно пустел. Знания, полученные в Школе, во многом оказались не востребованы, ведь на лекциях учили таким «ненужным» предметам, как газета в капиталистическом хозяйстве, бюджет современной газеты (приход и расход), организация системы распространения и прочим. К этому времени ни о какой экономике печатного дела не могло быть и речи. Финансовая и хозяйственная системы государства полностью развалились. Все фонды – типография, бумага и прочее – выдавались по специальным разрешениям только официальными властями.

Частных издательств и независимых газет практически не осталось, а те, кто еще продолжал работу, владели жалкое существование. Новой власти не требовались больше журналисты и репортеры, выразившие собственное мнение о тех или иных проблемах общества. Любая критика существовавшей системы строжайшим образом пресекалась. За несогласие с режимом журналист мог поплатиться работой, обеспечивавшей его рабочей карточкой и дававшей хоть какую-то возможность прокормить семью. Те же, кто позволял себе смелость выступать против существующего порядка, могли лишиться не только свободы, но и жизни. Большевицкая власть требовала от работников печати быть агитаторами и пропагандистами, вместо критики и анализа той или иной ситуации на повестке дня стояли лозунги и призывы. Естественно, что очень немногие из выпускников Школы связали себя с журналистской деятельностью.

Нам удалось разыскать лишь отрывочную информацию о дальнейшей судьбе десяти из ста десяти выпускников Школы.

Большо фон Гогенбах Александр Гвидович после окончания Школы эмигрировал из России, стал журналистом, писателем, исследователем Африки. Сотрудничал в парижской газете «Русская мысль».

Васильев Борис Александрович работал в Ленинградском университете, был крупным ученым-китаеведом, профессором, доктором наук. 6 сентября 1937 г. он был арестован, обвинен по статье 58-1а. 19 ноября 1937 г. был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 24 ноября вместе с другими востоковедами. Изъятые при аресте докторская диссертация и многие неопубликованные работы пропали. Посмертно реабилитирован.

Геворек Иосиф Станиславович в 1930-е гг. работал старшим лаборантом ВНИИ Метеорологии Главмервеса НКВД. 20 апреля 1937 г. был арестован, 25 августа того же года осужден по статье 58-7-11 и через два дня расстрелян. Посмертно реабилитирован.

Катков Николай Петрович некоторое время входил в группу «Серрапионовых братьев», впоследствии был выслан в Новосибирск, где заведовал литературной частью местного театра. Писал мало и практически не печатался. Умер в 1973 г.

Климкевич Роман Осипович при поступлении в Школу был заведующим издательством при культурно-просветительном отделе Союза железнодорожников, а в 1920-е гг. сотрудничал с газетой «Красный путь».

Климчицкий Константин Александрович, будучи морским офицером, принял участие в Гражданской войне, служил лейтенантом в Вооруженных силах Юга России, с лета 1921 г. жил в Константинополе, был членом Союза морских офицеров

Лукьянова Ксения Александровна работала в библиотеке Госконтроля в Петрограде, затем в Москве. В 1920-е гг. служила в драматическом театре в качестве актрисы и писала литературные монтажи. Во время гастролей в Уфе заразилась тифом и вернулась в Петроград, почти потеряв зрение. Впоследствии, излечившись, работала библиотекарем в различных учреждениях, преподавала иностранные языки, занималась переводами и педагогической деятельностью. Умерла в Ленинграде в 1942 г. от голода

Новиков Алексей Никандрович стал писателем, начал печататься в 1927 г. Впоследствии им были опубликованы романы о жизни М.И. Глинки («Рождение музыканта» и «Ты взойдешь, моя заря»), А.С. Пушкина («Последний год»), а также произведения, посвященные В.Г. Белинскому и Н.В. Гоголю («Впереди идущие») и роман «О душах живых и мертвых».

Свирская Юлия после окончания Школы продолжила работу скульптора.

Штакельберг Анна Федоровна, педагог по специальности, до революции занималась просветительной деятельностью, печаталась в педагогических журналах, во втором браке жена полковника русской армии Попова. После революции преподавала в школе литературу. В 1931 г. вышла на пенсию по болезни. В 1935 г., парализованная, была сослана на 5 лет из Ленинграда в Актюбинскую область, где и скончалась.

Подводя итоги работы Школы журнализма можно сделать вывод о том, что несмотря на довольно краткий период её деятельности, Школе удалось сыграть большую роль в культурной жизни Петрограда 1918 года. Публичные лекции А.И. Куприна и В.М. Дорошевича, лекции и концерты, организованные дирекцией, пользовались огромной популярностью не только в журналистском сообществе, но и у жителей города в целом. Программа и учебные планы, разработанные дирекцией для первого курса, во многом легли в основу будущего журналистского образования в нашей стране. Школа дала возможность многим профессорам и преподавателям, потерявшим в результате революционных событий работу, относительно нормально существовать и заниматься своей профессиональной деятельностью.

Именной указатель

Адрианов Сергей Александрович (1871-1942) – русский литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик. Публиковался в журналах «Исторический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», редактор газеты «Слово», «Русское слово» и др.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862-1938) – прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург, автор сатирических стихотворений, сотрудничал в журналах «Будильник», «Осколки», газете «Русские ведомости», создал газету «Россия» (запрещена в 1902 г. из-за публикации сатиры на царскую семью «Господа Обмановы»), автор около 30 романов, нескольких сотен публикаций в газетах и журналах, с 1921 г. в эмиграции.

Ашерев Николай Петрович (1866-1923) – журналист и редактор, печатавшийся под псевдонимами Ожогов, Пончъ и др. Редактировал «Самарскую газету», привлек к сотрудничеству в ней М. Горького. Редактировал «Нижегородский листок», впоследствии работал в Москве и Петербурге.

Блок Александр Александрович (1880-1921) – один из величайших русских поэтов, публицист, писатель, драматург, переводчик, литературный критик.

Боборыкин Пётр Дмитриевич (1836-1921) – русский писатель, драматург, журналист, впервые стал использовать термин «интеллигенция». Сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Северный вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль» и др.

Бороздин Александр Корнилович (1863-1918) – русский литературовед, историк литературы, мемуарист. Писал для «Исторического вестника», «Литературного вестника», Энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Бразуль-Брешковский Дмитрий Иванович (1882-1924) – журналист, участник революционного движения, эсер, был в ссылке. Редактор петербургского журнала «Жизнь и суд».

Браун Федор Александрович (1862-1942) – филолог-германист, декан и профессор Петербургского университета. Автор статей в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. С 1920 г. в эмиграции.

Бухов Аркадий Сергеевич (1899-1937) – русский советский писатель, сатирик, фельетонист. Работал в журналах «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». С 1920 г. издавал в Каунасе газету «Эхо». В 1927 г. вернулся в СССР, работал в разных жур-

налах. Печатался в «Известиях», «Крокодиле». В 1937 г. расстрелян.

Венгеров Семен Афанасьевич (1855-1920) – литературный критик, историк литературы, библиограф. Присяжный поверенный. Сотрудничал в «Неделе», «Русском мире», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Вестнике Европы» и др. журналах. Редактировал литературный отдел Энциклопедии и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона.

Венедиктов Анатолий Васильевич (1887-1959) – правовед, Академик АН СССР, профессор, декан юридического факультета ЛГУ. Один из разработчиков Гражданского Кодекса СССР.

Владимиров Леонид Евстафьевич (1845-1917) – российский криминалист, профессор уголовного права. Основатель (февраль 1905 г.) первых в России курсов для обучения журналистов. Известен как защитник, выступавший во многих громких процессах.

Волин Юрий Самойлович (1881-1942) – поэт, писатель, драматург и журналист. После революции работал в РОСТА, был первым руководителем БелРОСТА в Минске. Автор более 10 книг прозы. Погиб в блокаду.

Волковысский Николай Моисеевич (1881-1940) – российский журналист, публицист, издатель. Сотрудник «Санкт-Петербургский ведомостей», «Харьковского листка», «Новостей» «Биржевых ведомостей», «Слова», «Утра России», «Русской молвы», «Рассвета» и других изданий. Вместе с Б.И. Харитоном был учредителем «Дома Литераторов». В 1922 г. выслан из страны. С 1922 г. был сотрудником газет: «Дни» (Берлин), «Народная мысль», «Понедельник», «Сегодня» и «Сегодня вечером» (Рига), «Эхо» (Каунас), «Наше время» (Вильнюс) и других изданий.

Вольфсон Илья Владимирович (1882-1950) – издатель. До 1917 г. участвовал в издательских предприятиях В.Д. Бонч-Бруевича, И.П. Ладужникова, М. Горького. В 1922 г. организовал в Петрограде кооперативное издательство «Время». Первым издал Р. Роллана и С. Цвейга. Вместе с Я.И. Перельманом выпустили серию книг «Занимательная наука».

Волынский Аким Львович (Флексер Хаим Лейбович) (1861-1926) – литературный критик, искусствовед, балетовед, специалист по русской литературной критике, один из идеологов русского модерна. Сотрудничал в журнале «Северный вестник». В 1925 г. выпустил капитальный труд – «Книга ликований. Азбука классического танца». Был председателем правления ленинградского отделения Союза писателей (1920-

1924), председательствовал в коллегии «Всемирной литературы».

Гизетти Александр Александрович (1888-1938) – публицист, социолог, литературный критик. Член партии эсеров. Неоднократно подвергался арестам (1916, 1919, 1921, 1929 1930, 1938). Умер в тюрьме.

Гнедич Петр Петрович (1855-1925) – писатель, переводчик, драматург, театральный деятель, историк искусства. В 1900-1908 гг. управляющий труппой Александринского театра. Дебютировал в печати рассказами в журнале «Нива» в 1877 г. Автор многочисленных работ по истории искусства, мемуарист.

Гольдштейн Леонид Маркович (псевдоним Л. Каменев) (? – 1930) – журналист, редактор, один из основателей газеты «Россия» в Санкт-Петербурге, Редактор газет «Голос Москвы» и «Вечернего времени», сотрудник «Биржевых ведомостей», «Нового времени». Один из учредителей Союза журналистов. В эмиграции с 1919 г. Умер в Париже.

Дорошевич Влас Михайлович (1865-1922) – журналист, публицист, репортер, театральный критик, редактор, писатель, один из самых известных фельетонистов конца XIX – начала XX вв. Был репортером «Московского листка», «Петербургской газеты». В 1897 г. Дорошевич предпринял путешествие на Восток. Издал книгу очерков о Сахалине и о Сахалинской каторге. С 1902 г. по 1917 г. редактировал газету И.Д. Сытина «Русское слово». В этот период издание стало самым читаемым и тиражным в Российской империи.

Зелинский Фаддей Францевич (1869-1944) – российский историк культуры, филолог-классик, антиковед, поэт-переводчик. Преподавал древние языки в Петербургском университете. В 1920 г. эмигрировал.

Зейлигер Филипп Николаевич (1863-1937) – присяжный поверенный, политический защитник (защищал восставших матросов броненосца «Георгий Победоносец» в Севастополе, А.В. Луначарского, эсер, брат математика и механика Д.Н. Зейлинга. Неоднократно подвергался арестам, репрессирован.

Измайлов Александр Алексеевич (1873-1921) – русский беллетрист, литературный критик. Издаваться начал с 1895 г., печатался в «Живописном обозрении», «Сыне Отечества», «Новостях», «Севере». С 1898 г. постоянный критик-фельетонист «Биржевых ведомостей». Блестящий пародист.

Ильинский Леонид Константинович (1878-1934) – русский филолог, библиограф, педа-

гог. Автор работ о творчестве Г.Р. Державина, И.А. Крылова, А.С. Грибоедова, П.И. Мельникова-Печерского, Ф.М. Достоевского и др.

Кулишер Александр Михайлович (1880-1942) – юрист, публицист, профессор, правовед, общественный деятель. Приват-доцент. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Сотрудник «Последних новостей». Забит нацистами в концлагере в 1942 г.

Куприн Александр Иванович (1870-1938) – русский писатель, журналист, переводчик.

Левин Исаак Ильич (1887-1945?) – российский экономист, доктор политэкономии. Печатался в «Известиях Общества финансовых реформ», «Русской мысли», «Русских ведомостях», «Русской молве», «Руси». Автор статей о синдикатах, банках в России. После революции в эмиграции. Умер в США.

Маневич Семен Львович (псевдоним Алмазов) (1893 – ?) – писатель, инженер-технолог.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865-1941) – русский писатель, поэт, литературный критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель. Муж поэтессы Зинаиды Гиппиус.

Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (псевдоним **Б. Мирский**) (1892-1955) – приват-доцент Петербургского университета. В январе 1920 г. эмигрировал в Париж. Печатался в «Сполохах», «Современных записках», «Голосе минувшего на чужой стороне», «Последних новостях», «Свободных мыслях». Стал ведущим автором «Еврейской трибуны». Опубликовал значительное количество работ по международному праву на русском и французском языках.

Мочульский Константин Васильевич (1892-1948) – русский литературовед. Автор трудов о творчестве В.С. Соловьева, Ф.М., Достоевского, А.А. Блока, В.Я. Брюсова и др. В эмиграции с 1919 г. Сотрудничал в изданиях «Русская мысль», «Звено», «Современные записки».

Пильский Петр Мосевич (1876-1941) – журналист, писатель, театральный и литературный критик, ведущий сотрудник газеты «Сегодня» в Риге, организатор Школы журнализма в Петрограде в 1918 г.

Ромм Александр Георгиевич (1886-1952) – искусствовед, переводчик, художник.

Руманов Аркадий Вениаминович (**Абрам-Исаак Вениаминович**) (1878-1960) – юрист, журналист, меценат, коллекционер. Журналистскую работу начал в газете «Биржевые ведомости». С 1907 г. А.В. Руманов – заведующий петербургским отделом московской газеты «Русское слово» И.Д. Сытина. После приобретения Сытиным в 1916 г. популярного журнала «Нива»

и «Товарищества издательского и печатного дела А.Ф. Маркс», Руманов стал директором журнала и одним из трёх директоров «Товарищества». Коллекция А.В. Руманова после его эмиграции была национализирована.

Рысс Петр Яковлевич (1870-1948) – журналист, публицист, социолог, писатель. Участник революционного движения, член партии «Народная воля», затем – партии кадетов. Был сотрудником журнала «Русское богатство», газет «Речь» и «Приазовский край». В 1918 г. участвовал в киевской газете «Утро и вечер», затем в «Одесском листке». В эмиграции с 1919 г. С 1920 г. жил в Париже. Автор книги воспоминаний «Портреты».

Сологуб Федор (Тетерников Федор Кузьмич) (1863-1927) – русский поэт, писатель, драматург, публицист, один из виднейших представителей символизма.

Тан-Богораз Владимир Германович (Натан Менделевич) (1865-1936) – выдающийся этнограф, писатель, революционер, лингвист, специалист по чукчам, северовед, этнокультуролог, этнолог. В 1905 г. один из основателей «Крестьянского союза». После революции выступал как «сменовеходец». Основатель Института Народов Севера.

Шацкий Борис Евгеньевич (1889-1941) – экономист, юрист, публицист. После Февральской революции – директор русского информационного бюро при Временном Правительстве. С 1920 г. в эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России, 1901-1916. Л., 1958-1961.
2. Вечерние огни. 1922. № 22. 16 апреля.
3. Вечерний звон. 1918. № 126. 30 июня.
4. Есин Б.И. Из истории высшего журналистского образования // Вестник Московского университета. Серия: Журналистика. 1969. № 2. С. 81-83.
5. Каравашкова С.В. Подготовка журналистских кадров в первые годы советской власти // Вестник Московского университета. Серия: Журналистика. №5. С. 70-76.
6. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2004.
7. Наш век. 1918. № 1. 3 января.
8. Наш век. 1918. № 5. 9 января.
9. Наш век. 1918. № 13. 19 января.
10. Наш век. 1918. № 27. 19 февраля.
11. Наш век. 1918. № 38. 2 марта.
12. Санкт-Петербург. 1703-2003: Юбилейный статистический сборник / под ред. И.И. Елисеевой и Е.И. Грибовой. Вып. 2. СПб.: Судостроение, 2003.

13. Свитич Л.Г. Профессия: журналист. М., 2003.

14. Пильский П.М. Литературные края // Последние известия. 1923. № 41. 12 февраля.

15. Русское слово. 1908. 7 декабря.

REFERENCES

1. Belyaeva, L.N., Zinov'ev, M.K., Nikiforov, M.M., 1958-1961. Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. Leningrad. (in Russ.)

2. Vechernie ogni, no. 22, 16 April 1922. (in Russ.)

3. Vechernii zvon, no. 126, 30 June 1918. (in Russ.)

4. Esin, B.I., 1969. Iz istorii vysshego zhurnalistskogo obrazovaniya [From the history of journalism education], Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya: Zhurnalistika, no. 2, pp. 81-83. (in Russ.)

5. Karavashkova, S.V., 1967. Podgotovka zhurnalistskikh kadrov v pervyye gody sovetskoy

vlasti [Training of journalists in the first years of Soviet power], Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya: Zhurnalistika, no. 5, pp. 70-76. (in Russ.)

6. Korkonosenko, S.G., 2004. Osnovy zhurnalistiki [Basics of journalism]. Moskva: Aspekt Press. (in Russ.)

7. Nash vek, no. 1, 3 January 1918. (in Russ.)

8. Nash vek, no. 5, 9 January 1918. (in Russ.)

9. Nash vek, no. 13, 19 January 1918. (in Russ.)

10. Nash vek, no. 27, 19 February 1918. (in Russ.)

11. Nash vek, no. 38, 2 March 1918. (in Russ.)

12. Eliseeva, I.I. and Gribovaya, E.I. eds., 2003. Sankt-Peterburg. 1703-2003: Yubileynyy statisticheskiy sbornik [St. Petersburg. 1703-2003: Jubilee statistical digest]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

13. Svitich, L.G., 2003. Professiya: zhurnalist [Profession: journalist]. Moskva. (in Russ.)

14. Pilsky, P.M., 1923. Literaturnie kraia [Literary lands], Poslednie izvestiya, no. 41, 12 February. (in Russ.)

15. Russkoe slovo, 7 December 1908. (in Russ.)

Т.А. Князькина*

К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(кон. XVIII – сер. XIX вв.)

В статье предпринята попытка осветить малоизученные аспекты организации медицинской помощи населению Российской империи, проживавшему на северо-восточном побережье Тихого океана. Автор подчеркивает роль военных медиков в процессе становления медицинской помощи русскому и аборигенному населению дальневосточных окраин. Отмечается, что создание государственных учреждений (Иркутского приказа общественного призрения, Иркутской врачебной управы) способствовало тому, что гражданское население отдаленных регионов Российской империи стало обеспечиваться медицинской помощью, однако медицинское обслуживание в рассматриваемый период ещё не получило окончательного организационного оформления.

Ключевые слова: Дальний Восток, история медицины, организация медицинской помощи, Камчатка, Охотск, военный госпиталь

Towards the history of the healthcare institutions in the Far Eastern outskirts of the Russian Empire, late XVIIIth – mid-XIXth century. TATIANA A. KNIAZKINA (Far Eastern Federal University)

The article attempts to illuminate the ill-studied aspects of the history of healthcare in the Russian territories on the Northeastern coast of the Pacific Ocean. The author emphasizes the role of military doctors in the establishment of healthcare system in the region. It is noted that the establishment of public medical institutions such as Irkutsk Department of Public Charity and Irkutsk Medical Board greatly contributed to the fact that the remote populations of the Russian Empire was provided with professional medical care, however, the author concludes, the healthcare system in the period under review has not yet received a final organizational design.

Keywords: Russian Far East, history of medicine, healthcare, Kamchatka, Okhotsk, military hospital

С конца XVIII в. в России происходили преобразования в гражданской медицине, которые способствовали созданию государственной системы оказания медицинской помощи населению страны, включая её дальневосточные окраины.

Вопросам организации медицинской помощи населению в Российской империи в исследуемый период посвящен ряд трудов. Работы

И.В. Егорышевой, М.Б. Мирского, Е.В. Шерстневой, Н.Н. Блохиной, Н.П. Воскресенской, С.Г. Гончаровой, М.Б. Поддубного, Е.М. Смирновой раскрывают деятельность органов управления гражданской медицины империи, делая акцент на взаимодействии их с медицинскими учреждениями преимущественно европейской России [4; 5; 14; 15; 16].

* КНЯЗЬКИНА Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kniazkina.ta@dvfu.ru

© Князькина Т.А., 2016

Среди дальневосточных исследований по данной проблеме следует выделить монографии С.Я. Чикина, А.В. Исакова, в которых дана общая картина истории здравоохранения Дальнего Востока [2; 17]. Однако авторами уделено значительно меньше внимание досоветскому периоду развития медицинской помощи.

Исследования В.Г. Щебенькова, Е.С. Скрабневской раскрывают те или иные направления медицинской помощи населению с конца XIX в., за рамками которых остались российские северо-восточные территории [13; 18].

Научные изыскания Б.Н. Щупака посвящены процессу становления здравоохранения дальневосточных окраин империи [19; 20]. Кратко и емко описывая развитие медицинских учреждений, деятельность первых врачей, автор подчеркивает определяющую роль в этом процессе военных медиков.

Проблема организации медицинской помощи населению северо-восточного побережья Тихого океана не получила широкого освещения в исследовательских трудах, охваченный в данной работе период её становления (с конца XVIII в. до середины XIX в.) почти не рассматривался.

Дальневосточные окраины Российской империи,¹ пограничная территория страны, служили местом ссылки, военной службы, форпостом морских экспедиций, поэтому по времени возникновения старейшими среди медицинских учреждений были лечебные заведения при воинских частях, в местах размещения экспедиций. Первые медики – это лекари военных гарнизонов, флотских экипажей. На протяжении рассматриваемого периода военные медики принимали активное участие в организации и реализации медицинской помощи аборигенному и русскому населению. Ими были заложены основы академической медицинской помощи населению дальневосточных окраин.

В XVIII в. население Иркутской губернии (в состав которой входило северо-восточное побережье Тихого океана до 1849 г.) обходилось без какого-либо регулярного медицинского обслуживания. Штатные лекари имелись лишь при гарнизонах.

¹ Под данным географическим наименованием в статье подразумевается северо-восточное побережье Тихого океана, преимущественно п-ов Камчатка. С 1803 г. в Камчатскую область входил Ижигинский округ. Положение от 9 апреля 1812 г. упразднило областное правление, Ижигинский округ включило в состав Охотской области. 2 декабря 1849 г. из частей, подведомственных Приморскому Камчатскому правлению, и Гижигинского округа была образована Камчатская область.

Наиболее ранние упоминания об устройстве гражданской медицинской помощи жителям северо-восточного тихоокеанского побережья находим в «Историческом очерке главнейших событий в Камчатке» А.С. Сгибнева. В 1768 г. на Камчатке ввиду отсутствия медицинского персонала распространилась оспа. Посланный из Якутска на борьбу с заболеванием лекарь Гофман прибыл на Камчатку, когда эпидемия уже прекратилась. От оспы умерло около 6000 местных жителей и свыше 300 приезжих.

В 1772 г. был поднят вопрос о медицинском обслуживании населения Камчатки. В инструкции иркутского губернатора А.И. Бриля главному командиру на Камчатке премьер-майору Магнусу Карлу фон Бему говорилось: «В проезд Ваш через Якутск взять там подлекаря с медикаментами для пользования в Камчатке служилых и других от оспы и разных болезней. Подлекарю... предписать, чтобы он в прививании оспы поступал по силе регламента, согласно с разосланным наставлением» [12]. М.К. Бем устроил первую больницу, в которую по его ходатайству выслан лекарь Роббен – первый медик, назначенный на постоянную службу на Камчатке. Кроме этого, в 1780 г. прислан сержант Иркутского батальона, «знавший лечить от оспы». В 1799 г. был сформирован камчатский батальон, лекарь которого длительное время оставался единственным на всю Камчатку врачом.

Дальнейшее развитие медицинской помощи связано с государственными преобразованиями в сфере гражданского здравоохранения, а также с изменениями в административном управлении рассматриваемых территорий.

В рамках административной реформы Екатерины II (7 ноября 1775 г.) в стране была создана новая система помощи бедным и нуждающимся, объединившая учреждения общественного призрения и медицинской помощи. Это были специальные государственные учреждения в каждой губернии – приказы общественного призрения. Иркутский приказ общественного призрения стал первым организационным органом, ведающим гражданской медициной в губернии. Предусматривалось, что он будет действовать в интересах всех сословий населения. Приказ должен был устраивать и содержать богоугодные заведения, в том числе больницы, аптеки и пр. В больницах планировалось оказывать помощь бедным и немощным людям «всякого звания ... безденежно», прочих же больных принимать только тогда, когда «порожные места случатся и класть особо, а плату за излечение сих установить умеренную». Приказ непосредственно подчинялся губернатору, а через

него – Медицинской коллегии (с 1803 г. – Министерству внутренних дел).

В 1797 г. по инициативе главного директора Медицинской коллегии барона А.И. Васильева в России появились врачебные управы. 19 января 1797 г. Павел I утвердил доклад Медицинской коллегии «Об учреждении Медицинских Управ» (врачебных управ) для управления здравоохранением в губерниях [14, с. 7].

В 1798 г. в Иркутске была открыта врачебная управа при иркутском военном губернаторе, которая руководила медицинским обслуживанием губернии. Врачебная управа должна была стать «блостителем здравия всей губернии по воинской и гражданской части, чтобы посредством преподаваемых правил и наставлений соблюдаемо было народное всей губернии здравие» [4, с. 179]. Учреждению подчинялись все госпитали и лазареты, казенные и частные аптеки. Члены управы обязаны были наблюдать за съестными припасами, за чистотой лечебных учреждений, принимать меры против повальных болезней и др.

Примером борьбы с распространением заразных заболеваний служат факты командирования медиков в места эпидемий. Так, в 1800 г. для борьбы с венерическими заболеваниями на Камчатку был командирован лекарь Малофеев. В 1808 г. с этой же целью в Нижнекамчатск прибыл доктор Шпер с двумя фельдшерами. Изучив условия жизни местного населения и его заболеваемость, Шпер в 1809 г. обратился с донесением к министру внутренних дел, в котором писал: «При тех условиях жизни, при которых находятся камчадалы, доктор в Камчатке из всех бесполезных вещей есть самая бесполезная, особенно для венерической болезни... Большая часть жителей полуострова страдает цингую, язвами и чирьями... Там нужен не доктор, а средства к удобной жизни. Имеющихся в Камчатке двух докторов достаточно, чтобы, в случае надобности, подать пособие камчадалам» [12].

Однако не все современники Шпера разделяли его взгляды на положение медицинского дела. Камчатский врач Любарский придерживался иного мнения о массовости заболевания сифилисом. Он писал, что нет почти ни одного селения, в котором бы не обнаружили венерические больные.

На необходимость увеличить штат медиков и дополнить его функциональные обязанности указывал И.Ф. Крузенштерн: «Одного лекаря для всей Камчатки, и так не худо бы иметь во всех местах хороших подлекарей, а двух и трех в разных местах таковых лекарей... Важнейшая обязанность врача долженствовала бы состояться в том, чтобы

разъезжать по своим округам для подавания везде нужной помощи...» [3, с. 274].

Письма доктора Шпера к министру, сибирскому губернатору послужили одним из толчков к изменениям медицинского дела на Камчатке. Немало этому способствовали замечания и предложения участников кругосветной экспедиции 1803-1806 гг. И.Ф. Крузенштерна, Г.И. Лангсдорфа, Н.П. Резанова.

11 августа 1803 г. именным императорским указом была образована Камчатская область. В составе Камчатского областного управления была создана медицинская часть во главе с инспектором [8]. В обязанности чиновника входило наблюдение за медицинским обслуживанием населения области, назначение на государственные корабли Российского флота в Тихом океане медицинских служителей, борьба с эпидемиями в случае их возникновения, освидетельствование команды морских судов, как российских, так и иностранных, заходивших в Петропавловскую гавань. Он получал право налагать на суда карантин (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 1012. Л. 1). Первоначально инспектор медицинской части кочевал по Камчатке вслед за комендантом (начальником) области из Нижнекамчатска в Большерецк или Верхнекамчатск, в зависимости от того, какой пункт избирал своим местом пребывания комендант. Охватить большую часть населения медицинской помощью ему было не под силу.

Положение от 9 апреля 1812 г. вновь преобразовывало административное управление Камчатки. При начальнике Камчатки положено было два лекаря и три лекарьских ученика. С увеличением численности медиков повысились и требования к их работе. Лекарям вменялось в обязанность «соединять возможную готовность и усердие к облегчению страждущих болезнями», проводить оспопрививание среди камчадал, объезжать остроги и селения для «подавания помощи» [9]. Ввиду удаленности от центра служители медицинской части на Камчатке считались командированными, поэтому им выплачивалось двойное жалование, а с февраля 1820 г. бесплатно выделялись продукты питания (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 1012. Л. 1). С целью закрепления медиков на Камчатке положение предусматривало всем желавшим продолжить служить «с успехом и пользой тамошнего края, обращать половинное жалование» [9].

В последующие годы были основаны стационарные лечебные заведения. Толчком для устройства больниц послужило появление «горячки».

На средства, собранные экипажем военного корабля «Надежда» (командир И.Ф. Крузенштерн), в 1818 г. была построена гражданская больница в с. Малка. К этому же времени относится появление другой больницы, основанной в с. Тигиль капитаном 1 ранга начальником Петропавловского порта П.И. Рикордом. Больных принимали в лечебницу строго по медицинским показаниям. Более того, больница не только принимала тигильских жителей, но была рассчитана и на пациентов из других селений. На содержание камчатских больниц по положению Комитета Министров от 23 июля 1829 г. выделялось 10126 руб. 71 коп. ежегодно [10].

Медицинское обслуживание в больницах осуществляли лекари и подлекари. Лекарь проводил осмотр и делал назначение. Выполнял назначение подлекарь, который раздавал лекарства, делал припарки, готовил ванны, а кровь пускал только в присутствии лекаря. В XVIII – первой половине XIX вв. специализация врачей отсутствовала. Лекарь являлся одновременно терапевтом, оператором (но без права производить «важные операции»), эпидемиологом, санитарным врачом, судебно-медицинским экспертом, ветеринаром и представителем администрации.

Деятельность больниц строго регламентировалась сверху. В конце XVIII в. – первой половине XIX в. был разработан ряд уставов и положений для лечебных учреждений, подробно регламентирующий внутренний распорядок и должностные обязанности персонала [5, с. 54]. Специальными циркулярами в больницах были введены единые образцы каталогов лекарств, определена стоимость медикаментов на одного больного в сутки (не более 3 копеек серебром). Стремление к единообразию сковывало деятельность местных учреждений здравоохранения. Даже все атрибуты больничного быта – одежда больных, мебель, все имущество и медицинское оборудование лечебных учреждений – должны были изготавливаться по образцам и рисункам, направляемым в губернии министерством. Образцом мелочного регламентирования внутрибольничных порядков был указ Николая I «О расположении в больнице кроватей и закладывании окон до трети ставен» от 8 апреля 1826 г. [14, с. 6]. В 1842 г. был издан специальный «Устав учреждений общественного призрения», а в 1851 г. – «Устав лечебных учреждений гражданского ведомства», содержавший правила по хозяйственной, медицинской, фармацевтической частям управления лечебницами. В соответствии с правилами, Иркутский приказ общественного призрения без согласования с министерством не

имел права тратить средства даже на поддержание и ремонт зданий. Решение любых насущных вопросов выливалось в продолжительную бюрократическую переписку.

Несмотря на многочисленные недостатки в организации лечебного дела, прогресс медицинской науки коснулся больниц. В соответствии с требованиями министерства внутренних дел лечебницы взяли за правило отдельно содержать сифилитических больных. В Тигильскую и Малкинскую больницы власти собирали страдавших венерическими заболеваниями. Тайонам и старшинам вменялось в обязанность со всей строгостью направлять выявленных лекарями зараженных людей в лечебницы (РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–3).

Обе больницы (на 30 коек) проводили большую работу по оказанию помощи коренному населению. В 1830-е гг. по ходатайству начальника Камчатки сюда были присланы ещё 4 медика [19, с. 46]. Прибытие медицинского персонала позволило широко охватить оспопрививанием население. В течение 1840-1842 гг. была привита основная масса камчатских детей. Однако жителям отдаленных от лечебниц населенных пунктов, а также кочевым народам медицинская помощь была малодоступна.

В 1840-х гг. в больницах на лечении находилось небольшое число жителей. По свидетельству епископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия в Тигильской лечебнице пациентов было 3, а участь Малкинской была незавидной, ею «мало кто пользуется» [6]. Более того, рассчитанные на жителей из разных селений, медпункты содержали только жителей Тигиля, Малок. Больницы со временем приходили в запустение и разрушались, «не говоря о том, что подобные лечебницы тесны и неудобны, они лишены притом всех необходимых больничных вещей: нет ни кроватей, с постельными принадлежностями, ни белья, ни посуды» [18, с. 181].

С закрытием гражданских больниц (1851 г.) на медиков Петропавловского морского госпиталя (открыт с 1817 г.) было возложено попечение о гражданском населении, в том числе и о больных проказой.

В 1841 г. было положено начало изоляции больных проказой, когда медицинская комиссия в составе военно-медицинских врачей – старшего лекаря Галонена и штаб-капитана Полонского, а также врачей – лекаря Иноземцева и Гармсона, Гезеля, Алексеева – на основании обследованных больных донесла начальнику Камчатки о заразной болезни. Больных немедленно перевезли в Паратунское селение, обеспечили продоволь-

ствием. Им был запрещен выезд в Петропавловск. Тогда же на Дальних озерах было основано первое в азиатской части России «карантинное заведение», где больные проказой были изолированы и пользовались врачебной помощью (РГИА ДВ. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 10. Л. 61). Отметим, что в центральной России лепрозории появились позже (Крутые ручьи – 1894 г., Астрахань – 1896 г.), когда Г.Н. Минхом впервые была научно доказана заразительность проказы.

2 декабря 1849 г. указом об образовании Камчатской области управление «по всем вообще частям» вверялось военному губернатору [7, с. 235]. Положением об управлении Камчатской областью от 10 января 1851 г. еще раз подтверждалось, что надзор «за правильным и успешным действием всех управлений в области, исключая духовное, и доставление им потребных разрешений», осуществляется губернатором [11].

В 1849 г. с переносом главного Тихоокеанского Российского порта из Охотска в Петропавловскую гавань, инспектор медицинской части становится главным врачом Петропавловского госпиталя. С этого времени инспектор медицинской части обосновался в Петропавловске. Энергичный, рассудительный Антон Ленчевский стал первым медицинским инспектором Дальнего Востока.

В Петропавловске, Гижиге, Анадыре были введены должности врачей (по одному), а также должность старшей повивальной бабки. Помимо прямого подчинения военному губернатору, в лице которого объединялось и гражданское и военное управление, медицинские чиновники косвенно подчинялись и медицинскому департаменту министерства внутренних дел, утверждавшему назначение их и разбиравшему и «военносудные дела о преступлениях и проступках медицинских чиновников, касающихся медицины как науки» [19, с. 46]. Для привлечения на Камчатку медиков им были предоставлены льготы. Так, военно-медицинским чинам при направлении их на Камчатку выдавалось денежное пособие, а по прибытии к месту службы обеспечивалось льготное содержание, особые права и преимущества.

Руководство медицинской помощью населению во вновь созданной области было возложено на военных врачей. Военные медики оказывали лечебную помощь населению в Петропавловском морском госпитале, который после закрытия Малкинской и Тигильской больниц являлся единственным на всю Камчатку стационарным медицинским учреждением, в котором лечились гражданские жители. При наличии свободных мест госпиталь бесплатно принимал для лечения

гражданское население. Так, в 1853 г. здесь лечилось 36 крестьян, 26 служащих и членов их семей, 12 жителей Камчатки и 6 американских моряков. Военные врачи командировались медицинским инспектором в села для оказания медицинской помощи жителям, а также для оспопрививания [20, с. 43]. Например, в 1852 г. для привития оспы на западный берег Камчатки были командированы старший фельдшер Петропавловского госпиталя Петр Иванов и младший лекарский ученик Белоногов (РГИА ДВ. Ф. 1010. Оп. 2. Д.4. Л. 2).

С середины XIX в. происходят существенные изменения в организации медицинской помощи населению дальневосточных окраин. Указом Сената от 31 октября 1856 г. образована Приморская область. Должность инспектора медицинской части Камчатской области, в связи с ликвидацией самой области, была упразднена. В состав Приморской области вошло северо-восточное побережье Тихого океана. Главным портом России на Тихом океане стал Николаевск-на-Амуре. Туда перенесен портовый госпиталь, а его главный врач получил звание Исполняющего должность медицинского инспектора Сибирской флотилии и портов Восточного океана (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.3. Д. 1012. Л. 1).

Во второй половине XIX в. медицинская помощь на северо-восточном побережье Тихого океана почти отсутствовала: стационарных лечебных учреждений не было, новые больницы не строились. Со временем разрушился и лепрозорий. «Теперь это так необходимое и полезное учреждение остается необитаемым, без употребления и представляется почти в виде развалин», – отмечал современник [1, с. 444]. Положительные начинания в деле оказания медицинской помощи гражданскому населению не получили должного продолжения.

Таким образом, с конца XVIII в. до середины XIX в. были заложены основы государственной системы оказания медицинской помощи населению дальневосточных окраин. Организация медицинской помощи населению во многом была обязана военной медицине, представители которой были первыми врачами, медицинскими администраторами. Медики проводили среди населения не только лечебную, но и профилактическую работу: оспопрививание, изоляция прокаженных, выявление носителей заразных заболеваний. Создание государственных учреждений – Иркутского приказа общественного призрения, Иркутской врачебной управы способствовало тому, что даже население отдаленных регионов Российской империи стало обеспечиваться медицинской помощью, появились медицинские учреждения и медицинский персонал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дитмар К. Поездки и пребывания в Камчатке в 1851-1855 гг. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2009.

2. Исаков А.В. Развитие здравоохранения Дальнего Востока. Благовещенск: Благовещ. гос. мед. ин-т., 1976.

3. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804 и 1805 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1976.

4. Мирский М.Б. Медицина России X-XX веков: очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005.

5. Мирский М.Б., Егорышева И.В., Шерстнева Е.В., Блохина Н.Н., Воскресенская Н.П., Гончарова С.Г., Поддубный М.Б. Приказная медицина – важный этап в истории отечественного здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2005. № 5. С. 53-56.

6. Нестор (Анисимов), митр. Моя Камчатка: Записки православного миссионера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/fiction/моуа-камчатка-zapiski-pravoslavnogo-missionera/>

7. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях 1740 – 1990 / под ред. Е.В. Гропянова. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, Камч. отделение, 1994.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 27. 1803 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 32. 1812 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 4. 1829 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 26. 1851 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

12. Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших исторических событий в Камчатке с 1650-1856 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kamlib.ru/files/hyst002/hyst2-1.pdf>

13. Скрабневская Е.С. Некоторые аспекты формирования системы здравоохранения в дальневосточных городах России в конце XIX – начале XX вв. // VI Гродековские чтения. Международная научно-практическая конференция 20-21 апреля 2009 / Под ред. Т.В. Мельниковой. Том 1.

Хабаровск: Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова, 2009. С. 206-211.

14. Смирнова Е.М. «Медицинские чины» в Российской провинции (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 6-19.

15. Смирнова Е.М. Врачебная управа в истории здравоохранения России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и политики. 2012. № 10. Ч. 2. С. 194-198.

16. Смирнова Е.М. Приказы общественного призрения и здравоохранение в России (конец XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 30. С. 6-17.

17. Чикин С.Я. Здравоохранение в Сибири и на Дальнем Востоке. М.: Медицина, 1979.

18. Щебеньков В.Г. Из истории медицины и санитарии на русском Дальнем Востоке // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1973. С. 180-185.

19. Щупак Б.Н. К истории здравоохранения на Камчатке // Советское здравоохранение. 1958. № 6. С. 44-50.

20. Щупак Б.Н. Медицинская обстановка героической обороны Петропавловска на Камчатке во время войны 1853-1856 гг.: дисс. ... канд. мед. наук. Винница, 1963.

REFERENCES

1. Ditmar, K., 2009. Pоеzdki i prebyvaniya v Kamchatke v 1851-1855 gg. [Traveling and staying in Kamchatka in 1851-1855]. Petropavlovsk-Kamachatskii: Novaya kniga. (in Russ.)

2. Isakov, A.V., 1976. Razvitie zdravookhraneniya Dal'nego Vostoka [The development of health care in the Russian Far East]. Blagoveshchensk: Blagoveshch. gos. med. in-t. (in Russ.)

3. Kruzenshtern, I.F., 1976. Puteshestvie vokrug sveta v 1803, 1804 i 1805 godakh na korablyakh «Nadezhde» i «Neve» [A trip around the world in 1803, 1804 and 1805 on the ships “Nadezhda” and “Neva”]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

4. Mirsky, M.B., 2005. Meditsina Rossii X-XX vekov: Oчерki istorii [Medicine in Russia in X-XX centuries: brief history]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

5. Mirsky, M.B., Egorysheva, I.V., Sherstneva, E.V. et al., 2005. Prikaznaya meditsina – vazhnyy etap v istorii otechestvennogo zdravookhraneniya [Medical departments as an important stage in the history of national health care], Problemy social'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny, no. 5, pp. 53-56. (in Russ.)

6. Nestor (Anisimov), metropolitan. Moya Kamchatka. Zapiski pravoslavnogo missionera [My Kamchatka. Notes of an Orthodox missionary]. URL: <http://azbyka.ru/fiction/moya-kamchatka-zapiski-pravoslavnogo-missionera/> (in Russ.)
7. Gropyanova, E.V. ed., 1994. Petropavlovsk-Kamchatskii. Istoriya goroda v dokumentakh i vospominaniyakh, 1740-1990 [Petropavlovsk-Kamchatsky. The city's history in documents and memories, 1740-1990]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Dal'nevost. kn. izd-vo, Kamch. otделение. (in Russ.)
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobranie 1, T. 27, 1803 [Complete collection of Russian Empire laws. Vol. 27]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobranie 1, T. 32, 1812 [Complete collection of Russian Empire laws. Vol. 32]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobranie 2, T. 4. 1829. [Complete collection of Russian Empire laws. Vol. 4]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, sobranie 2, T. 26, 1851 [Complete collection of Russian Empire laws. Vol. 26]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (in Russ.)
12. Sgibnev, A.S. Istoricheskii ocherk glavneishikh istoricheskikh sobytii v Kamchatke s 1650-1856 gg. [Historical sketch of the most important historical events in Kamchatka in 1650-1856]. URL: <http://kamlib.ru/files/hyst002/hyst2-1.pdf> (in Russ.)
13. Skrabnevskaya, E.S., 2009. Nekotorye aspekty formirovaniya sistemy zdavookhraneniya v dal'nevostochnykh gorodakh Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [Some aspects of the formation of the healthcare system in the cities of the Russian Far East in the late XIXth – early XXth century]. In: Mel'nikova, T.V. ed., 2009. VI Grodekovskie chteniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 20-21 aprelya 2009. Tom 1. Habarovsk: Habarovskii kraevoi muzei imeni N.I. Grodekova, pp. 206-211. (in Russ.)
14. Smirnova, E.M., 2011. «Meditzinskie chiny» v Rossiiskoi provintsii (XVIII – seredina XIX vv.) [“Medical officials” in the Russian provinces, XVIII – mid-XIX century], Novy istoricheskii vestnik, no. 28, pp. 6-19. (in Russ.)
15. Smirnova, E.M., 2012. Vrachebnaya uprava v istorii zdavookhraneniya Rossii [Medical board in the history of Russian healthcare], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i politiki, no. 10, Ch. 2, pp. 194-198. (in Russ.)
16. Smirnova, E.M., 2011. Prikazy obshchestvennogo prizreniya i zdavookhraneniya v Rossii (konets XVIII – seredina XIX vv.) [Departments of public charity and healthcare system in Russia (the end of XVIIIth – mid-XIXth century)], Novy istoricheskii vestnik, no. 30, pp. 6-17. (in Russ.)
17. Chikin, S.Ya., 1979. Zdavookhraneniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Healthcare in Siberia and the Russian Far East]. Moskva: Meditsina. (in Russ.)
18. Shcheben'kov, V.G., 1973. Iz istorii meditsiny i sanitarii na russkom Dal'nem Vostoke [From the history of medicine and sanitation in the Russian Far East]. In: Materialy po istorii Dal'nego Vostoka. Vladivostok: DVNC AN SSSR. (in Russ.)
19. Shchupak, B.N., 1958. K istorii zdavookhraneniya na Kamchatke [Towards the history of healthcare in Kamchatka], Sovetskoe zdavookhraneniya, no. 6, pp 44-50. (in Russ.)
20. Shchupak, B.N., 1963. Meditsinskaya obstanovka geroicheskoi oborony Petropavlovsk na Kamchatke vo vremya voiny 1853-1856 [Medical situation during the defense of Petropavlovsk-on-Kamchatka in the war of 1853-1856], dissertatsiya kandidata meditsinskikh nauk. Vinnitsa. (in Russ.)

С.Н. Бакшутов*

МИЛИЦЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются этапы становления милицейского образования на Дальнем Востоке России, анализируются его условия, особенности и закономерности. Автор обращает внимание на проблему эффективности организационно-правового регулирования кадровой системы, а также обобщает основные формы и методы организации профессионального образования.

Ключевые слова: Дальний Восток, милиция, ликвидация неграмотности, самообразование, система профессиональной подготовки

Police education in the Russian Far East: organizational and legal framework.
Sergey N. Bakshutov (Far Eastern Federal University)

The article studies the stages of formation of police education in the Russian Far East, analyzing its conditions, features and laws. The author pays attention to the problem of the efficiency of legal regulation of the personnel system and summarizes the basic forms and methods of professional training organization.

Keywords: Russian Far East, police, elimination of illiteracy, self-education, system of professional training

Вопросы подготовки кадров для органов внутренних дел в настоящее время приобрели исключительно важное значение. Это обусловлено прежде всего тем, что Российское государство претерпевает серьезные идеологические, политические, экономические и иные трансформации, возрастает потребность в совершенствовании организационно-правового регулирования деятельности всех государственных органов, не исключая и правоохранительные.

Одной из важнейших задач реформирования российского общества на современном этапе является укрепление органов полиции, повышение их роли в осуществлении государственной власти, обеспечении общественного порядка и безопасности в регионах. В данной связи особую ценность приобретает анализ исторической практики государственных и милицейских органов в подготовке профессиональных кадров. Для успешного осуществления современного реформирования

необходимо учитывать опыт организационно-правового регулирования профессионального образования МВД на различных исторических этапах развития страны и, в том числе, на Дальнем Востоке.

История зарождения, становления и развития системы милицейского образования на Дальнем Востоке охватывает период с 1920 г. по 2011 г. В начале 1920-х гг., в период нарастания социально-политической напряженности и экономических противоречий в стране, преступность приобрела значительный размах. На этом фоне обозначился разрыв между уровнем подготовки кадров милиции и профессионализмом преступного мира, наиболее остро стала ощущаться нехватка квалифицированных специалистов. В марте 2011 г. осуществилось переименование органов милиции в органы полиции, начался процесс структурной перестройки как органов полиции, так и системы подготовки кадров для системы МВД.

* БАКШУТОВ Сергей Николаевич, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: nhistorik@mail.ru

© Бакшутов С.Н., 2016

В процессе формирования системы милицейского образования на Дальнем Востоке следует выделить ряд периодов. Основы системы подготовки кадров были заложены на Дальнем Востоке еще в условиях существования ДВР. С образованием ДВР, а затем объединением под ее флагом всех областей Дальнего Востока и созданием централизованного аппарата власти задача подготовки милицейских кадров решалась в двух направлениях: во-первых, путем распространения знаний и опыта через инструктирование, во-вторых, через организацию специального курсового и школьного обучения.

Инструктирование проводилось Главным управлением милиции ДВР, а с сентября 1921 г. (в связи с преобразованием) – Главными правительственными и областными инспекторами. Только в 1921 г. Главным управлением милиции было подготовлено и разослано в областные, городские и уездные учреждения милиции республики 38 инструкций по различным направлениям ее деятельности: «Об обязанностях милиционера и волостного надзирателя», «О порядке несения постовой службы в городах», «Обязанности начальника участка», «Правила организации уголовно-розыскных отделений и методы сыска» и другие [6, с. 184]. Кроме инструкций по специальной подготовке, по приказу Главного правительственного инспектора милиции «в целях улучшения знания милицейской службы, поднятия дисциплины среди членов милиции ДВР и придания им соответствующей выправки», проводились ежедневные строевые занятия. На местах организовывались занятия и инструктаж силами руководства областных, городских и других аппаратов милиции.

Наряду с инструктированием, как одним из наиболее широких способов подготовки работников, для практической деятельности в дальневосточной милиции стало вводиться специальное стационарное обучение. Первым документом, подробно излагавшим структуру и организацию командных курсов милиции, стало утвержденное в апреле 1921 г. НКВД РСФСР «Положение о курсах командного состава милиции». В соответствии с Положением, в Верхнеудинске, Благовещенске и Чите на базе учебно-милицейских команд создаются милицейско-инструкторские курсы. Всем сотрудникам милиции, командированным для прохождения курсов, сохранялось жалование по месту службы.

Для подготовки командного состава милиции (не только наружной службы, но и уголовного розыска) в городе Чите были образованы Центрально-милицейские инструкторские курсы профес-

сиональной подготовки милицейских кадров для Дальневосточной республики. 6 августа 1921 г. приказом начальника Главного управления народной милиции ДВР Н.И. Колесниченко они были реорганизованы в центральную милицейскую инструкторскую школу ДВР со сроком обучения 6 месяцев [6, с. 185].

Местонахождение школы в течение 1920-х гг. неоднократно менялось. В декабре 1924 г. ее переместили в г. Хабаровск. В 1926 г. в целях экономии средств прекратилось государственное финансирование школы. Ее сотрудникам был предложен перевод во Владивосток для пополнения имевшейся там школы младшего командного состава милиции. 26 июня 1927 г. вышло постановление Малого совнаркома РСФСР, согласно которому школа переходила на госбюджетное финансирование и была восстановлена в г. Хабаровске.

Несмотря на то, что школе приходилось доказывать свое право на жизнь, переезжать с места на место, менять названия и программы, целеустремленность и энтузиазм людей, стоявших у ее истоков, помогли выжить профессиональному юридическому образованию на Дальнем Востоке России. В этом – значительная заслуга руководящего состава школы – Абрама Иосифовича Абрамова, Александра Васильевича Нахлупина, Николая Васильевича Глвацкого, Петра Григорьевича Пиотровского, Василия Ивановича Химионова (Музей Дальневосточного юридического института МВД Российской Федерации, далее – Музей ДВЮИ МВД РФ. Документальный фонд).

Творческое отношение к делу, опыт и мастерство педагогов-новаторов позволяли готовить хорошие кадры. В 1920-е гг. через курсовую и школьную подготовку Центральной милицейской инструкторской школы Дальнего Востока прошло около одной трети всего состава республиканской милиции и почти половина оперативно-начальствующего состава.

Памятный день в истории школы тех лет – 10 апреля 1925 г., когда приказом наркома внутренних дел РСФСР она была награждена Почетным Красным Знаменем. Так были отмечены ее заслуги в подготовке профессионалов милиции.

В целом в 1920-х гг. была создана основа подготовки кадров милиции и уголовного розыска на Дальнем Востоке России, которая в последующий период развития страны продолжила дальнейшее развитие.

В 1930-е гг. определяющее влияние на организацию милицейского образования оказывает НКВД СССР, усиливается централизация в руководстве школами и курсами милиции, что отра-

жает общую тенденцию повышения роли высших государственных органов в управлении политическими, экономическими и культурными процессами в стране [2, с. 34]. Согласно нормативным документам, ответственность за профессиональную и образовательную аттестацию личного состава несли непосредственно начальники соответствующих отделов милиции, школ и курсов [1, ст. 392].

С 1930 г. начинается один из самых трагических периодов в жизни школы, которая вновь меняет свою дислокацию. В связи с необходимостью освобождения помещений для военных нужд, школа со всем имуществом и курсантами первоначально из Хабаровска перебазировалась во Владивосток, где размещается в казармах Владивостокской военной крепости, непригодных для занятий.

В 1930 г. школа переводится в г. Благовещенск, в просторном трехэтажном здании размещаются учебные кабинеты, криминалистический музей, общежитие. Вновь повысился ее статус: в октябре 1930 г. НКВД СССР принял решение об образовании при школе отделения по программе обучения высшей школы и переименовал ее в 8-ю школу административно-милицийских работников НКВД СССР. Срок обучения устанавливался в два года. Курсант, успешно освоивший программу средней школы, мог продолжить обучение по программе высшей. Одновременно наряду с подготовкой среднего начальствующего состава школа должна была вести и переподготовку старшего, поэтому численность личного состава увеличилась вчетверо.

Трагические события 1930-х гг., борьба за власть в стране, отразилась негативным образом на деятельности школы. Жертвами сталинских репрессий стали А.И. Ушаков (начальник школы в 1930-1935 гг.), первый начальник школы А.И. Абрамов, заместитель начальника школы П.Г. Пиотровский, комиссар Д.И. Лагутин и др. (Музей ДВЮИ МВД РФ. Документальный фонд). Волна «кадровых чисток» практически не оставила никого из прежних преподавателей. Все это не могло не повлиять на учебный процесс. Школа лишилась права подготовки специалистов по программе высшего учебного заведения и в 1938 г. перешла на курсовую систему переподготовки начсостава милиции. В то же время она стала методическим и организационным центром повышения квалификации и военной подготовки милицийских кадров Дальнего Востока.

Коренным образом изменились основы милицийского образования в военный период. 20 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета ССР наркоматы государственной безопасности и внутренних дел были объединены в одно ведомство, что дало возможность скоординировать их

деятельность, сконцентрировать усилия на борьбе с преступностью [4, с. 304]. На сотрудников милиции, помимо прежних задач, был возложен ряд новых: борьба с дезертирством, мародерством, паникерами и др. Возрос уровень требований и к подготовке кадров для милиции: уже на четвертый день войны, 26 июня 1941 г. НКВД СССР издал приказ о перестройке всех подведомственных учебных заведений на военный лад [5, с. 240].

В полтора раза был увеличен набор на курсы подготовки младшего и среднего состава милиции в г. Благовещенске. Увеличились также объем военных дисциплин и продолжительность занятий – до 12 часов в день [3, с. 37].

В послевоенный период 29 июля 1946 г. МВД СССР воссоздает в Хабаровске учебное заведение в виде курсов подготовки оперативного состава милиции. Обучение различных категорий оперативного состава милиции для всего Дальнего Востока и Восточной Сибири велось по ускоренной программе (со сроками обучения три, шесть и девять месяцев). Под руководством Якова Ильича Наумочкина курсы в мае 1950 г. были реорганизованы в школу подготовки начсостава милиции МГБ СССР с двухлетним сроком обучения. В трудные послевоенные годы учебное заведение сумело не только сохраниться, но и заложить основу для будущего развития. 15 июля 1952 г. вышло постановление Совета Министров СССР о реорганизации Хабаровской школы начсостава МГБ СССР в среднюю школу милиции МВД СССР с двухгодичным сроком обучения [7].

Потребность органов внутренних дел в специалистах высшей квалификации на Дальнем Востоке вызвало необходимость подготовки кадров с высшим образованием. 25 июня 1979 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об организации Хабаровской высшей школы МВД СССР». Приказом МВД СССР от 10 января 1980 г. на базе специальной средней школы милиции МВД СССР была создана Хабаровская школа МВД СССР (Музей ДВЮИ МВД РФ. Документальный фонд).

Новому вузу предстояло готовить юристов высшей квалификации для подразделений уголовного розыска и предварительного следствия со сроком обучения четыре года. 1 сентября 1980 г. учебное заведение приняло первых учащихся – 311 слушателей. Занятия начались организованно, но одновременно шла работа по созданию педагогического, научного потенциала вуза. Основой преподавательского состава стали специалисты из средней специальной школы, но среди них не было ни одного кандидата наук. Большую по-

мощь школе оказали институты Хабаровска и ведомственные вузы МВД СССР. практические органы милиции, откуда пришла опытные педагоги и лекторы. Многие из них со временем стали гордостью вуза – А.П. Лончаков, В.И. Григорьев, А.Ф. Пехтерев, А.Е. Сопунов, М.И. Никулин и др. Хабаровская высшая школа МВД СССР за короткое время стала крупным и единственным центром милицейского образования на Дальнем Востоке России. В сентябре 1982 г. на базе отделения заочного обучения Омской высшей школы милиции МВД СССР был создан факультет заочного обучения, вошедший в структуру вуза. Тогда в его состав вошли Иркутское отделение заочного обучения с УКП в Якутске, а также учебно-консультационные пункты во Владивостоке и в Южно-Сахалинске (Текущий архив Дальневосточного юридического института МВД Российской Федерации. Историческая справка по основной деятельности за 1982 г., л. 18).

С 1986 г. по 1999 г. институт возглавлял генерал-майор милиции доктор юридических наук, профессор Валерий Геннадьевич Кутушев. Министерство внутренних дел в этот период приступило к комплексной перестройки системы подготовки кадров. Качественно менялся учебный процесс, осваивались новые активные формы обучения и технические средства обучения, была организована пятимесячная стажировка выпускников.

В 1990 г. учебное заведение перешло в подчинение МВД РСФСР и стало именоваться Хабаровской высшей школой МВД РСФСР. Успешно пройдя государственную аттестацию (в соответствии с Законом РФ «Об образовании» и федеральным законом «О высшем и послевузовском образовании») Хабаровская школа МВД России была в 1998 г. преобразована в Дальневосточный юридический институт МВД России [3, с. 45].

В настоящее время Дальневосточный юридический институт МВД России готовит специалистов для органов внутренних дел по специальностям «юриспруденция», «национальная безопасность» и «правоохранительная деятельность». Организация учебного процесса осуществляется с применением инновационных форм и методов обучения, перспективных педагогических и информационных технологий; внедрением передового опыта деятельности органов внутренних дел; рациональным сочетанием традиционных методов передачи и закрепления учебной информации с новейшими достижениями педагогики.

Значительное место в учебном процессе уделяется укреплению связи теоретического обучения с практикой. Развитию практических умений

способствует организация практики и стажировок в органах и подразделениях внутренних дел в соответствии со специализацией. За курсантами и слушателями, с учетом рекомендаций руководства института, закрепляются наставники, которые на практике обучают учащихся проведению оперативно-розыскных мероприятий, личному сыску, навыкам расследования уголовных дел, составлению служебных документов.

Важнейшим направлением работы института является научно-исследовательская деятельность, осуществляемая в тесном контакте с другими вузами и научными учреждениями системы МВД России, а также Министерством обороны России, Министерством юстиции России и Министерством образования и науки Российской Федерации, Управлениями внутренних дел дальневосточного региона.

Проводимые в филиале научные исследования и издаваемые по их результатам монографии, учебные пособия, сборники научных трудов и другая печатная продукция получили признание в практических органах внутренних дел, в учебных заведениях города и страны и используются в учебном процессе. Ряд научно-исследовательских работ преподавателей ДВЮИ МВД России рекомендован Министерством образования Российской Федерации и Дальневосточным региональным учебно-методическим центром для внедрения в учебный процесс.

Большое внимание в филиале уделяется прикладным исследованиям, направленным на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел и совершенствование образовательного процесса учебных заведений МВД России, 79,5% научной продукции выполняется для органов внутренних дел Дальнего Востока (Текущий архив ДВЮИ МВД РФ. Отчет по научной работе за 2011 г., л. 8). Профессорско-преподавательский состав активно взаимодействует с органами власти по проблемам законодательства, принимает участие в рецензировании и разработке законопроектов дальневосточного региона и Российской Федерации.

В институте ежегодно проводятся научно-практические конференции постоянного и переменного состава, межвузовские и общероссийские конференции с приглашением практических работников дальневосточных органов внутренних дел. По материалам конференций издаются сборники научных статей. Преподаватели и курсанты участвуют в международных, всероссийских, региональных конференциях, проводимых вузами системы МВД России и Министерства обра-

зования науки Российской Федерации. Широкое привлечение курсантов, слушателей и студентов к научно-исследовательской работе позволяет использовать их творческий и научный потенциал для решения актуальных задач, стоящих перед правоохранительными органами.

Значительное внимание уделяется общественной, культурной и спортивной жизни, направленной на совершенствование нравственно-эстетического воспитания личного состава, повышение авторитета и престижа работы в органах внутренних дел.

С начала 1920-х и до 2011 г. подготовлено свыше 35 тысяч специалистов. Многие из выпускников института поднялись на высокие ступени служебной лестницы. Среди них – 15 генералов, более 180 полковников, руководители крупнейших подразделений УВД дальневосточного региона, МВД Российской Федерации. За мужество и героизм, проявленные при выполнении служебного долга, многие выпускники вуза отмечены высокими государственными наградами. Выпускнику Владивостокского филиала В.И. Марченко присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Сотни выпускников награждены орденами Красной Звезды и Мужества, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими (Текущий архив ДВЮИ МВД РФ. Отчет по воспитательной работе за 2011 г., л. 15).

Таким образом, милицейское образование на Дальнем Востоке прошло сложный путь становления и развития. Оно накопило богатейший опыт профессиональной подготовки и профессионального образования для органов внутренних дел. Его история является неотъемлемой частью истории советской и российской милиции. В своем развитии оно прошло несколько этапов, не всегда равных по длительности, но емких по событиям, определяющим специфику каждого из них.

Профессиональное образование МВД России и, прежде всего, высшее играет исключительно важную и всевозрастающую роль в современных условиях. Интеллектуальный потенциал нации, который, в первую очередь, создается системой образования, становится определяющим фак-

тором прогрессивного развития страны. Задача эффективной борьбы с преступностью остается актуальной и в настоящее время, и ее решение требует не только мужества, но и высочайшего профессионализма, научного подхода, больших знаний и умений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень НКВД. 1930. № 20.
2. Кожевина М.А. История милицейского образования в Советской России: организация и правовое регулирование (1917-1991 гг.). Омск, 2004.
3. Кутушев В.Г. Дальневосточный юридический институт МВД России: история и современность. Хабаровск, 1998.
4. Милиция России: документы и материалы (1917-1999 гг.). Саратов, 2000. Т. 1.
5. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.
6. Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922–1930 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002.

REFERENCES

1. Byulleten' NKVD, no. 20, 1930. (in Russ.)
2. Kozhevina, M.A., 2004. Istoriya militseiskogo obrazovaniya v Sovetskoj Rossii: organizatsiya i pravovoe regulirovanie (1917-1991) [History of police education in Soviet Russia: organization and legal framework (1917-1991)]. Omsk. (in Russ.)
3. Kutushev, V.G., 1998. Dal'nevostochnyi yuridicheskii institut MVD Rossii: istoriya i sovremennost' [Far Eastern Law Institute of Russian Ministry of Internal Affairs: history and modern times]. Khabarovsk. (in Russ.)
4. Militsiya Rossii: dokumenty i materialy (1917-1999) [Russian police: documents and materials (1917-1999)]. Vol. 1. Saratov, 2000. (in Russ.)
5. Organy i voiska MVD Rossii. Kratkii istoricheskii ocherk. [Divisions and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A brief history]. Moskva, 1996. (in Russ.)
6. Shabelnikova, N.A., 2002. Militsiya v bor'be v prestupnost'yu na Dal'nem Vostoke Rossii (1922–1930) [Police against crime in the Russian Far East (1922–1930)]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

РАЗВИТИЕ КООПЕРАТИВОВ И ИХ РОЛЬ В БОРЬБЕ С ТОВАРНЫМ ДЕФИЦИТОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье дан анализ деятельности кооперативов на Дальнем Востоке в годы перестройки. В условиях существовавшего товарного дефицита кооперативы должны были содействовать его ликвидации, однако их появление и развитие не устранило нехватку товаров и услуг. Кооператоры воспользовались предоставленной экономической свободой для личного обогащения, получения прибыли любой ценой, включая скупку товаров народного потребления в розничной сети для их последующей перепродажи. Тем самым они фактически усугубили дефицит и способствовали введению карточек на ряд товаров.

Ключевые слова: потребление, дефицит, перестройка, Дальний Восток, кооператив, денежное обращение

Development of cooperatives and their role in the fight against shortages in the Russian Far East during perestroika. SERGEY A. VLASOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article analyzes the activities of cooperatives in the Russian Far East during the period of perestroika. In the context of shortages, cooperatives were designed to contribute to their elimination, however the emergence and development of cooperatives did not neutralized the shortage of goods and services. Cooperators have taken advantage of economic freedom for personal enrichment and profit earning at any cost, including buyup of consumer goods in the retail shops for their subsequent resale. Thus, they actually worsened the shortage of goods and contributed to the introduction of rationing system for a number of goods.

Keywords: consumption, shortage, perestroika, Russian Far East, cooperative, money circulation

На протяжении семидесяти с лишним лет Советской власти потребление продуктов, товаров и услуг являлось одной из самых проблемных сфер советской социально-экономической системы. В довоенный период и первые послевоенные годы низкому уровню потребления были обоснованные оправдания – страна проводила индустриализацию, сначала готовилась к войне, а затем восстанавливалась после её последствий.

Однако в дальнейшем (в 1960–1980-е гг.) дефицит потребительских благ стал неприемлемым. СССР наряду с США являлся мировой супердержавой, у нашей страны были бесспорные, признанные мировым сообществом, достижения в освоении космоса, науке, спорте, искусстве. Но при всем этом по уровню жизни СССР уступал практически всем европейским странам за исключением Албании, многим азиатским стра-

* ВЛАСОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

E-mail: vlasov54@bk.ru

© Власов С.А., 2016

нам и странам Латинской Америки. Не случайно СССР времен Л.И. Брежнева был удостоен уничижительного определения «Верхняя Вольта только с ракетами».

Неразвитость потребительской сферы, нехватка промышленных и продовольственных товаров, низкие стандарты потребления и неприязнательность людей – все это было обусловлено целым рядом факторов. Одним из главных был структурный перекоп в экономике, когда первостепенное внимание уделялось производству средств производства, развитию промышленности группы «А» в ущерб потребительскому сектору. Эта тенденция была заложена изначально в стратегию советской экономической системы еще при И.В. Сталине в довоенные годы и продолжена в послевоенные.

Ситуация стала меняться с середины 1950-х гг., когда новое руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым приняло ряд мер по подъему материального благосостояния населения: улучшению продовольственного снабжения, производству товаров народного потребления (ТНП), развитию сферы обслуживания и т.д. Однако в последующее время, в годы так называемого «застоя», темпы преобразований в социальной сфере снизились, а «социалка» так и не стала приоритетным направлением в экономической политике государства.

В результате к 1970-м гг. сложилась потребительская система, одним из неотъемлемых свойств которой являлся дефицит на некоторые виды товаров. Он существовал не только по причине недопроизводства. Несмотря на наличие товаров, они не раскупались, не пользовались спросом из-за их низкого качества. Люди попросту игнорировали некрасивые и немодные вещи. Централизованное планирование оказалось не в состоянии учесть ни огромного числа товарных позиций, ни постоянно изменяющихся потребностей людей, которые были подвержены влияниям моды. Несмотря на мощную антибуржуазную и коммунистическую пропаганду, советской системе воспитания так и не удалось добиться равнодушия населения к причудам моды, к стремлению одеваться в соответствии с ее веяниями, приходившими, как правило, с Запада. Советская экономика не смогла обеспечить потребителей востребованными ТНП. Отсюда складывался парадокс – дефицит красивых и модных вещей при затоваривании продукцией отечественного производства [3, с. 12-13].

Вплоть до середины 1980-х гг. советское руководство фактически игнорировало объективно назревшую необходимость кардинальной транс-

формации этого сектора народного хозяйства. Существующая диспропорция в структуре народного хозяйства – приоритет развитию тяжелой промышленности в ущерб легкой – не была преодолена, доля потребительских товаров составляла менее четверти от всего объема промышленного производства [18, с. 11], результатом чего был хронический дефицит на ряд ТНП.

Очевидная несостоятельности государственной социальной политики, не способной в полной мере удовлетворить возросшие запросы населения, была наконец-то признана, когда во главе партии и государства оказалось новое руководство в лице М.С. Горбачева и его соратников. На апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. было заявлено о перестройке экономики страны, в том числе и о приоритетном развитии социальной сферы. С этого времени решению социальных проблем стали уделять повышенное внимание. Практически на всех высших партийно-государственных форумах звучали призывы к повышению благосостояния народа, принимались решения в улучшении дел в сфере потребления товаров и услуг.

На XXVII съезде КПСС (февраль 1986 г.) одной из проблем, которые широко обсуждались, стала проблема производства ТНП. На съезде были приняты решения, способствующие развитию потребительского сектора экономики: укрепление МТБ промышленности, производящей потребительские товары, оснащение её современным оборудованием, увеличены плановые объемы по выпуску ТНП [9, с. 47]. На январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. было заявлено о необходимости правильно решать социальные вопросы, создавать благоприятные условия жизни и быта людей, для чего необходимы более радикальные меры преобразования экономики, включая потребительский сектор [7, с. 365]. Действенным стимулом активизации экономической деятельности виделось расширение применения кооперативных форм производственно-хозяйственной деятельности. В том же году ЦК КПСС принял специальное постановление «Об опыте создания и работы кооперативов в сфере общественного питания и бытового обслуживания населения, производству товаров народного потребления» [17, с. 457-460].

На данные нормативные акты партийные и государственные функционеры возлагали особые надежды. С их точки зрения кооперативы в дополнение к действующей системе государственных предприятий могли бы организовать мелкосерийное производство наиболее востребованных у населения товаров, при этом своевременно и гибко реагируя на изменение потребительского спроса.

Кооперативный сектор должен был содействовать не только насыщению рынка товарами повседневного спроса, но и созданию конкуренции государственной экономики. Идеологи перестройки рассчитывали стимулировать экономическую активность производителей и самодеятельность населения, чтобы насытить потребительский рынок необходимыми товарами и услугами, что должно было сократить дефицит, стабилизировать ситуацию с потребительским спросом.

Таким образом, «по инициативе сверху» в 1987 г. в стране, в том числе и на Дальнем Востоке, стали создаваться первые кооперативы. Так, в Хабаровском крае в 1987 г. появились 37 кооперативов по производству товаров народного потребления, 18 – по оказанию бытовых услуг, 9 – по переработке вторичного сырья, 8 – по общественному питанию (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2139. Л. 77).

Наиболее распространенными видами хозяйственной деятельности новоявленных кооперативов были производство швейных и трикотажных изделий, обуви, товаров кожевенной и текстильной галантереи, сувениров, простейших товаров хозяйственного обихода, а также оказание услуг, пользовавшихся повышенным спросом у населения.

Тем не менее, объемы реализации кооперативами товаров и услуг были незначительными и не играли заметной роли в удовлетворении имевшегося на них спроса. Мы не располагаем данными по Дальнему Востоку, но в РСФСР объем услуг, оказываемых кооперативами, составлял в 1987 г. примерно 0,4% в общем объеме бытовых услуг [6, с. 31].

В определенной мере такое положение можно было объяснить сложностями начального периода становления кооперативного движения: неразвитостью правовой базы, несовершенством кредитных отношений применительно к вопросам выделения средств на приобретение необходимого оборудования, психологической неподготовленностью молодых «предпринимателей» к ведению самостоятельной хозяйственной деятельности. Однако немалую долю вины несли и местные органы власти, которые либо сознательно создавали кооперативам административные барьеры, либо считали их неперспективным в борьбе с товарным дефицитом.

Местные исполкомы и предприятия, при которых создавались кооперативы, затягивали решение вопросов обеспечения их помещениями, оборудованием, сырьем. Те помещения, ко-

торые кооперативам все же удавалось получить от исполкомов, в большинстве случаев требовали капитального ремонта либо оказывались абсолютно не пригодными для производственной деятельности. Некоторые зарегистрированные в установленном порядке кооперативы, не получив поддержки хозяйствующих органов, так и не смогли приступить к работе, а затем прекратили свое существование.

Территориальные органы и базы материально-технического снабжения системы Госнаба также не уделяли должного внимания оказанию помощи кооперативам в приобретении материалов, запасных частей, инструментов и оборудования для производства потребительских товаров.

Кооперативы не подключались к телефонным линиям, не обеспечивались телефонной связью, поэтому не принимались на обслуживание вневедомственной охраной. Органы Госстраха СССР отказывали им в страховании имущества.

Некоторые исполкомы местных Советов народных депутатов и другие органы управления запрещали кооперативам вступать в договорные отношения с предприятиями и учреждениями, ссылаясь на то, что в Примерных уставах кооперативов, утвержденных правительственными постановлениями, такая форма деятельности не была четко оговорена. Иногда исполкомы даже отказывались регистрировать кооперативы, мотивируя это тем, что среди их членов есть лица, занятые в общественном производстве, несмотря на то, что те намеревались работать в кооперативе только в качестве совместителей.

В Хабаровском крае на 1 января 1988 г. было зарегистрировано всего 162 кооператива, из них лишь 34 приступили к работе. Кооперативами за 1987 г. было оказано услуг и произведено товаров на 2,8 млн. руб., что составило менее 1% от всех произведенных товаров и услуг в крае. В ряде северных районов края (Тугуро-Чумиканский, Аяно-Майский) их созданием вообще не занимались (ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2145. Л. 20).

Что касается граждан, пополнивших растущие ряды кооператоров, то действовавшим на тот момент законодательством было предусмотрено, что в кооперативы могут приниматься, главным образом, лица, не занятые в общественном производстве: пенсионеры, домохозяйки, инвалиды, студенты и учащиеся. В них могли быть также задействованы на основании трудового соглашения работники предприятий, организаций и учреждений в свободное от основной работы время. В середине 1987 г. в РСФСР из лиц, заня-

тых в кооперативном секторе, 65% работали по совместительству, 13% составляли пенсионеры, 8,2% – домохозяйки, 3,2% – студенты и учащиеся, 10% – граждане в трудоспособном возрасте, работавшие только в кооперативе [6, с. 32]. Примерно такое же соотношение было и на Дальнем Востоке. Однако в дальнейшем численность лиц трудоспособного возраста, работавших в кооперативах на постоянной основе, приобрела тенденцию к росту. Участились случаи, когда граждане оставляли работу в государственном секторе и переходили в кооперативы, которые становились для них основным местом трудовой деятельности. Так, в Камчатской области в 1989 г. 97% работающих в кооперативах являлись лица, ушедшие из государственных учреждений, предприятий и организаций [5]. Причем, уходили в кооперативы, как правило, хорошие специалисты, отличные работники.

Важной вехой развития кооперативного движения стал принятый 26 мая 1988 г. Закон «О кооперации в СССР». Как следовало из преамбулы закона, экономическая самостоятельность кооперативов, конкуренция между государственным и кооперативным сектором экономики признавалась движущей силой социально-экономического развития. Положения закона закрепили право кооператива заниматься любыми видами деятельности, за исключением запрещенных законодательством Союза ССР и союзных республик.

С принятием закона о кооперации создание кооперативов по всей стране, включая Дальний Восток, значительно активизировалось, с этого времени начался стремительный рост, о чем свидетельствуют данные таблицы 1.

Однако, несмотря на стремительный рост кооперативов, лишь незначительная их часть была занята производством ТНП, о чем свидетельствуют данные по Амурской области за 1989 г. Здесь лишь 6% кооперативов были заняты производством ТНП, 21% числились как ремонтно-строительные, 28% работали в бытовом обслуживании и общественном питании. Остальные 45% занимались торгово-закупочной и иными видами деятельности [1]. В целом на Дальнем Востоке доля кооперативов в общем производстве товаров народного потребления в 1989 г. составила всего 0,9%, что было ниже среднего показателя по РСФСР – 1,8% [15, с. 106]. Кооперативам, несмотря на рост их численности, так и не удалось справиться с задачей насыщения потребительского рынка товарами и услугами.

Значительная часть кооперативов ориентировалась на выполнение заказов предприятий и организаций, вместо того чтобы работать для населения. Это, прежде всего, касалось ремонтно-строительных кооперативов, в услугах которых особенно нуждалось население. Так, во Владивостоке по итогам 1988 г. из 9 млн. руб. услуг, выполненных кооперативами, лишь 2,3 млн. руб. было оплачено населением [13]. Подобная деятельность кооператоров была вполне объяснима: работая с предприятиями, они получали значительно больший доход при меньших трудозатратах.

Другие кооператоры оказывали посреднические услуги, иначе говоря, занялись не производством, а перепродажей ТНП, что приводило к вымыванию из государственной торговли, прежде всего, товаров, пользующихся спросом у населения, что только усугубляло их дефицит.

Таблица 1

Основные показатели деятельности кооперативов по краям и областям Дальнего Востока в 1987–1990 гг.*

Регион	1987 г.		1990 г.	
	Число кооперативов	Объем реализованной продукции, млн. руб.	Число кооперативов	Объем реализованной продукции, млн. руб.
Приморский край	127	5,7	2340	619,4
Хабаровский край	87	2,3	1647	565,2
Амурская область	50	0,7	673	262,4
Камчатская область	28	0,5	1032	233,4
Магаданская область	61	0,5	1464	505,6
Сахалинская область	56	1,2	1158	463,9

* Источник: [10, с. 436; 11, с. 74]

Деятельность кооперативов часто подвергалась критике, поскольку кооперативы создавались не в тех сферах, где ощущался острый недостаток в товарах и бытовых услугах, а там, где можно было заработать «легкие и быстрые» деньги. Это вызывало недовольство жителей региона, которые обращались к властям с требованиями о закрытии некоторых из них.

Массовое распространение получила практика, когда предприятия и учреждения в целях приобретения товаров для своих работников перечисляли безналичные денежные средства кооперативам и через них покупали бытовую технику (холодильники, телевизоры, видеомэгагнитофоны и пр.), ковры, мебель и другие товары, пользовавшиеся повышенным потребительским спросом. Перекачка безналичных денежных средств в наличные создала дополнительную напряженность на потребительском рынке и крайне отрицательно сказалась на состоянии денежного обращения. До этого безналичные рубли на счетах госпредприятий использовались только для взаиморасчетов: на них нельзя было ничего купить, но они не порождали инфляционных явлений (до той поры, пока не превращались в реальные деньги). Безналичный денежный оборот обслуживал обращение почти всех средств производства, использовался как фонд развития предприятий. Теперь же на руках кооператоров появились значительные денежные суммы, что заметно усиливало давление на товарную массу. В Хабаровске только за девять месяцев 1989 г. кооперативам выдали 78,8 млн. руб. наличных денег, поступивших на их счета в банки безналичным путем. В тоже время кооперативы сдали в банки за этот же период всего 4,8 млн. руб. (ГАХК. Ф. 904. Оп. 10. Д. 2451. Л. 122).

Эта тенденция имела общесоюзный характер и была распространена повсеместно, что послужило началом инфляционных процессов в стране, поскольку правительство, опасаясь нехватки наличности, было вынуждено увеличивать денежную эмиссию. В начале 1990-х гг. в СССР излишек денег в обращении оценивался в 110 млрд. руб. [6, с. 35].

Получившая широкое распространение массовая скупка кооперативами в магазинах розничной торговли ряда товаров усугубила их дефицит. Кооперативы практиковали скупку оптом в магазинах тканей, стройматериалов и ряда других товаров, оставляя тем самым население без них. Местные органы власти пытались бороться с подобными явлениями, но проверки деятельности кооперативов проводились нерегулярно и носили несистемный характер. В Хабаровске в течение 1989 г. проводилось несколько проверок деятельности

кооперативов, в ходе которых у некоторых из них были выявлены нарушения Закона «О кооперации», финансово-хозяйственной деятельности, после чего 13 кооперативов были закрыты (ГАХК. Ф. 904. Оп. 10. Д. 2451. Л. 122).

Недовольство население вызывала не только скупка кооперативами ряда товаров, но и высокие заработки кооператоров. В Камчатской области в торгово-закупочных кооперативах в 1989 г. зарплата составляла 900-1200 руб. в месяц [4]. В Магаданской области среднемесячный заработок в некоторых кооперативах доходил до 1500 руб. [8]. В то время как среднемесячная зарплата по Дальнему Востоку была чуть более 300 руб. [2, с. 176].

Высокие заработки кооператоров были обусловлены возможностью существенно завышать цены на товары и услуги, низкими ставками налогообложения и относительно небольшими окладами, работающих по трудовому соглашению¹. Так, во Владивостоке при швейном объединении «Заря» был создан кооператив «Красная мода». Члены кооператива (три чел.) установили себя зарплату в 1000 руб., а 50 наемных работников получали чуть более 200 руб. в месяц [12].

Кооперативы в большинстве случаев игнорировали положение ст. 19 закона о кооперации, согласно которому цены и тарифы на их продукцию и услуги должны отражать общественно необходимые затраты на производство и реализацию продукции и учитывать потребительские свойства и качество товаров. Пользуясь сложившимся дефицитом на потребительском рынке, многие кооперативы устанавливали непомерно высокие цены на свои изделия.

Проверками были вскрыты многочисленные факты спекулятивной перепродажи товаров, приобретенных в государственной торговле, и продуктов питания, которые кооператоры скупали у сельского населения, дачников, садоводов-любителей. Отдельные кооперативы, скупая картофель, овощи, мясо, молочную продукцию, реализовывали их по ценам, превышающим государственные в 2-3 раза.

Нередки были факты поступления на рынки и в торговлю недоброкачественной продукции, произведенной кооперативами, особенно швейных изделий. Практически все товары, реализуемые населению, не имели производственной маркировки, утвержденных товарных знаков. При этом органы Дальстандарта, торговой инспекции, санэпидемстанции, других контролирующих органи-

¹ Лица, работающие в кооперативах по трудовому соглашению, в распределении прибыли (в отличие членов кооперативов) не участвовали, несмотря на то что фактически создавали подавляющую часть доходов.

заций не установили действенный контроль за соблюдением кооперативами законодательства о качестве продукции.

Во многом негативные явления в деятельности кооперативов были обусловлены тем, что кооперативное движение не стало приоритетной политикой государства. Вместо этого имели место бесконечные колебания власти и рассуждения по поводу допустимости как кооперативов, так и рыночных отношений в условиях социалистической экономики. Поскольку продуманной государственной политики (как и контроля) в отношении кооперативов не было, большинство кооперативов зарабатывали деньги любой ценой, не беспокоясь о насыщении потребительского рынка качественными товарами и услугами.

Численный рост кооперативов после выхода закона «О кооперации в СССР» не ликвидировал дефицит товаров и услуг, не улучшил положение на потребительском рынке, ситуация там стала существенно ухудшаться с 1989 г. В категорию «дефицита» все чаще попадали простейшие товары повседневного спроса. Социологи отмечали, что если раньше с понятием «дефицит» связывалось представление о модных импортных товарах, не входящих, как правило, в число предметов первой необходимости, то в конце 1980-х гг. его содержание существенно расширилось – теперь как о дефиците говорили о многих дешевых товарах массового спроса [14, с. 7]. В такой ситуации местные органы власти обратились к хорошо известному в СССР и неоднократно апробированному способу решения проблемы – постепенному введению нормированного (по карточкам) распределения товаров повседневного спроса. В 1989 г. в регионе были введены талоны на покупку парфюмерно-косметических товаров, а также хозяйственного мыла и моющих средств. В дальнейшем карточно-талонная система было распространена и на другие товары повседневного спроса.

Введение карточек расценивалось населением как одно из средств достижения социальной справедливости в условиях начала поляризации потребительских возможностей, в том числе и борьбы с «хапугами-кооператорами». Постепенное введение карточек из заведомо частичного, покрывающего локальную недостачу того или иного товара, в дальнейшем стало основным принципом снабжения населения страны, т.е. означало, что правительству, несмотря на разрешение кооперативной деятельности, так и не удалось справиться с дефицитом.

В начале 1990 г. положение на потребительском рынке обострилось, нарастал ажиотажный спрос на продукты питания и потребительские

товары длительного пользования. Прилавки магазинов стремительно пустели, и к осени объем товарных запасов в розничной торговле оказался почти на треть ниже установленного плана. Кооперативный сектор, в котором было занято почти 7 млн. граждан, не мог спасти ситуацию: доля продукции, реализованной кооперативами населению за 1990 г., составляла лишь 15% [6, с. 35]. Как и в предшествующие два года, многие кооперативы, используя свое законное право, предпочитали выполнять заказы предприятий в ущерб насыщению потребительского рынка. Надежды, что кооперативы будут способствовать преодолению товарного дефицита и насыщению потребительского рынка товарами и услугами, не оправдались. Тем не менее, положительный итог деятельности кооперативов всё же был. Кооператоры показали, что в стране появились мощные социальные силы, включающие разные слои населения, готовые и способные развернуть широкую предпринимательскую деятельность в разных экономических формах. Кооперативная деятельность позволила многим кооператорам накопить стартовый капитал для создания частного бизнеса в начале 1990-х гг., который и позволил преодолеть хроническую болезнь советской экономики – дефицит товаров и услуг, хотя породил и новую проблему – нехватку средств у подавляющей массы населения для приобретения товаров широкого потребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурская правда. 1989. 4 октября.
2. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998.
3. Ильин В.И. Дуальность структур индивидуального потребления в исторической динамике: от Советского общества к постсоветскому // Лабиринт. 2014. № 2. С. 9-18.
4. Камчатская правда 1989. 15 июня.
5. Камчатская правда. 1989. 5 октября.
6. Кирсанов Р.Г. Развитие кооперативного сектора в период перестройки и его роль в стабилизации потребительского рынка в СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 4. С. 30-36.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15. 1985-1988. М.: Политиздат, 1989.
8. Магаданская правда. 1991. 13 сентября.
9. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.
10. Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Стат. ежегодник. М., 1988.

11. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1991.

12. О работе Приморского краевого комитета народного контроля в 1987-1989 гг. // Красное знамя. 1989. 15 сентября.

13. Отчитывается горисполком // Красное знамя. 1988. 14 декабря.

14. Рукавишников В.О. Очередь // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 3-12.

15. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути рестройки. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991.

16. Социально-экономическое развитие Приморского края за 1989 г. // Красное знамя. 1990. 6 февраля.

17. Справочник партийного работника. Вып. 28. М.: Политиздат, 1988.

18. Якупов Р.А. Система потребления в СССР – России в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: на материалах Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010.

REFERENCES

1. Amurskaya pravda. 4 October 1989. (in Russ.)

2. Vashchuk, A.S., 1998. Sotsial'naya politika v SSSR i ego realizatsiya na Dal'nem Vostoke (seredina 40-80-h godov XX v.) [Social policy in the Soviet Union and its implementation in the Soviet Far East (mid 1940s-1980s)]. Vladivostok: Dalnauka. (in Russ.)

3. Ilyin, V.I., 2014. Dual'nost' struktur individualnogo potrebleniya v istoricheskoy dinamike: ot Sovetskogo obshchestva k postsovetскому [Duality of individual consumption patterns in historical dynamics: from Soviet to post-Soviet society], Labirint, no. 2, pp. 9-18. (in Russ.)

4. Kamchatskaya pravda. 15 June 1989. (in Russ.)

5. Kamchatskaya pravda. 5 October 1989. (in Russ.)

6. Kirsanov, R.G., 2014. Razvitie kooperativnogo sektora v period perestroiki i ego rol' v stabilizatsii potrebitelskogo rinka v SSSR [The development of the cooperative sector in the period of perestroika and its role in the stabilization of consumer market in the USSR], Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 4, pp. 30-36. (in Russ.)

7. KPSS v rezolutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. [CPSU in resolutions

and decisions of congresses, conferences and plenums of Central Committee.]. Vol. 15. Moskva: Politizdat, 1989. (in Russ.)

8. Magadanskaya pravda. 13 September 1991. (in Russ.)

9. Materiali XXVII s'ezda KPSS [Materials of the XXVIIth Congress of CPSU]. Moskva: Politizdat, 1986. (in Russ.)

10. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1987 g. Stat. ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1987. A yearbook]. Moskva: Financy i statistika, 1988. (in Russ.)

11. Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1990 g. Stat. ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1990. A yearbook]. Moskva: Financy i statistika, 1991. (in Russ.)

12. O rabote Primorskogo kraevogo komiteta narodnogo kontrolya v 1987-1989. [On the work of the Primorsky Regional Committee of People's control in 1987-1989], Krasnoe znamya, 15 September 1989. (in Russ.)

13. Otchitivaetsya gorispolkom [Executive Committee reports], Krasnoe znamya, 14 December 1988. (in Russ.)

14. Rukavishnikov, V.O., 1989. Ochered' [Queue], Sotsiologicheskie issledovaniya, no. 4, pp. 3-12 (in Russ.)

15. Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Dalnego Vostoka: novye yavleniya, problemi, puti perestroiki [Socio-economic development of the Russian Far East: new developments, problems and ways of restructuring]. Khabarovsk: Kn. Izdatel'stvo, 1991. (in Russ.)

16. Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Primorskogo kraia za 1989 g. [Socio-economic development of Primorsky region in 1989], Krasnoe znamya, 6 February 1990. (in Russ.)

17. Spravochnik partiinogo rabotnika [Reference book for a party official]. Vol. 28. Moskva: Politizdat, 1988. (in Russ.)

18. Yakupov, R.A., 2010. Sistema potrebleniya v SSSR – Rossii v kontse 1980-kh – nachale 1990-kh gg.: na materialakh Srednego Povolzhya [System of consumption in the USSR – Russia in the late 1980s – early 1990s: the case of Middle Volga region], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Samara. (in Russ.)

К ВОПРОСУ О ТУРИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (1989-2012 гг.)

В статье рассматривается деятельность органов исполнительной власти в области туризма на Дальнем Востоке России, анализируются основные направления туристской политики, освещаются ключевые аспекты и мероприятия, повлиявшие на дальнейшее развитие туризма в регионах. Автор приводит положительные стороны реализации туристской политики, а также обращает внимание на проблемные вопросы регионального туризма. Автор приходит к выводу о целесообразности развития дальневосточного туризма не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

Ключевые слова: туризм, Дальний Восток, региональная история, государственный аппарат, туристская политика

Towards the tourism policy in the Russian Far East, 1989-2012. IRINA P. OROPAY (Far Eastern Federal University)

The article discusses the activities of executive authorities in the field of tourism in the Russian Far East and analyzes the main directions of tourism policy, highlighting the key issues and events that influenced the further development of tourism in the region. The author describes the positive aspects of the implementation of the tourism policy, but also draws attention to the problematic issues of regional tourism. The author concludes that the development of the tourism in the Russian Far East should be oriented not only to the external, but also to the internal market.

Keywords: tourism, Russian Far East, regional history, government administration, tourism policy

Структура управления сферой туризма формировалась на протяжении всего XX в. К началу перестроечного периода туризм в советской России стал массовым явлением, отражающим социальный, культурный, спортивный уровни развития населения. К 1980-м гг. сложилась двойная система управления туризмом в стране. Функции по контролю, развитию и обеспечению въездного и выездного туризма возлагались на Госкоминтурист СССР (ГКИ СССР), контроль за планами по развитию внутреннего туризма принадлежал Центральному совету по туризму и экскурсиям Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ЦСТЭ ВЦСПС).

Произошедшие в стране важные изменения требовали определенных корректировок социальной и экономической политики. В этот период времени возникла проблема, выраженная в слабой проработке элементов туристской политики в стране. Смена форм хозяйствования и форм правления государством привела к моментальному устареванию правил и принципов ведения туристских процессов. Актуальным становится изучение исторического опыта становления основных положений и элементов государственной туристской политики для разработки точных и работающих программ развития туризма в стране и регионах. Целью исследования становится изучение

* ОРОПАЙ Ирина Петровна, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: oropai.ip@dvfu.ru

© Оропай И.П., 2016

направлений туристской политики, отображение элементов и «болевых» точек туристской отрасли регионов Дальнего Востока.

К началу 1990-х гг. территории Дальнего Востока характеризовались как «территории бедствия, требующие экстренного вмешательства правительства РФ» (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ Ф. 10121. Оп. 2. Д. 269. Л. 54). Несмотря на осложненный протекающий процесс становления основного законодательства в области туризма, попытки Правительства действовать и влиять на ситуацию в регионах были. Одним из крупных проектов в работе Совета Министров в 1990 г. стало создание комплексного плана по развитию иностранного туризма в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке вплоть до 2000 г.

План работ предусматривал конкретные мероприятия по улучшению обстановки в отдаленных регионах, а также сопровождался пометкой о дате его выполнения, что придавало документу особую важность, регулируемость и подконтрольность. Основным набор мер касался более точного изучения туристского потенциала дальневосточного региона с целью создания уникальных предложений для иностранного туриста. Общей же чертой комплексного плана стала нацеленность на увеличение количества межправительственных соглашений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) по сотрудничеству в сфере туризма.

В частности, разработчиками плана было предложено рассмотреть и решить вопросы, связанные с организацией захода советских и иностранных круизных судов с иностранными туристами во Владивосток и Находку, предусмотреть возможность захода судов регулярных международных линий во Владивосток, а также обратить внимание на организацию круизных поездок для иностранных туристов по реке Амур. Предполагалось, что туристские маршруты должны были быть составлены таким образом, чтобы полностью удовлетворить познавательный интерес интуристов, а также создать благоприятные возможности для активного проведения информационно-пропагандистской работы (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 1871. Л. 2).

Еще одним важным документом по развитию туризма в стране стала отраслевая перспективная схема развития и размещения иностранного туризма в СССР на 1991-1995 гг. и на период до 2005 г. (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 1871. Л. 5). Подготовка схемы предусматривала создание региональной целевой программы по развитию иностранного туризма на Дальнем Востоке в более ранний период времени, чем она была принята в будущем. По ин-

формационно-пропагандистскому направлению в области туризма в дальневосточном регионе велся ряд работ по участию в ежегодных туристских выставках и конкурсах со специально подготовленной рекламой, обеспечивающей высокий уровень пропаганды и контрпропаганды среди туристов из стран АТР по миролюбивой внешней политике КПСС и советского государства, принципиально новых идей, касающихся формирования международной безопасности и мирного взаимодействия в АТР (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 1871. Л. 187).

Для работы по данным документам была создана коллегия Госкоминтуриста СССР (в последующем – Роскомтуриста). В своей работе коллегия не только обращала внимание на иностранный туризм, но также давала рекомендации местным органам управления по расширению внутренних экскурсионных маршрутов. В целях совершенствования инфраструктуры туризма и расширения коммерческих прав туристских предприятий в регионе предлагались конкретные действия, выраженные в расширении маршрутов туристско-экскурсионных фирм и подготовке новых коммерческих предложений по поездкам иностранных туристов. В Приморском крае, Сахалинской области, Еврейской автономной области вводились предложения по способу перемещения туриста, в частности, из Владивостока с выездами морским и автотранспортом в Находку, железнодорожным и авиатранспортом в Хабаровск, Москву, Петропавловск-Камчатский, Биробиджан.

В Хабаровском крае коллегией было предложено обратить внимание на организацию туров по рыбной ловле и охоте, на велосипедные маршруты, однодневные поездки по Амуру, на создание этнографических музеев в муниципальных образованиях, в частности, в с. Сикачи-Алян. В Республике Саха (Якутия) также делалась ставка на развитие таких видов туризма, как конные и пешие походы по тайге, рыбная ловля, охота, спортивные туры. В свете развития туризма в Камчатском крае и Чукотской автономной области коллегией обсуждалось открытие городов-портов Анадыря и Петропавловска-Камчатского для посещения иностранными туристами и захода иностранных судов (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 1871. Л. 189).

Оптимального и комплексного использования туристского потенциала в регионах Дальнего Востока возможно было достичь заинтересованностью региональных подразделений в осуществлении запланированных мероприятий. Первым шагом по наделению предприятий и организаций самостоятельностью стало предоставление прав по осуществлению внешнеэкономической дея-

тельности. Сопровождался этот процесс переводом предприятий на хозяйственный расчет. Так, в целях дальнейшего повышения эффективности работы туристско-экскурсионных фирм (ТЭФ) и туристско-экскурсионных производственных объединений (ТЭПО), усиления экономических методов управления и развития самоуправления трудовых коллективов все предприятия, объединения и организации ЦСТЭ с 1 января 1989 г. были переведены на полный хозяйственный расчет и самофинансирование.

ТЭФ и ТЭПО занимались непосредственно отправкой и приемом советских туристов, организацией маршрутов выходного дня, экскурсий, размещением в гостиницах, базах отдыха. Так, на новые рельсы хозяйствования были переведены ТЭФ «Амуртурист», ТЭПО «Камчатсктурист», ТЭПО «Магадантурист», ТЭФ «Приморсктурист», ТЭПО «Сахалинтурист», ТЭФ «Хабаровсктурист», ТЭПО «Якуттурист» (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 2111. Т. 2. Л. 139; Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 105. Л. 67; Государственный исторический архив Сахалинской области, далее – ГИАСО. Ф. 976. Оп. 1. Д. 309. Л. 180).

Помимо развития профсоюзной линии туризма активно расширялось влияние ГКИ СССР в регионах по линии иностранного туризма. В течение всего 1989 г. в Амурской, Камчатской, Сахалинской, Магаданской, Еврейской автономной областях (ЕАО), Приморском и Хабаровском краях были созданы отделения и агентства Госкоминтуриста СССР (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 2108. Л. 73). Основной задачей агентств и отделений являлся не только прием иностранных граждан, но и организация выезда советского туриста за границу (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 2108. Л. 73). Появление отдельной структуры по развитию иностранного туризма позволило включить дальневосточные регионы в единую систему интеграции всего Дальнего Востока в страны АТР. По линии иностранного туризма существовало крупное отделение Госкоминтуриста СССР в Хабаровске, координирующее работу агентств ГКИ во Владивостоке, Находке, Петропавловске-Камчатском, Магадане, Биробиджане и др.

Стратегическая важность южных регионов Дальнего Востока возрастала и, учитывая повышенный интерес, проявляющийся за рубежом, было принято решение о выведении агентств в Биробиджане, в Владивостоке, Находке, Южно-Сахалинске из подчинения отделения в Хабаровске с 1 января 1990 г. (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 2113. Л. 73). Агентства же в Приморском крае были пре-

образованы в самостоятельные отделения, имеющие свой баланс, расчетный счет, штамп и печать. Деятельность отделений осуществлялась на основе полного хозяйственного расчета и самофинансирования в соответствии с законом СССР о государственном предприятии. С 1990 г. отделения Приморского края и агентство в Биробиджане и Южно-Сахалинске подчинялись напрямую ГКИ в Москве (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 2110. Т. 1. Л. 30). Результатом таких мероприятий стало расширение возможностей по направлению советских туристов за границу (ГАРФ. Ф. Р9612. Оп. 3. Д. 2110. Т. 1. Л. 30).

В 1990-1993 гг. происходили попытки структурировать и организовать работу ведомств, отвечающих за внутренний туризм. Развитием и контролем внутреннего туризма занимались комитеты, входящие в состав областных или краевых администраций. Образование комитетов по туризму происходило на базе краевых или областных советов по туризму и экскурсиям, которые стали появляться в 1960-1970-х гг. Так, в Приморском крае Совет по туризму и экскурсиям был учрежден в 1960 г., а в Хабаровском – в 1969 г. Некоторые регионы миновали этот этап развития административной структуры туризма в связи с удаленностью, невостребованностью и закрытостью территорий.

Первоочередными задачами новых органов исполнительной власти стало выведение сферы туризма из кризисного состояния, которое было обусловлено и либерализацией цен, и процессом приватизации имущества ТЭПО и ТЭФ. В это время образовались комитет по физической культуре и туризму в Амурской области, комитет по туризму администрации Приморского края, комитет по физической культуре, спорту и туризму администрации Хабаровского края, государственный комитет по делам молодежи и туризма в Республике Саха (Якутия), комитет по спорту и туризму администрации Чукотского автономного округа (ЧАО), управление культуры и туризма администрации Сахалинской области, подчиняющиеся Государственному комитету по физической культуре и туризму (ГКФТ) (ГАРФ. Ф. 10251. Оп. 1. Д. 368. Л. 262).

Краевые и областные комитеты реализовывали значительный объем работ. Прежде всего, в круг обязанностей новых исполнительных органов входило изучение состояния туризма в крае, разработка первых целевых программ, нормативно-правовой базы, налаживание международных связей по организации туризма, развитие материально-технической базы. Позже к базовым

функциям комитетов добавилась кадровая составляющая, которая заключалась в изучении потребностей региона в специалистах по физической культуре, спорту и туризму, их переподготовке и трудоустройству.

По воспоминаниям генерального директора акционерного общества «Приморсктурист», председателя комитета по туризму в Приморском крае А.А. Берестового, первые шаги по созданию комитета были сделаны при поддержке и личном участии С.П. Шпилько, возглавлявшим Государственный комитет по туризму России [21, с. 146]. В отличие от других регионов страны, Приморский край стал одним из первых разрабатывать и внедрять краевые и местные нормативно-правовые акты. Для систематизации и упорядочивания своей работы комитет приступил к наведению порядка в законодательных и нормативных документах. Комитет по туризму разработал и утвердил ряд важных первостепенных документов, определяющих место и порядок работы туристской отрасли Приморья¹. Уже к октябрю 1993 г. комитет по туризму Приморского края разработал, а 29 октября 1993 г. администрация края утвердила постановление о временном положении «О лицензировании туристской и экскурсионной деятельности на территории Приморского края», с учетом того, что закон о лицензировании международной туристской деятельности в Российской Федерации был принят только в декабре 1995 г.

В отличие от активной туристской политики Приморья в таких регионах как ЧАО, Камчатская, Сахалинская и Магаданская области процесс структурирования туристской отрасли происходил замедленным аутентичным путем. Северные территории вследствие прошедшей приватизации туристских предприятий путем прямого акционирования оставались в глубоком системном кризисе при отсутствии централизованного управления отраслью. Помимо всеобщих экономических, политических проблем, на туристской отрасли этих регионов сказывались и погодно-климатические условия, территориальная удаленность, осложняющие способы передвижения и связи.

Сахалинская и Камчатская области миновали некоторые этапы административного развития

¹ Одними из первых были разработаны и внедрены следующие документы: «Временные правила организации туристских поездок и оказание услуг в сфере туризма на территории Приморского края», «Положение о страховании российских граждан, выезжающих в туристские поездки за рубеж», Постановление Губернатора края «О мерах по регулированию пребывания граждан КНР на территории Приморского края».

туризма. В 1993 г. ТЭПО «Сахалинтурист» было преобразовано в товарищество с ограниченной ответственностью, а затем в акционерное общество закрытого типа «Социальный туризм Сахалина» (ГИАСО. Ф. 976. Оп. 1. Д. 347. Л. 1). Административная реформа в Сахалинской области продолжалась до 2010 г. Ответственность за развитие внутреннего и иностранного туризма была разделена между ведомствами. Комитет по туризму и физической культуре формировал туристскую политику внутри региона, а департамент внешних связей курировал вопросы по выездному туризму. Работа администрации Сахалинской области активно велась в сфере международных связей. Для решения кризисных вопросов в области были поставлены цели не только на расширение международного сотрудничества в области туризма, но и на реформирование туристских фирм и проведение их акционирования с целью привлечения иностранного капитала.

В Камчатской области ТЭПО «Камчатсктурист» перестал существовать как самостоятельная организация и перешел в состав Федерации профсоюзов Камчатского края только в 1999 г. Помимо этого объединения, изначально выполнявшего функцию внутреннего туроператора, существовали Бюро международного молодежного туризма «Спутник» до 1995 г. и агентство государственного комитета по иностранному туризму при Совмине, преобразованное в ВАО «Интурист», который проработал до 2000 г.

Активных попыток развивать туризм в Магаданской области не предпринималось. Управление сферой профсоюзного туризма происходило через отдел по физической культуре, спорту и туризму администрации Магаданской области, образованный в 1980 г. Такая форма управления внутренним туризмом просуществовала до 2003 г., в последующем функции по организации иностранного туризма в области были также переданы отделу по физической культуре, спорту и туризма. На сегодняшний день функции государственного регулирования внутреннего и иностранного туризма выполняет комитет по физической культуре, спорту и туризму Магаданской области. Особенной чертой в туристской политике комитета является продвижение и популяризация спортивного и культурно-познавательного туризма.

К 2003 г. в регионах полностью сформировалась система исполнительной власти, в том числе это касалось и сферы туризма, и в каждом из субъектов Дальневосточного федерального округа в составе краевых или областных администраций создавались различные ведомства, регулирую-

щие деятельность в сфере туризма [20]. Органы, ответственные за туризм в регионах, стали обладать практически полной свободой действий для осуществления туристской политики [7, с. 54]. Данные изменения сформировали правовую основу для активной реализации государственной и муниципальной политики в сфере туризма. В каждом субъекте ДВФО существуют отраслевые законы, регулирующие общественные отношения в сфере туризма, а также программы развития регионов на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Туристская деятельность субъектов дальневосточного региона осуществляется на основе региональных программ, которые являются организационной и финансовой основой развития туризма, а также отдельных направлений туристской деятельности.

В то время как по стране создавались тысячи турфирм, шла активная реструктуризация исполнительных органов в туристской отрасли, остро стояли вопросы лицензирования и сертификации туристских услуг, безопасности людей на маршрутах, создания информационной базы, достоверной рекламы. Возобновление активной работы по решению вышеперечисленных насущных вопросов началось с середины 1990-х г., причем в различных регионах Дальнего Востока динамика активности была совершенно разной.

Активная структурная перестройка проходила не только в Приморье. В других субъектах дальневосточного региона также шло развитие нормативно-правовой базы туризма, как основного элемента, без которого государственное регулирование на местном уровне не достижимо. Комитет по физической культуре, спорту и туризму администрации Хабаровского края оказался в числе первых регионов, разработавших региональный закон о туризме в 1995 г. [5]. Для сравнения отметим, что законы о туризме и туристской деятельности были приняты в Амурской области и Республике Саха (Якутия) в 1998 г., в Приморском крае – в 1999 г., в Сахалинской области – в 2009 г. В Камчатском крае в 2010 г. был принят закон о поддержке туризма Правительством края. В Магаданской области, Чукотском и Еврейском автономных округах региональные отраслевые законы отсутствуют. Приморский край и Республика Саха (Якутия) вошли в первую десятку регионов в стране, где были разработаны и утверждены в 1996 г. концепция (стратегия) и программа развития регионального туризма. В Хабаровском крае и Чукотском автономном округе программа по развитию туризма была принята в 2003 г., в Сахалинской области концепция развития туризма

была утверждена в 2002 г., а программа создана в 2009 г., в Магаданской области – в 2004 г., в Амурской области – в 2007 г., в Еврейской автономной области – в 2012 г. Общими положениями региональных программ стало привлечение инвестиций, установление сотрудничества с КНР, Японией, Кореей, США, развитие инфраструктурных объектов и объектов материально-технической базы.

В Приморском крае программа развития туризма определяла точки роста туристской сферы и направления развития туристским комплексом региона [19]. К середине 1990-х гг. Приморский край стал занимать важную позицию для России не только как туристский регион, но и как соседствующая со странами АТР туристская территория. В 1996 г. была разработана концепция развития туризма в Приморском крае, предполагающая создание и последующее развитие рекреационных центров края. Аква-культурные объекты-комплексы должны были стать точками роста на ближайшее десятилетие. Решение некоторых социальных задач также возлагалось на туристскую отрасль и отражалось в документе. С помощью увеличения занятости населения и создания новых рабочих мест предполагалось улучшить социальную обстановку в крае. С помощью мер по укреплению и обустройству материальной базы рекреационных центров было бы возможно расширение туристских маршрутов, улучшение качества полноценного отдыха населения большинства регионов Дальнего Востока. По оценке А.А. Берестового, комитет совместно с туристскими предприятиями, научными учреждениями, федеральными органами власти успел сделать многое, но относительно планов по развитию внутреннего туризма в крае значительная часть задач не была решена. В частности, это было связано с очень малым потоком туристов из соседних регионов, который составлял не более 70 тыс. чел. в год. Помимо этого, турфирмы края не были заинтересованы в полной мере в развитии социального туризма, была снижена инвестиционная активность в материально-техническую базу, транспорт, инфраструктуру [21, с. 150].

Существенное внимание комитетом по физической культуре, спорту и туризму Хабаровского края совместно с правительством края уделялось определению направлений туризма. Так, основные направления развития туризма в Хабаровском крае были сформированы дважды: в 2003 г. и в 2008 г. Целью определения стратегии направлений туризма стало развитие въездного туризма и выведение на международный уровень суще-

ствующих программ развития инфраструктуры туристской отрасли края. Основными задачами, определенными в этих документах, стала структура мероприятий по формированию эффективного механизма управления туристской отраслью и по совершенствованию новых туристских продуктов [17]. Помимо этого, в 2008 г. произошли структурные изменения в аппарате администрации края. Так, было утверждено Министерство культуры Хабаровского края, в компетенции которого стало входить регулирование и развитие отрасли туризма [16].

Другую тактику по привлечению туристов в регион использовало Министерство внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области. С помощью усиленного развития и популяризации традиционных промыслов, национальной культуры коренных малочисленных народов Севера Амурской области должно было увеличить, прежде всего, внутренний туристский поток области. Вспомогательным элементом по улучшению туристской инфраструктуры стало проведение аккредитации организаций, определяющих классификацию объектов туристской индустрии, в том числе средств размещения, горнолыжных трасс, пляжей. Министерством был разработан ряд важных нормативных актов по реализации долгосрочной целевой программы по развитию туризма, внедрено порядка 15 экскурсионных маршрутов выходного дня по Благовещенску с составлением технологической карты маршрута и 15 туристских маршрутов по Амурской области для школьников и студентов [6].

В период 1994-2006 гг. в Еврейской автономной области функции по регулированию и сохранению туризма возлагались на администрацию (ГАРФ. Ф. 10251. Оп. 1. Д. 368. Л. 262). В 2006 г. было создано управление экономики правительства Еврейской автономной области [11]. В составе управления был создан отдел по внешнеэкономическим и межрегиональным связям, отвечающий за работу туристской отрасли в области. Отсутствие самостоятельного органа исполнительной власти, который бы регулировал сферу туризма, объясняется особенностями территории. На сегодняшний день Еврейская автономная область является одними из «туристских ворот» для граждан КНР, в частности. Несмотря на имеющиеся природно-рекреационные ресурсы области, туристская деятельность в большей степени направлена на международный выездной туризм. Так, количество туристов по внутреннему потоку в течение пяти лет составляет в среднем 400 чел. в год. Ряд внутренних проблем, характер-

ных для области, в том числе не востребованность и неразвитость туристской инфраструктуры, оказывает отрицательный эффект на развитие туристской отрасли в Еврейской автономной области. В связи с тем, что в настоящее время наблюдается отрицательная динамика численности населения и, как следствие, кадровый голод в отрасли, правительство области и страны не выделяют денежные средства и не считают целесообразным осуществлять такие вливания в отрасль. Так, общий объем денежных вливаний осуществляется только за счет областного бюджета и составляет порядка 2,4 млн. руб. На заседаниях правительства области по вопросам туризма рассматриваются такие базовые вопросы, как создание единой информационной базы, методических указаний, мероприятия по созданию туристских брендов, создание информационного туристского портала. Следует отметить, что обсуждение вопросов ведется исключительно на теоретическом уровне вследствие того, что в Областной программе по развитию туризма не конкретизировано, в каких мероприятиях принимается участие, какие проекты будут созданы или развиты [12]. Такие вопросы на повестке дня свидетельствуют о том, что туризм в Еврейской автономной области находится на этапе формирования, в то время как в соседних регионах он достаточно развит.

Своеобразную туристскую политику ведет администрация Камчатской области. Акценты в реализации мероприятий в сфере туризма были поставлены на усиленную работу по продвижению камчатского турпродукта на международный рынок. Методом ведения активной информационной политики в поддержку турпредприятий Камчатки удалось увеличить внутренний и въездной туристский поток. В помощь участникам туристского рынка и туристам был издан справочник «Камчатка» на русском и английском языках, содержащий информацию о достопримечательностях, туристских маршрутах, охраняемых территориях полуострова. Для международных и межрегиональных партнеров был организован выставочный стенд туристской отрасли Камчатской области для участия в крупных выставках национального и мирового масштаба. Увеличивающийся туристский поток и спрос на туристские достопримечательности Камчатки позволил региону попасть в план выпуска имиджевой продукции Федеральным агентством по туризму РФ. Тем не менее, столь значительное внимание информационному продвижению туристского продукта Камчатки вскрывает нерешенность проблем, препятствующих развитию туризма. Так, несмотря на активное продвижение

турпродукта, упускаются из виду основополагающие факторы туристского успеха Камчатки [13].

С учетом того, что Правительство Российской Федерации только в 2002 г. утвердило Концепцию развития туризма в стране, администрация Сахалинской области в декабре 2002 г. представила свою Концепцию развития туризма на Сахалине. В документе отражались действия администрации области, которые стимулировали бы рост и развитие отрасли до 2010 г. Обязанности по осуществлению задач программы возлагались на агентство спорта, туризма и молодежной политики и комитет по физической культуре и спорту Сахалинской области. В целях оптимизации процесса в 2009 г. произошли структурные изменения, заключающиеся в объединении функций агентства и комитета. Активная работа по развитию и стабилизации обстановки во внутреннем туризме стала вестись Министерством спорта, туризма и молодежной политики [15]. Туристский продукт Сахалина все чаще демонстрировался на туристских выставках, увеличилось внимание к разработке качественных и работающих программ развития.

Как и большинство субъектов Дальнего Востока, Республика Саха (Якутия) была закрыта для массового туристского потока и турвизиты носили эпизодический деловой характер. Отделом туризма Министерства по делам молодежи, туризма, физической культуры и спорта была разработана программа развития международного и внутреннего туризма в Республике Саха (Якутия). Данный документ стал первой попыткой среднесрочного и долгосрочного планирования развития отрасли в период 1996-2005 гг. Главными задачами программы стали разработка основных нормативно-правовых актов и содействие развитию материально-технической базы Республики. Итогами выполнения программы развития до 2005 г. стало введение в эксплуатацию новых гостиниц, визит-центров, музеев. Представители туристского бизнеса Республики стали принимать участие в международных выставках, тем самым расширяя географию въездного туризма. Одним из главных результатов стало создание своей туристской выставки-ярмарки в 1999 г., которая проходит на территории Республики Саха (Якутия). На сегодняшний день это одно из крупных ежегодных событий международного уровня, которое объединяет десятки турпредприятий республики, соседних регионов и стран, представителей авиакомпаний, санаториев, гостиниц, ВУЗов. Также одним из ярких достижений этой Программы стало создание национальной туристской компании «Якутия», деятельность которой является безубыточной до

сегодняшнего дня. Следующая реструктуризация органов исполнительной власти произошла при упразднении Министерства по делам молодежи, туризма, физической культуры и спорта и создании самостоятельного Министерства по делам молодежи с передачей функций госкомитету по физической культуре, спорту и туризму [22]. Государственный комитет просуществовал 10 лет и в 2008 г. был реформирован в новое Министерство по развитию предпринимательства и туризма Республики Саха (Якутия) [14].

Положительный опыт реализации программы стал толчком для разработки и утверждения новой целевой программы «Развитие предпринимательства и туризма в Республике Саха (Якутия) в 2007-2011 годы» [4]. Стимулирование предпринимательской деятельности в сфере туризма, создание условий для эффективного турбизнеса, подготовке кадров для туристской индустрии предусматривали расширение перечня мероприятий за счет федеральных бюджетных средств.

Позже, чем в других северных регионах, с 2004 г. начинает формироваться туристская индустрия Магаданской области [1]. Активная работа комитета по физической культуре, спорту и туризму выражалась в выполнении базовых задач, необходимых для последующего стабильного функционирования отрасли. Прежде всего, это проявлялось в постановке задачи по созданию туристского реестра ресурсов области, уникальных ценовых предложений, туристской символики. Следующим этапом по разработке туристского продукта стало проведение научных мероприятий в форме конференций, круглых столов и конкурсов профессионального мастерства. Так, в декабре 2006 г. был организован круглый стол по вопросам сотрудничества представителей турбизнеса Магаданской области и Южной Кореи. В 2008 г. прошло заседание Координационного совета по туризму Магаданской области, посвященное разработке предложений по проекту «Восточное кольцо России». На основании обсуждений, на заседании Координационного совета по туризму Международной ассоциации в 2009 г. в план мероприятий Комитета по туризму области был внесен автопробег по Золотому кольцу Колымы². Это мероприятие нашло отражение в подпрограмме «Развитие туризма

² Программа имеет 5 подпрограмм: «Развитие массовой физической культуры и спорта», «Обеспечение процесса физической подготовки и спорта», «Развитие государственных и муниципальных учреждений физической культуры и спорта», «Развитие туризма», «Развитие футбола».

на 2010-2013 годы». На сегодняшний день продвижение и развитие турпродукта Магаданской области осуществляется слабо и только за счет участия в туристских выставках [8, 9].

Особенный путь прошло развитие туристских услуг в Чукотском автономном округе. Предпосылками для активного развития туризма в ЧАО стала озабоченность властей решением проблемы безработицы. На Чукотке сравнительно недавно туризму стали придавать значение именно как виду деятельности, не только дающему рабочие места, но и приносящему прибыль. Для укрепления положительного имиджа округа и создания более благоприятных условий для туристского бизнеса правительством ЧАО была принята и утверждена «Программа развития туризма на 2003-2006 годы» [18]. Результатами этой программы должна была стать сформированная нормативно-правовая база, поддержка турбизнеса округа, создание системы повышения квалификации кадров, задействованных в сфере туризма. В последующем программы развития стали утверждаться на год. Отличием таких программ стала детальная проработка плана мероприятий, распределение сумм финансирования [2, 3]. Первым этапом в достижении поставленных целей стала организация рекламных туристских туров по Чукотке для привлечения инвесторов, развития малого и среднего бизнеса, открытия дополнительных туристских офисов и фирм.

Таким образом, на сегодняшний день существует множество проблем, связанных с развитием туристской отрасли в регионе в целом. Одним из важнейших остается вопрос о порядке захода круизных судов в порты, а также упрощения таможенных и визовых процедур для туристов. При этом стоит отметить, что количество прибытий с целью туризма в северные регионы настолько мало, что вопрос принимает другой оборот, касающийся рентабельности и целесообразности вводимых изменений по упрощению таможенных и визовых процедур. Кроме того, к проблемам, характерным практически для каждого региона Дальнего Востока, относятся недостаточный фонд средств размещения, низкое качество предоставляемых гостиничных услуг, монополизм видов перемещения туристов, отсутствие правительственных документов, регламентирующих порядок осуществления круизов под иностранным флагом, рост цен на авиаперевозки. Несмотря на это, действующие целевые программы развития частично предусматривают укрупнение внутренних и въездных туристских потоков в дальневосточный регион. С учетом проведенного анализа по ос-

новным позициям туристской политики регионов Дальнего Востока и складывающейся политической ситуации в мире, становится очевидным, что туристская отрасль Дальнего Востока может развиваться и существовать не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Магаданской области от 07 июля 2004 г. № 473-ОЗ «Об утверждении областной целевой программы «Развитие туризма в Магаданской области на 2004-2007 годы» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>
2. Закон от 16 октября 2007 г. № 118-ОЗ «Об утверждении региональной целевой программы «Развитие туризма в Чукотском автономном округе на 2008 год» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>
3. Закон от 29 ноября 2006 г. № 91-ОЗ «Об утверждении региональной целевой программы «Развитие туризма в Чукотском автономном округе на 2007 год» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>
4. Закон Республики Саха (Якутия) от 19 декабря 2006 г. № 401 «Об утверждении государственной целевой программы «Развитие предпринимательства и туризма в Республике Саха (Якутия) на 2007-2011 годы» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>
5. Об организации туризма в Хабаровском крае: закон № 149 от 29.11.95 г // Амурские ведомости. 1995. №20. С. 3.
6. Отчёт о выполнении государственного задания, утверждённого ГБУ Амурской области «Агентство по туризму Амурской области» на 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amurobl.ru/>
7. Писаревский Е.Л. Административно-правовое обеспечение безопасности туризма в Российской Федерации: дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011.
8. Постановление администрации Магаданской области от 14 ноября 2014 г. № 1126-па «Об утверждении государственной программы «Развитие физической культуры, спорта и туризма в Магаданской области в 2014-2016 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.49gov.ru/common/upload/document/1126-pa_Ob_utverzhenii_GP_Razvitie_FK_sporta_i_turizma_v_MO.pdf

9. Постановление администрации Магаданской области от 10 декабря 2009 г. № 643-па «Об утверждении областной целевой программы «Развитие физической культуры, спорта и туризма в Магаданской области в 2010-2013 годах» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>

10. Постановление администрации Сахалинской области от 20 января 2009 г. № 16-па «Об областной целевой программе «Развитие туризма в Сахалинской области на 2009 - 2012 годы» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>

11. Постановление правительства ЕАО от 28 февраля 2006 г. № 52-ПП «Об утверждении положения об управлении экономики Еврейской автономной области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nra.eao.ru/law>

12. Постановление Правительства ЕАО от 29 октября 2012 г. № 602-ПП «Об утверждении областной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Еврейской автономной области в 2013-2018 гг.» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>

13. Постановление правительства Камчатского края от 23 октября 2009 г. № 390-П «Об утверждении долгосрочной краевой целевой программы «Развитие туризма в Камчатском крае на 2010-2012 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kamchatka.gov.ru>

14. Постановление правительства Республики Саха (Якутия) от 17 июля 2008 г. № 283 «Об утверждении Положений о Министерстве по делам предпринимательства, развития туризма и занятости Республики Саха (Якутия) и его Коллегии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakha.gov.ru/node/4797>

15. Постановление правительства Сахалинской области от 08 февраля 2012 г. № 65 (ред. от 05 июня 2015 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве спорта, туризма и молодежной политики Сахалинской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stimol.admsakhalin.ru/>

16. Постановление правительства Хабаровского края от 24 октября 2008 г. № 245-пр «Об утверждении Министерства культуры Хабаровского края» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>

17. Постановление правительства Хабаровского края от 06 марта 2008 г. № 72-пр «Об основных направлениях развития туризма в Хабаровском

крае на период 2008-2012 гг.» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>

18. Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 18 ноября 2002 г. № 264 «Об утверждении региональной целевой программы «Программа развития туризма на 2003-2006 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chukotka.org/>

19. Постановлением губернатора Приморского края от 13 сентября 1996 г. № 500 «Об утверждении Концепции развития туризма в Приморском крае и целевая программа «Развитие туризма в Приморском крае до 2005 года» // Российский туристский бюллетень: Туризм: информация, статистика, анализ. 1996. № 4 (10). С. 42 -52.

20. Сводный список органов управления в сфере туризма субъектов Российской Федерации по состоянию на 10 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiaturism.ru/content>

21. Смирнов А.Г., Берестовой А.А. Ходили мы походами...: очерки истории туризма Приморского края. Владивосток: Русский остров, 2009.

22. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 10 марта 1998 г. № 374 «О внесении изменений в структуру республиканских органов исполнительной власти» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/>

REFERENCES

1. Zakon Magadanskoi oblasti ot 07 iyunya 2004 g. № 473-OZ. «Ob utverzhdenii oblastnoi tselevoi programmy «Razvitie turizma v Magadanskoi oblasti na 2004-2007 gody» [The law of Magadan region, 07 June 2004, № 473-OZ «On approval of the regional target program «Development of tourism in the Magadan region, 2004-2007»]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

2. Zakon ot 16 oktyabrya 2007 g. № 118-OZ «Ob utverzhdenii regional'noi tselevoi programmy «Razvitie turizma v Chukotskom avtonomnom okruge na 2008 god» [The law, 16 October 2007, № 118-OZ «On approval of the regional target program «Tourism Development in the Chukotka Autonomous district for 2008»]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

3. Zakon ot 29 noyabrya 2006 g. № 91-OZ «Ob utverzhdenii regional'noi tselevoi programmy «Razvitie turizma v Chukotskom avtonomnom okruge na 2007 god» [The law, 29 November 2006, № 91-OZ «On approval of the regional target program «Tourism Development in the Chukotka Autonomous

region in 2007]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

4. Закон Республики Саха (Якутия) от 19 декабря 2006 г. № 401 «Об утверждении государственной целевой программы «Развитие предпринимательства и туризма в Республике Саха (Якутия) на 2007-2011 годы» [The law of the Republic of Sakha (Yakutia), 19 December 2006, № 401 «On approval of state target program «Development of entrepreneurship and tourism in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2007-2011]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

5. Об организации туризма в Хабаровском крае: закон от 29 ноября 1995 г. №149 [On the organization of tourism in the Khabarovsk territory: the law, 29 November 1995, № 149], Amurskie vedomosti, 1995, no. 20, p. 3. (in Russ.)

6. Отчет о выполнении государственного задания, утвержденного ГБУ Амурской области «Агентство по туризму Амурской области» на 2012 г [The report on fulfillment of the plan approved by the state budgetary institution the Amur region «Agency of tourism of the Amur region» on 2012]. – URL: <http://www.amurobl.ru/> (in Russ.)

7. Pisarevskii E.L. Administrativno-pravovoe obespechenie bezopasnosti turizma v Rossiiskoi Federatsii : diss. ... d-ra jurid.nauk [Administrative and legal security of tourism in the Russian Federation]. Moscow, 2011. (in Russ.)

8. Postanovlenie administratsii Magadanskoj oblasti 14.11.2014, № 1126-па «Об утверждении государственной программы «Развитие физической культуры, спорта и туризма в Магаданской области в 2014-2016 гг.» [Decree of the administration of Magadan region of 14.11.2014, No. 1126-PA «On approval of the state program «Development of physical culture, sport and tourism in the Magadan region in 2014-2016»]. – URL: http://www.49gov.ru/common/upload/document/1126-pa_Ob_utverzhenii_GP_Razvitie_FK_sporta_i_turizma_v_MO.pdf (in Russ.)

9. Postanovlenie administratsii Magadanskoj oblasti ot 10.12.2009, №643-па. «Об утверждении областной целевой программы «Развитие физической культуры, спорта и туризма в Магаданской области в 2010-2013 гг.» [Decree of the administration of Magadan region of 10.12.2009, No. 643-PA. «On approval of the regional target program «Development of physical culture, sport and tourism in the Magadan region in 2010-2013»]. – URL: <http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

10. Postanovlenie administratsii Sakhalinskoj oblasti ot 20.01.2009, №16-па «Об областной целевой программе «Развитие туризма в Сахалинской области на 2009 - 2012 годы» [The decree of administration of

the Sakhalin region of 20.01.2009, No. 16-PA «About the regional target program «Development of tourism in the Sakhalin area on 2009 – 2012»]. – URL:<http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

11. Postanovlenie pravitel'stva EAO ot 28.02.2006, №52-PP «Об утверждении положений об управлении экономики Еврейской автономной области» [The decree of the government of the Jewish Autonomous region from 28.02.2006 No.52-PP «On approval of the regulations on the management of the economy of the Jewish Autonomous region»]. – URL: <http://npa.eao.ru/law/> (in Russ.)

12. Postanovlenie Pravitel'stva EAO ot 29.10.2012, №602-PP «Об утверждении областной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Еврейской автономной области в 2013-2018 годах» [The decree of the government of the Jewish Autonomous region dated 29.10.2012, No.602-PP «On approval of the regional target program «Development of domestic and inbound tourism in the Jewish Autonomous region in 2013-2018»]. – URL: <http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

13. Postanovlenie pravitel'stva Kamchatskogo kraja ot 23.10.2009, №390-P «Об утверждении долгосрочной краевой целевой программы «Развитие туризма в Камчатском крае на 2010 – 2012 годы» [The decree of the government of Kamchatka region from 23.10.2009, No.390-P «On approval of long-term regional target program «Development of tourism in the Kamchatka region on 2010 – 2012»]. – URL: kamchatka.gov.ru (in Russ.)

14. Postanovlenie pravitel'stva Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 17.07.2008, №283 «Об утверждении Положений о Министерстве по делам предпринимательства, развития туризма и занятости Республики Саха (Якутия) и его Коллегии» [The decree of the government of the Republic of Sakha (Yakutia) from 17.07.2008, No. 283 «On approval of Provisions on the Ministry of entrepreneurship, tourism development and employment of Sakha Republic (Yakutia) and its College»]. – URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/4797> (in Russ.)

15. Postanovlenie pravitel'stva Sakhalinskoj oblasti ot 08.02.2012, №65 (red. ot 05.06.2015 g.) «Об утверждении Положений о министерстве спорта, туризма и молодежной политики Сахалинской области» [The decree of the government of Sakhalin region from 08.02.2012, No. 65 (ed. by G. 05.06.2015) «On approval of the Regulations on the Ministry of sport, tourism and youth policy of the Sakhalin region»]. – URL:<http://stimol.admsakhalin.ru/> (in Russ.)

16. Postanovlenie pravitel'stva Khabarovskogo kraja ot 24.10.2008, №245-pr «Об утверждении

ministerstva kul'tury Khabarovskogo kraja» [The decree of the government of Khabarovsk territory from 24.10.2008, No.245-PR «On approval of the Ministry of culture of Khabarovsk territory»]. – URL: <http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

17. Postanovlenie pravitel'stva Khabarovskogo kraja ot 06.03.2008, №72-pr «Ob osnovnykh napravleniyakh razvitiya turizma v Khabarovskom krae na period 2008-2012 gg.» [Resolution of the Khabarovsk territory government No. 72-PR of 06.03.2008 «On the main directions of development of tourism in the Khabarovsk territory for the period 2008-2012»]- URL:<http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

18. Postanovlenie Pravitel'stva Chukotskogo avtonomnogo okruga 18.11.2002, №264 «Ob utverzhdenii regional'noi tselevoi programmy «Programma razvitiya turizma na 2003-2006 gody» [The decree of the Government of the Chukot Autonomous area 18.11.2002, No. 264 «On approval of the regional target program « Program of tourism development for 2003-2006»]. – URL:<http://www.chukotka.org/> (in Russ.)

19. Postanovleniem gubernatora Primorskogo kraja ot 13.09.1996 g. №500 «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya turizma v Primorskom krae i tselevaya programma «Razvitie turizma v Primorskom krae do 2005 goda» [The resolution of the Governor of Primorsky region from 13.09.1996, No.500 «On

approval of the Concept of tourism development in Primorsky region target program «Development of tourism in Primorsky region until 2005»]// Rossiiskii turistiskii byulleten': Turizm: informatsiya, statistika, analiz (TISA), Gosudarstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii po fizicheskoi kul'ture i sportu [Bulletin of the Russian tourism: Tourism: information, statistics, analysis (TISA) / State Committee of Russian Federation for physical culture and sports]. Moscow, 1996, no.4 (10), pp.42 -52. (in Russ.)

20. Svodnyi spisok organov upravleniya v sfere turizma sub'ektov Rossiiskoi Federatsii po sostoyaniyu na 10.09.2015 [A consolidated list of authorities in the sphere of tourism of the Russian Federation as of 10 .09.2015].– URL: <http://russiatourism.ru/content> (in Russ.)

21. Smirnov A.G., Berestovoj A.A.. 2009. Hodili my pohodami...: ocherki istorii turizma Primorskogo kraja. [We went hiking ...: Essays on the History of Tourism Primorye Territory]. Vladivostok: Russkij ostrov. 2009. (in Russ.)

22. Ukaz Prezidenta Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 10.03.1998, №374. «O vnesenii izmenenii v strukturu respublikanskikh organov ispolnitel'noi vlasti» [The decree of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) from 10.03.1998, No.374 «On amendments in the structure of the Republican bodies of Executive power»] – URL:<http://base.consultant.ru/regbase/> (in Russ.)

УДК 141-333

Е.В. Пилюгина*

ПОСТМОДЕРН В ФОРМАТЕ «НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

В статье исследуется феномен актуализации концепта «Новое Средневековье» в современной западной и российской гуманитарной науке, публицистике, анализируются неосредневековые концепции З. Баумана, У. Бека, У. Эко, оценивается адекватность применения указанного термина для фиксации происходящих социальных изменений и ключевых характеристик «постмодернити». Автор полагает, что одним из наиболее важных признаков реализации неосредневекового формата является феномен панмифологизации реальности, и приходит к выводу о том, что предпосылкой конституирования неосредневекового проекта в современности стало предельное освоение мирового рынка и втягивание в условиях глобализации в специфическую постмодерновую реальность всего мирового сообщества.

Ключевые слова: Новое Средневековье, неосредневековый мир, «новые феодалы», глобализация, панмифологизация реальности, мифологема

Postmodernity in the neo-Middle Ages format. ELENA V. PILYUGINA (Moscow Pedagogical State University)

This article examines the actualization of the “New Middle Ages” concept in the modern Western and Russian humanities and journalism. The author analyzes neo-medieval concepts of Z. Bauman, U. Beck and U. Eco and tries to evaluate how adequate it is to apply the term “neo-Middle ages” to the fixation of ongoing social changes and key characteristics of the postmodernity. The author proves that one of the most important features of the neo-Middle Ages format is the phenomenon of pan-mythologization of reality. The conclusion is made that the prerequisites for the development of the neo-Middle Ages project in modern times can be found in the unlimited development of the world market and the involvement of the entire world community into the postmodern reality driven by globalization.

Keywords: New Middle Ages, «new feudal lords», globalization, pan-mythologization, mythologem

Научная и публицистическая обществоведческая мысль нашего времени отличается лавинообразным внедрением новых терминов (иногда путем переформатирования старых) для обозначения специфических черт современного социума. В результате бурного терминологического творчества уже к концу прошлого столетия понятие «современное общество» определялось как информационная,

симулятивная, ризоморфная, хаотичная, сингулярная, дискурсивная и полинарративная социальная среда, непрерывно деконструируемая из отдельных фрагментов реальности (прошлого и настоящего) посредством языка. Но процесс концептуального оформления новейшего социального пространства продолжается и сегодня. Из сравнительно недавних маркировок актуально определение современного

* ПИЛЮГИНА Елена Владимировна, кандидат философских наук, докторант кафедры философии Московского педагогического университета, директор Территориального центра Российского нового университета.

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru

© Пилюгина Е.В., 2016

этапа развития социума как «Нового Средневековья». Подобное обозначение, хотя и препарированное тем пониманием Средневековья, которое установилось с начала Нового времени, в современных условиях глобализации только на первый взгляд выглядит парадоксальным или провокационным. Проанализируем адекватность и особенности употребления дефиниции «неосредневековый мир» в качестве характеристики современного социального пространства.

Одним из первых черты неосредневековья в мире постмодерна увидел итальянский ученый-медиевист, философ, писатель Умберто Эко [4, с. 258-267]. Показательна сама идея Эко, успешно воплощенная уже в первом романе «Имя розы», – соединить, казалось бы, несоединимое: средневековый стиль и постмодернистский, а также философский трактат, эмпирическое научное исследование и детектив. Показательно и объяснение, которое дает Эко относительно причин, побудивших ученого заняться литературным творчеством: *популяризовать* Средневековье, освободив «само понятие Средневековья от отрицательной ауры, которую создала вокруг него определенно-го рода культурологическая публицистика возрожденческого толка» [4, с. 260].

Какие же условно «средневековые» черты обнаруживает в обществе постмодерна Умберто Эко? Прежде всего, отмечается схожесть той социально-культурной ситуации, которая сложилась в конце Римской истории и в современном обществе: разваливается «огромная мировая империя, мощная интернациональная государственная власть, которая в свое время объединила часть мира с точки зрения языка, обычаев, идеологии, религии и технологии» [4, с. 259]. Империя рушится из-за внутренних причин (чрезмерное усложнение собственной структуры), а также под натиском «варваров», которые «необязательно необразованны, но которые несут новые обычаи и новое видение мира» [4, с. 259], точечными ударами ослабляя политического гиганта на периферии и, внедряясь в его социальную и культурную материю, подтачивая изнутри. Параллели с современностью, по Эко, очевидны: «Что сегодня мы живем в эпоху кризиса Великой Американской империи, стало уже общим местом в историографии нашего времени» [4, с. 261]. Наряду с констатацией общей ситуации втягивания в «Новое Средневековье» У. Эко фиксирует следующие «неосредневековые» черты в политической жизни: децентрализация и общий кризис центральной власти, превратившейся в фикцию, систему абстрактных принципов; клановые отношения, становящиеся преоб-

ладающим типом социальных взаимодействий на некогда ментально однородном пространстве модернистского Города; «вьетнамизация территории», под которой понимается прогрессирующее образование частных военных образований, призванных защищать частные интересы «сильных мира сего» («новых феодалов») в условиях, когда государственная власть слабеет. Опираясь на наемников (современных «варягов»), нефеодалы в лице ключевых акционеров транснациональных корпораций и межгосударственных инвестиционных фондов начинают борьбу за передел мира. Причем, как замечает Эко, распознавая характерные черты так называемых «гибридных войн», в нарушении обычаев, установленных либеральными государствами, войну больше не объявляют, поэтому, никогда не известно, находимся ли мы в состоянии войны» или еще (уже) нет [4, с. 263]. В результате практически нескрываемой деятельности «новых феодалов» с их частными военными корпорациями под подозрением в отсутствии легитимности оказываются не только конкретные государственные структуры, но и власть, и существующие законы как таковые. Так ментальное пространство социума расчищается для принятия новой власти и новых законов.

В плане культурного развития У. Эко отмечает такие признаки неосредневекового взгляда на мир, как акцентировано апокалипсическое мировоззрение, порожденное неуверенностью в завтрашнем дне, изобилующее предрассудками, которые играют роль символических опор в рушащемся и теряющем ориентиры социальном пространстве; гипертрофированная цитатность и ссылка на авторитет: «гуляющие» сегодня по блогосфере афоризмы, якобы принадлежащие известным историческим личностям являются, по сути, той же тактикой идеологов классического Средневековья, апеллировавших к авторитету предыдущих мыслителей, но вкладывавших в их уста собственные мысли по принципу «чем древнее, тем подлиннее». В результате, вся совокупность культурных высказываний выглядит как огромным монологом без различий, с одними и теми же цитатами, стереотипными формулировками, схожей лексикой. Как прозорливо отмечает итальянский ученый, для современности, как и Средневековья, характерна ориентация на зрелищность с тем лишь различием, что сегодня место «каменной книги» – средневекового собора с его фресками и витражами, представляющими сложные сюжеты христианской философии «в картинках», занял Голливуд. В обеих ситуациях, классического Средневековья и постмодернистского нео-Сред-

невековья, происходит иерархизация знания (и, тем самым, стратификация общества на основе доступа к знанию). На одной стороне оказывается культурная элита, в пространстве которой находится место и диспутам, и полилогу, но знания которой объявляются (гласно или негласно) *сакральными*, так как доступ к этим знаниям обеспечивает статусную квалификацию «знающих». На другой – шаблонно мыслящие массы, готовые и привыкшие употреблять дайджесты знаний. Добавим, что особенностью «нео-Средневековья» является то, что знания, информация как таковая вовсе не замалчиваются, не скрываются в неких монастырских библиотеках, а свободно «гуляют» в информационном пространстве. Но в этом и нет нужды – не всякая информация сегодня выглядит как знания, а только та, которая подвергается соответствующей рациональной обработке, другими словами, активируется. Способность сознания индивида к обработке информации, превращения информации в знания, скорость и глубина обработки информации уже стали сегодня стратифицирующими критериями, рассекающими иллюзорно однородное информационное пространство постмодерна на тех, кто способен обрабатывать информацию, кропотливо заниматься поиском, анализировать, и тех, кто довольствуется информацией, представляемой информационными поисковыми системами «в первую очередь», по первым словам и даже буквам заявленного поиска. Наряду с этим культивируются схоластические установки на непрерывную завершенность знания, что приводит к его инструментализации.

Собирательный подход и фрагментарное усвоение предшествующего культурно-исторического наследия классическим Средневековьем, когда бралось на вооружение только то, что можно было переформатировать и интерпретировать, совместив с генеральной линией религиозно-политической идеологии, а остальное игнорировалось или уничтожалось, в лучшем случае, «складывалось в долгий ящик», отличает и составную, мозаичную культуру постмодерна. Социально-культурное пространство постмодерна – пространство «пазловой» действительности, причем под «действительностью» здесь понимается не собственно реальность, а воплощение реальности в неких символах. Ключевым словом в культуре становится «интерпретация». Прошлое также интерпретируется и фрагментируется: фактически неосредневековое мировоззрение, как и классическое средневековое, не предполагает действительное изучение прошлого и проникновение в него. История объявляется подчеркнута необъективной

и представляется большей частью не научными трудами, а, как тонко подмечает У. Эко, «в песнях вагантов», создающих мифические образы исторических героев и событий. Условно «средневековому» обществу нужна не реальная история, а лишь тот образ истории, в котором бы люди с их проблемами и чаяниями находили себя. Такая история выглядит как ретроспекция и оправдание современности. Отсюда и современное увлечение контекстуально средневековыми фэнтези.

Размышления и колоритные зарисовки новой эпохи как нео-Средневековья, представленные У. Эко, оказываются близки взглядам современных социологов. Так, о наступающем «новом средневековье» размышляет немецкий социолог Уильрих Бек [2] в контексте вызовов глобализации, которая, по его мнению, с одной стороны, предстает как естественный процесс делокализации (экономической, информационной, культурной), но, с другой стороны, не отвергает и социальные локализации. Только это – релокализации, в результате которых традиционные устойчивые социальные локальные образования деконструируются могущественными социально-экономическими силами в задаваемом ими ракурсе. С целью создания и дальнейшего расширения глобального «свободного рынка» транснациональные экономические сети разрушают «старые» национальные государства, расчищая тем самым мировое социальное пространство для неограниченного потребления-производства услуг и товаров, то есть для сохранения и воспроизводства себя. Для этого же создаются альтернативные локальные социальные структуры в виде новых государств (или квази-государств), их объединений. Впоследствии эти структуры также будут разрушены, а на их базе созданы новые – и так до бесконечности, ведь неустойчивыми, вечно «молодыми» объединениями всегда легче управлять. Фактически, «...в костюмах и по правилам хорошо знакомых боев за раздел влияния в рамках индустриального общества, разыгрывается битва нового типа: акторы национально-государственные versus транснациональные» [2, с. 34]. Так проявляется, с точки зрения У. Бека, «новый феодализм», где в качестве «сеньоров» выступают инвестиционные фонды и транснациональные корпорации. Их вассалы – целые государства, воюющие уже не ради собственных выгод или гегемонии, а во имя «единого товарного мира», в котором локальные культуры и идентичности заменяются рекламой и имиджными символами товарного мира. Люди же становятся тем, что они покупают или могут купить (стратификация на основе доступа к това-

рам и услугам). У. Бек замечает, что при этом государства (как в виде их политических элит, так и в виде широкой общественности), одурманенные потоком информации, льющемся из подконтрольных ТНК масс-медиа, все еще искренне верят в собственную значимость, не замечая, что игра уже поменялась.

Таким образом, характерная для классического Средневековья диверсифицированная социальная структура в эпоху постмодерна лишь расширяется количественно, охватывая все человечество, глобализируется, оставаясь по сути тем же жестко структурированным, иерархическим, немобильным обществом, ориентиры которого задаются исключительно «сверху». Тем не менее, У. Бек явно не обозначил главный признак и причину воссоздания характерной для Средневековья жестко стратифицированной социально-экономической структуры, где «верхи» и «низы» четко определены, только в качестве «сословий» выступают уже не слои в рамках отдельного национального общества-государства, а целые государства. Эта важнейшая причина, как и в классическом Средневековье, – узкий внутренний рынок. Приходится признать, что современная мировая экономика в определенной степени достигла предела своего развития на планете Земля. Новый импульс и, вероятно, новое Возрождение, могут быть связаны лишь с реальным выходом в Большой Космос, подобно тому, как стимулом первого Возрождения стали Великие Географические открытия. А пока – бесконечные локальные войны с целью новых и новых переделов уже поделенного глобального рынка, *не за изменение системы*, а лишь за то, чтобы оказаться в привилегированных слоях нового общества, заменив одних лидеров другими.

Польско-британский социолог Зигмунд Бауман [1] также отмечает текущее глобальное противостояние между трансгосударственными экономическими структурами, претендующими на то, чтобы быть надгосударственными, и сформировавшимися окончательно в эпоху постмодерна политическими объединениями, в том числе, государствами. Де-юре государства при этом не уничтожаются (исключения вроде Югославии только подтверждают правило); де-факто же они просто аннигилируются как суверенные политические образования, так как «международный капитал кровно заинтересован в слабых государствах», низведенных при этом до положения «... местных полицейских участков, обеспечивающих тот минимальный порядок, который необходим бизнесу» [1, с. 83], но не порождающих опасений, что могут стать эффективным препятствием

на пути свободы глобальных компаний. Так происходит дерегуляция рынка: сегодня уже не государства регулируют рынок, а глобальный рынок в лице транснациональных корпораций регулирует государства и их отношения. Мировая институционально-политическая система трансформируется из прежней системы с акцентом на суверенитет государств как ключевых игроков на политической арене в систему управленческого типа, где правители государств оказываются, по сути, лишь менеджерами транснациональных корпораций.

При этом национальные государства оказываются в двоякой ситуации: квалифицируемые всего лишь как отдельные локальные рынки в глобальном рыночном пространстве, политически безвольные, то есть, не обладающие реальной возможностью осуществлять свою власть на своей территории, выступать гарантом защиты интересов своих граждан, тем не менее, этими гражданами продолжают считаться социально ответственными за все – безопасность, благосостояние. Поэтому критика общества относится именно к государственным структурам, «не желающим» выполнять свои функции. Действительные «хозяева жизни», как «серые кардиналы» политики, остаются за пределами не только критики, но и даже простого внимания граждан. В контексте размышлений Баумана, можно сравнить положение современных национальных государств с тем большей частью символическим положением, в котором оказались на заре классического Средневековья разрушающиеся античные города-полисы: те же минимизированные запросы гражданского общества «хлеба и зрелищ», та же диверсификация городского пространства на «уделы», куда «чужакам» вход воспрещен. Урбанизированное самознание города модерна раскалывается на «гарлемы» и «манхэттэны», фрагментируется, как и все социальное пространство. В результате растет неравенство – межгосударственное, межстрановое, внутрисоциальное, причем главным стратифицирующим фактором, согласно З. Бауману, становится свобода передвижения в границах города. Действительно, толерантность элит проистекает во многом из того, что в реальности они просто не сталкиваются с «чужаками», наблюдая их из окна лимузина и воспринимая в качестве неких этнографических символов. Для широких масс, для социальных низов (а сегодня уже и среднего класса) проблема чужестранцев вполне реальна. Так происходит поляризация свободы и безопасности, и даже права на индивидуальность, и, таким образом, разрушаются базовые принципы либерального мироустройства модерни.

Определяя признаки неосредневековья в структуре современной социальной жизни, З. Бауман полагает, что социальная стратификация и диверсификация, усиление и регламентация социального неравенства вызваны фундаментальными изменениями менталитета. Вслед за У. Эко, Бауман фиксирует в качестве ключевой характеристики нашей эпохи тотальную неуверенность общества и индивида в себе, в окружающем мире, в будущем (в противовес глубокой вере в прогресс, рациональное, поступательное развитие, свободу и права человека, отличавшие общество модерна). В мире «радикального плюрализма» человек вынужден нести бремя индивидуальности, даже когда не имеет на это ни ресурсов, ни сил. В результате люди объявляются индивидами *de jure*, не являясь ими *de facto*. В XX веке человек экзистенциально противостоял обществу во имя сохранения личностного начала, и в таком контексте личностное препарировалось социальным. В современном же постмодернистском мире человек фактически сводит социальное к частному, концентрирует внимание на собственном развитии, сознательно уводя его в сторону от сферы общественного. Так люди стремятся упростить свое положение в чрезмерно сложном мире. Чтобы справиться с собственным одиночеством и неуверенностью, человек переносит свои смутные символические страхи на окружающий мир. Подобная «местечковая» гипертрофия частного, третьестепенного для мирового сообщества, но единственно реального для индивида в эпоху тех виртуальных проблем, о которых без конца вещают СМИ (в виде землетрясений или войн «где-то на краю света», которые то ли есть, то ли нет), предстает как реверсия «частное-реальное» в противовес «глобальному-виртуальному», и обеспечивает для современного индивида экзистенциальную уверенность в собственной реальности. В то же время, «местечковой» психологией легко манипулировать, создавая «индивидуальные крючки», на которые «перепуганные люди могли бы коллективно повесить свои индивидуальные страхи» [1, с. 95].

Подведем итоги сказанному. Несмотря на различия гражданства, жизненного и научного опыта, принадлежности к разным этническим группам культурно-цивилизационного пространства Запада, У. Эко, У. Бек, З. Бауман фактически рисуют один и тот же образ наступающего мира: диверсифицированного, жестко стратифицированного, иерархического, ментально нестабильного и немобильного, с шаблонным мистифицированным и симулятивным мировоззрением. Если добавить, что, не маркируя современный этап социально-

го развития термином «новое средневековье», обозначенные выше черты одного фиксировали и американский социолог И. Валлерстайн [3], и, значительно ранее, русско-американский социолог П. Сорокин, и многие значимые фигуры французской постмодернистской философской волны (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж.-Л. Нанси), то становится очевидной и объяснимой нарастающая популярность концепта «Новое Средневековье».

Несмотря на выявленные обществоведами в современной социальной ситуации черты, напоминающие классическое Средневековье, практика употребления данного термина больше похожа на симуляцию, а сам концепт может быть квалифицирован как мифологема. Поскольку очевидно, что речь идет вовсе не о действительном возвращении в культурно-социальную ситуацию Средневековья, а скорее о возрождении интереса к этой ситуации в призме современности. Именно мифологический характер концепта «неосредневековье», а также мифологизация современного культурно-социального бытия в целом стали важными признаками условно (символически) «нового средневекового» мировосприятия.

Мифологема – не миф, а отдельный фрагмент мифологически воспринятой реальности. Мифологическое восприятие апеллирует к подсознанию, акцентирует эмоциональную составляющую картины мира, эксплуатирует социально значимые переживания, которые оставляют драматические исторические события, как правило, связанные с зарождением и выживанием сообществ – травмы истории на «теле» этносов. Мифологическое восприятие реальности формируется тогда, когда целостную и цельную относительно однородную картину мира (миф) разделяют, раскалывают на кусочки, отдельные фрагменты реальности. И затем заново складывают. Но в такой мозаичной реальности цельность бытия уже навсегда утрачена, а восприятие мира навсегда расколото.

Отметим, что практика контроля над реальностью через создание искусственных фрагментированных образов восприятия реальности, апеллирующих одновременно и к разуму, и к глубинным бессознательным переживаниям, внедрения их в массовое сознание, была опробована именно в Средние Века, хотя, конечно, и не так широко, как в современности. Реальность при этом становилась двухслойной: слой повседневной реальности и более важный, значимый слой реальности внедренных образов-знаков – сверхреальности. При таком «слоистом» мировосприятии человеческое сознание находится постоянно на грани, маргинализируется, становится нестабильным, а значит –

легко управляемым. Фактически, средневековое общество было не таким взаимосвязанным и динамичным, предоставляя возможность социальным манипуляторам производить эксперименты в локальном пространстве и в длительной перспективе. В условиях же глобализации социальное пространство расширяется, а социальное время ускоряется, поэтому последствия подобных социальных экспериментов наступают уже завтра, а не через поколения, как ранее, и тут же принимают характер глобальных проблем. Таким образом, современный мир от классического Средневековья отличается, прежде всего, динамикой и масштабностью социальных последствий. Это уже не двухслойный относительно социально стабильный мир, но мир многослойный, неструктурированный, ментально и социально нестабильный, сингулярный, в котором отдельные слои реальности плавно переходят друг в друга по принципу «ленты Мебиуса». Важно также подчеркнуть, что введение в оборот самого термина «средние века» для характеристики современной социальной ситуации предполагает переходный характер данного периода, или, по крайней мере, бытующее преобладающее представление о временности потрясений, но и об их неизбежности. Грядет «эпоха перемен» – время культурной революции, призванной окончательно изжить принципы модерна и создать «новый старый мир»: многополюсный, идеатический, авторитарный, с условно «цехо-

вой» структурой ограниченного рынка, подчеркнуто регрессивный и мифологемный, с акцентом на социальную идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258-267.
5. Beck, U., 1999. What is globalization? Cambridge: Polity Press.

REFERENCES

1. Bauman, Z., 2005. Individualizirovannoe obshchestvo [The individualized society]. Moskva: Logos. (in Russ.)
2. Beck, U., 2001. Chto takoe globalizatsiya? [What is globalization?]. Moskva: Progress-Traditsiya. (in Russ.)
3. Wallerstein, I., 2003. Posle liberalizma [After liberalism]. Moskva: Editorial URSS. (in Russ.)
4. Eco, U., 1994. Srednie veka uzhe nachalis? [The Middle Ages has already begun?], Inostrannaya literature, no. 4, pp. 258-267. (in Russ.)
5. Beck, U., 1999. What is globalization? Cambridge: Polity Press.

М.В. Шкурова*

ПРОБЛЕМА МИФА В «ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ» Э. КАССИРЕРА**

Статья посвящена проблеме мифа у немецкого философа-неокантианца Э. Кассирера. В центре внимания автора – проблема мифа и его реабилитации, основной предмет исследования «Философия символических форм» Э. Кассирера (Т. 2). Кроме того, затрагивается проблема перехода Э. Кассирера от критики научного знания к критике наук о духе.

Ключевые слова: немецкая философия, Марбургская школа, миф, позитивизм, романтизм

The problem of myth in «The philosophy of symbolic forms» by E. Cassirer.
MARIA V. SHKUROVA (Moscow Pedagogical State University)

The article deals with the issues of myth, mythological thinking and humanities in Ernst Cassirer's "Philosophy of the symbolic forms" (Vol. II). The author's aim is to show Cassirer's evolution from the scientific rationalism of the Marburg School to a wider concept of rationality embodied in the mythological forms of thinking and consciousness.

Keywords: German philosophy, Marburg School, myth, positivism, romanticism

Проблема, которая ставится Э. Кассирером (1874-1945) в самом известном его труде – трехтомной «Философии символических форм» (1923-1829) – в общем виде сводится к следующему вопросу: какие формы познания находятся вне науки, будучи, тем не менее, именно формами познания? Соответственно выступает проблема обновления научного метода: каким образом научно, рационально подойти к пониманию именно «ненаучных», не «рациональных» форм мышления и познания?

Отвечая на свой вопрос, Кассирер явным образом хочет уйти от отождествления рационализма и рациональности. Он находит решение, обратившись к специфике мышления, где господствует символ как специфический тип рациональности, не научной, но иной. Речь идет о символическом мышлении, которое отечественный исследователь С.С. Аверинцев удачно, на мой взгляд, назвал

«инонаучным» [1, с. 157]. На этом пути Кассирер обращается к мифу – предельно ненаучной форме мышления. Проблема, интересующая Кассирера в связи с мифом в 1920-е гг., это вопрос мифологической реальности и мифологического осознания объективности. Не является ли «мир мифа» – в отличие от мира познания, мира искусства и мира нравственных поступков – миром «видимости» (Schein)? Кассирер выделяет две исторических тенденции в отношении философии к мифу. С одной стороны, история философия, начиная, по крайней мере, с Парменида, всегда была борьбой с мифом (как с донаучным знанием); с другой стороны, начиная с немецких романтиков и в особенности с Шеллинга [7], в философии и гуманитарных науках XIX-XX вв. постепенно усиливалась реабилитация мифа, казалось бы, давно похороненного, принадлежащего прошлому [6].

* ШКУРОВА Мария Васильевна, аспирант кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: repka-wooster@mail.ru

© Шкурова М.В., 2016

**Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект №16-03-00687.

Э. Кассирер посвящает проблеме мифа второй том (1925) своего трехтомного труда «Философия символических форм» (1923-1929). В предисловии он пытается «оправдаться» перед Кантом (ведь для кантианства познание – это только научное познание) и объяснить причины того, что миф должен быть изучен и понят.

Согласно Э. Кассиреру, миф – изначальная символическая форма, из которой происходят все другие символические формы – наука, язык, искусство; поэтому специфика и логика мифа существенным образом связана с логикой всех гуманитарных наук. Кассирер оппонирует обеим вышеупомянутым тенденциям отношения философии к мифу. При этом он не отвергает, но критически переосмысливает феномен мифа как предмет научно-философского анализа, избегая крайностей как рационализма Просвещения, так и романтического и постромантического иррационализма.

Против первой тенденции Кассирер утверждает, что исторически и систематически философия сопричастна мифу постольку, поскольку она самоопределяется через встречу не с «природой», но с мифом, не с «вещами» и «свойствами», но с «мифологическими силами и эффектами» [4, с. 14]. Даже когда философия (логос) освобождается от мифа и становится автономным исследованием в понятиях, то и тогда философия «...не в состоянии непосредственно отделить понятие мира от его духовных первооснов (Urgrund) и материнской почвы (Mutterboden)» [4, с. 14]. Так, например, понятие «архэ» («начало», «первоначало»), строго говоря, находится на «границе между мифом и философией», но здесь нет какого-то абсолютного отграничения, скорее это «точка перехода и неразличения» [4, с. 14].

По мере того, как оба «мира» – мифа и логоса – исторически отделялись друг от друга, в научной философии и религиоведении все больше заявляла о себе тенденция – «утвердить один из них в качестве предварения другого и тем самым оправдать его» [4, с. 15]. Согласно этой точке зрения, миф есть некоторая образная фикция, фантазия, но такая, которая заключает в себе некоторое рациональное зерно, «рационально познаваемое содержание – его-то и следует извлечь из фактического разнообразия мифологическим образом в качестве подлинного ядра мифа» [4, с. 15]. Так, по мысли Кассирера, возник «аллегорический» метод (сравнение понятий посредством образов), начиная с V века до н.э., т.е. с эпохи греческого «Просвещения»: миф – это облачение, которое надо «снять», т.е. переложить на понятный язык софистики и

риторики – язык «популярной философии». Против этой тенденции, по мнению Кассирера, выступил уже Платон как оппонент софистов: миф у него – «определенная и необходимая на своем месте функция постижения мира» [4, с. 16]. В этом направлении, но, конечно, на других философских основаниях, понимает свою задачу исследования и критики мифа сам Э. Кассирер, который отмечает, что, начиная со стоиков и неоплатоников, истолкования мифа свернули «на старую дорогу спекулятивно-аллегорического толкования мифа» [4, с. 16], и это стало наследием и традицией как Средневековья, так и Возрождения.

Согласно историко-систематическому рассмотрению феномена мифологического мышления – предварительного анализа, на основе которого Э. Кассирер формулирует проблему и задачу своего исследования, – миф снова становится проблемой философской и научной мысли уже в Новое время, но теперь уже существенно по-новому, а именно – под углом зрения сознания, субъективности; миф теперь понимается как «некоторая изначальная тенденция духа» [4, с. 16]. По замыслу автора, «Философия символических форм» в целом – это попытка «представить миф как единую энергию духа» [4, с. 246]. Как это понимать?

Философ говорит о категориях мифологического мышления не как о застывших «схемах духа», но как о направлении развития мифа. Кассирер пытается увидеть за множеством мифологических образов «единую творящую силу и закон, по которому эта сила действует». Функция мифологического творчества порождает все новые образы, миф не может выразить себе иначе, как через мир образов. Кассирер, таким образом, рассматривает миф как определенную «духовную» форму в общем проблемном контексте гуманитарных наук («наук о духе»). Тем самым проблема «мифа» (как и всех других «символических форм») явным образом переносится в плоскость социально-исторического опыта, того, что в немецкой традиции называется «духовной историей» (Geistesgeschichte). В данном контексте Э. Кассирера, как уже говорилось, интересует в первую очередь история взаимоотношений философии с мифологией.

Согласно Э. Кассиреру, подлинным инициатором философии мифологии (как и философии языка) Нового времени был итальянский мыслитель и ученый Джамбаттиста Вико (1668-1744), который увидел в мифе не предварительную стадию научно-рационального мышления, но составную часть духовной деятельности вообще, а именно – триединство языка, искусства и мифа [4, с. 16]. Но систематической ясности и полноты

проблема мифа, на взгляд Э. Кассирера, достигла только на рубеже XVIII-XIX вв., в исторический момент социальной, как и научно-философской, революции, а именно – «в основах науки о духе, заложенных философией романтизма» [4, с. 16]. Кассирер ссылается на знаменитый фрагмент «Первой программы системы немецкого идеализма» (1796), записанный рукой Гегеля, озаглавленный и прокомментированный Ф. Розенцвейгом в 1917 году [2, с. 211-213]. В центре этого документа, представляющего собой коллективное авторство трех студентов Тюбингского теологического института – Шеллинга, Гегеля и Ф. Гельдерлина, – идея «мифологии разума», сформулированная (как предположил Ф. Розенцвейг, за которым в этом отношении следует и Кассирер) скорее всего, Шеллингом.

Согласно Э. Кассиреру, лекции по «философии мифологии» Шеллинга знаменуют собой радикальный поворот в истории осмысления мифа и мифологического сознания – поворот к «чистому качеству и содержанию мифа» [4, с. 17], в противовес прежним аллегорическим, психологизированным интерпретациям. Именно Шеллинг радикально переосмыслил взаимоотношение между «мифом» и «разумом»: в более или менее презируемом рационалистической философией мифологическом мышлении, «...в этом кажущемся неразумии надо открыть разум, в этой кажущейся бессмыслице – смысл, причем не так, как пытались делать прежде, когда, рискуя считать что-то разумным или осмысленным, именно это провозглашали существенным, все же остальное объявляли случайным, относящимся к облачению или искажению сущности» [7, с. 265]. Но и подход Шеллинга к мифологическому мышлению тоже не удовлетворяет Э. Кассирера.

По мысли Кассирера, «идеалист» Шеллинг, хотя он исходит из Канта, но уходит от Канта в спекулятивный идеализм. Шеллинг важен не потому, что он «решил» проблему мифа, но потому, что он ее по-новому поставил: «Не предметное содержание мифологии, а интенсивность, с которой оно переживается, с которой в него <...> верят, – вот что составляет проблему», – утверждает Кассирер [4, с. 18]. Иначе говоря, «чистым качеством и содержанием» мифа оказывается уже не то, о чем миф, не его предметное содержание, но характер или, как еще говорит Э. Кассирер, «феноменология» внутреннего взаимоотношения между предметом рассказа (греческое слово «миф», как известно, и означает «рассказ», «фабула») и мифологическим сознанием.

В отдельном примечании [4, с. 39] Э. Кассирер отмечает роль феноменологии Э. Гуссерля в

современной философии: феноменология вернула остроту зрения при восприятии разнообразия духовных «структурных форм» и указала для их анализа новый путь постановки вопроса и методологии. Уместно отметить здесь общий для неокантианства и феноменологии пункт – отталкивание от «психологизма», т.е. от психологического размывания смысла «феноменов», с которыми имеет дело творческое (конструктивное) сознание. Кроме того, для Кассирера особое значение феноменология имеет постольку, поскольку она не ограничивается анализом познания, но переносит свое основное открытие «интенционального» (знакового и значимого) характера сознания на совершенно различные предметные области бытия и культуры.

Эпохальное достижение лекций по «философии мифологии» Э. Кассирер видит в том, что Шеллинг – первый, кто понял отношение человека и сознания к богам или к Богу как нечто совершенно реальное и активное, тогда как «вся предшествующая философия знала только “религию разума”, а всякое религиозное развитие понимала как развитие в идее, т.е. в представлении и мышлении» [4, с. 21]. Это соображение не только подводит Кассирера к собственной постановке проблемы «мифологического мышления»; здесь любимый ученик Г. Когена тактично, но твердо размежевывается со своим философским наставником, чей посмертно опубликованный труд назывался «Религия разума из основ иудаизма» (1918), а отчасти расходится он и с кантовским пониманием религии «в границах только разума» [3].

Э. Кассирер, таким образом, размежевывается с классическим рационализмом внутри собственной (неокантианской) традиции, но не для того, чтобы поддаться иррационалистической тенденции, а для того, чтобы – и такова, можно сказать, сверхзадача всей его трехтомной «Философии символических форм» – распространить принцип рациональности за пределы «рационализма» и за пределы чисто теоретического мышления.

Итак, в своей постановке проблемы «мифологического мышления» Э. Кассирер дистанцируется как от «религии разума» в понимании Г. Когена, так и от «мифологии разума» в духе немецкого идеализма и романтизма (включая эпигонов и продолжателей «иррационализма» Шеллинга в современной Кассиреру «философии жизни» XX в.). Другими словами, автор «Философии символических форм» оказывается не «по ту», а «по эту» сторону философии Канта, в которой установка на «критику» познания отчетливо и принципиально противостоит всякой метафизике и всяким «духо-

видам», одержимым идеей абсолютного знания, безотносительного к «опыту». Проблема «мифологического мышления» формулируется Э. Кассирером в виде следующего вопроса: «Каким же может быть “опыт”, с чьей помощью была бы подтверждена достоверность мира мифа и который бы дал мифу возможность удостоверить свою в некотором роде объективную истину, предметную релевантность?» [4, с. 23].

Ставя вопрос таким образом, философ отчетливо сознает историко-систематическое место, которое занимает его «критический метод» в истории изучения мифологии. Это место – «между метафизически-дедуктивным и психологически-индуктивным методом» [4, с. 24], т.е. между спекулятивной философией начала XIX в. и «этнической психологией»¹ второй половины XIX в. В более общей историко-систематической связи Кассирер помещает проблему «мифологического мышления» между метафизикой и психологизмом, не желая делать уступок ни той, ни другой форме мышления – и постольку оставаясь верным Канту и неокантианству.

Свой подход к мифологическому сознанию Э. Кассирер определяет как «критическую феноменологию» [4, с. 26], противопоставляя его, с одной стороны – философскому идеализму Шеллинга, с другой – «антропологическому» подходу, наиболее отчетливо представленному в философии религии Л. Фейербаха (1804-1972). Если для Шеллинга мифология истинна постольку, поскольку она выражает «реальное отношение человеческого сознания к богу» [4, с. 25] (богу-абсолюту, который только меняет форму своего бытия), то Фейербах и его последователи, по мысли Кассирера, за объяснительный принцип принимают «эмпирически-реальное единство *человеческой природы*» [4, с. 26]: в мифе и в религии, по Фейербаху, человек проецирует на бога и высшие силы свои собственные нереализованные силы и потребности. В противоположность обеим этим тенденциям, Э. Кассирер понимает миф как актуальную «форму или функцию» человеческого сознания. Миф не абсолютная истина, но и не разложение истины в антропологии и психологии. Объективность мифа – не в наивном отражении «действительности», но в «особом типичном способе построения образа, в котором сознание выходит за пределы простого воспроизведения чувственных впечатлений, а начинает противостоять ему» [4, с. 27]. Мифологическое мышление, таким образом, – это относительно

самоценная творческая форма «духа», не укрошенная историей и цивилизацией.

Этот ход мысли важен с точки зрения последующего понимания мифа Кассирером, находящимся уже в эмиграции в 1930-1940-е гг., когда «мифологическое мышление» обнаружило в тоталитарных режимах эпохи свои деструктивные, антикультурные и античеловеческие возможности.

В плане эпистемологии гуманитарных наук постановка проблемы мифологического мышления Э. Кассирером противостоит, с одной стороны, иррационалистическим попыткам рассматривать миф как некую абсолютную форму мышления, растворяющую в себе все другие формы мышления (науку, искусство, нравственность), а с другой стороны – позитивизму и «сциентизму», вообще линейно-прогрессистскому пониманию взаимоотношения мифа и науки, прошлого и настоящего и т.п.

Кассирер в своей постановке вопроса ссылается еще на одного философа XIX в., на О. Конта с его концепцией «трех стадий» познания. Проиллюстрируем в заключение парадокс, к которому привела, по мысли Кассирера, попытка Конта оставить миф в прошлом в перспективе светлого будущего, в котором, по его мнению, станет возможным научно управлять миром совершенно рационально и научно ради свободы «человечества».

Согласно О. Конту, человечество проходит три стадии своего развития: «теологическую», «метафизическую» и «позитивную». Цель науки, по Конту, состоит в исследовании законов, ибо только знание законов дает возможность предвидеть события, направить нашу активность по изменению жизни в нужном направлении [5, с. 186]. Основной целью «позитивизма», как его понимает Конт, является отделение строгой науки от примесей мифологии и метафизики. Наука Нового времени, по Конту, преодолела миф – по мнению Э. Кассирера, это далеко не так: «...оказывается, что борьба, которую теоретическое познание, как ему казалось, победоносно завершило, постоянно разгорается вновь. Теперь познание обнаруживает противника, казалось бы, побежденного навсегда, уже в своих собственных рядах» [4, с. 11].

Ошибка Конта, считает Кассирер, позволяет понять миф не в узко историческом смысле, а как вечный элемент познания. Сознание способно преодолеть только то, что постигло, а не просто выдвинуло за свои пределы. Наука должна уберечь себя от растворения в мифе; миф – интуитивная форма познания и постольку он остается вечным соперником, не преодолит

¹ Термин «этническая психология» принадлежит Г.Г. Шпету [8].

мым наукой, которая сама никогда не свободна от внерациональных элементов, которые могут подпитывать, но могут и разрушать научно-философское мышление.

Таким образом, можно сказать, что Э. Кассирер уже в 1920-е гг. поставил проблему мифа в том виде, в каком он будет развивать ее, в модифицированном виде, в последующем своем творчестве. С одной стороны, он говорит о необходимости преодоления мифа средствами научного познания, но с другой стороны – о необходимости сохранения мифа как той «инонаучной», интуитивной, «слишком человеческой» сферы или среды, которая питает также и научное познание как в гуманитарных науках, так и в естествознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Символ // Аверинцев С.С. София-Логос: Словарь. Киев, 2001.
2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
3. Кант И. Религия в пределах только разума (1793) // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78-278.
4. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. Т. 2 / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
5. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: В 4 т. Т. 4: От романтизма до наших дней. СПб.: Пневма, 2010.
6. Резвых П.В. Дискуссии о мифологии в романтической *Altertumswissenschaft* (препринт). М.: ВШЭ, 2012.
7. Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 159-386.
8. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию (1927) // Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis: Избранные психолого-педагогические труды* / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2006. С. 417-500.

REFERENCES

1. Averintsev, S.S., 2001. Simvol [Symbol]. In: Averintsev, S.S., 2001. *Sofiya-Logos: Slovar*. Kiev. (in Russ.)
2. Gegel, G.V.F., 1970. *Raboty raznykh let: V 2 t* [Works of different years: in 2 volumes]. Vol. 1. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
3. Kant, I., 1980. *Religiya v predelakh tol'ko razuma* (1793) [Religion within the limits of reason alone (1793)]. In: Kant, I., 1980. *Traktaty i pisma*. Moskva: Nauka. (in Russ.)
4. Cassirer, E., 2002. *Filosofiya simvolicheskikh form: V 3 t*. [Philosophy of symbolic forms: in 3 volumes]. Vol. 2. Moskva, Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
5. Antiseri, D. and Reale, G., 2010. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei* [Western philosophy from the beginnings to the present day]. Vol. 4. Sankt-Pereburg: Pnevma. (in Russ.)
6. Rezvykh, P.V., 2012. *Diskussii o mifologii v romanticheskoi Altertumswissenschaft* (preprint) [Discussions about the mythology in romantic «science of antiquity»]. Moskva: VShE. (in Russ.)
7. Shelling, F.V.J., 1989. *Vvedenie v filosofiyu mifologii* [Introduction to the philosophy of mythology]. In: Shelling, F.V.J., 1989. *Sochinenia: V 2 t*. Vol. 2. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
8. Shpet, G.G., 2006. *Vvedenie v ehtnicheskuyu psikhologiyu* (1927) [Introduction to ethnic psychology]. In: Shpet, G.G., 2006. *Philosophia Natalis: Izbrannye psikhologo-pedagogicheskie trudy*. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

И.А. Шульмин*

ПОНЯТИЕ «СКЛАДКА» В ТВОРЧЕСТВЕ М. МЕРЛО-ПОНТИ И Ж. ДЕЛЁЗА И ЕГО КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ В. АБДРАШИТОВА И С. ЛОБАНА)**

В статье рассматривается понятие «складка» в его историко-философской перспективе на примере творчества М. Мерло-Понти и Ж. Делёза, подчёркивается ключевое значение «складки» для понимания трансформации философии неклассической (в данном случае феноменологии) в постнеклассическую (постструктурализм). Если в философской системе М. Мерло-Понти данное понятие работает на преодоление субъект-объектной парадигмы при сохранении категории субъекта, то в философской системе Ж. Делёза «складка» обретает категориальный статус и выступает новой формой субъективности. В качестве иллюстраций автором использованы художественные фильмы В. Абдрашитова и С. Лобана как концептуальные образы разбираемого понятия.

Ключевые слова: складка, дискурс, история философии, феноменология, постструктурализм, Ж. Делез, М. Мерло-Понти

The concept of the fold in the works of Merleau-Ponty and Deleuze and its cinematic projections (the case of films by V. Abdrashitov and S. Loban). IGOR A. SHULMIN (Far Eastern Federal University)

The article studies the concept of the fold (*le pli*) from the point of the history of philosophy in the context of works of such philosophers as M. Merleau-Ponty and G. Deleuze, stressing the key value of the fold for understanding the transformation of unclassical philosophy (phenomenology) into post-non-classical (post-structuralism). In the philosophy of M. Merleau-Ponty the given concept is aimed at overcoming the subject-object paradigm while the subject category is maintained. However, in the system of G. Deleuze the fold acquires the categorical status and appears as a new form of subjectiveness. The author uses the films by V. Abdrashitov and S. Loban as an illustrative material in which the analyzed concept takes a form of conceptual images.

Keywords: fold, discourse, history of philosophy, phenomenology, post-structuralism, Deleuze, M. Merleau-Ponty

Качественное усложнение социокультурных процессов, протекающих в информационном обществе, неизбежно ставит перед исследователями вопросы теоретико-методологического характера. Так, осмысление визуализации культуры требует

нестандартных научных и философских подходов, среди которых одним из наиболее перспективных представляется концепт «складка».

В современном философском дискурсе понятие «складка» справедливо ассоциируется с име-

* ШУЛЬМИН Игорь Александрович, аспирант кафедры философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: 6ia1987@gmail.com

© Шульмин И.А., 2016

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МД-7135.2016.6.

нем Жюль Делёза, который, по сути, придал ему категориальный статус в своём позднем творчестве [5]. При этом важно подчеркнуть, что сам концептуальный образ «складки» не нов в истории западноевропейской мысли: его разрабатывал не только упомянутый Делёзом Г. Лейбниц, но и современники французского философа – М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Деррида [16, 18]. В настоящей статье мы проследим эволюцию смыслов данного понятия, сопоставив его интерпретацию в философских системах Мориса Мерло-Понти и Жюль Делёза, используя в качестве иллюстраций художественные фильмы Вадима Абдрашитова и Сергея Лобана.

М. Мерло-Понти (1908–1961) известен прежде всего как феноменолог, развивший концепцию «позднего» Гуссерля о «жизненном мире» [2, с. 81]. Последняя, по замыслу основателя феноменологической школы, была призвана вывести учение из «солипсистского тупика» философии сознания. Основной тезис концепции можно сформулировать так: «жизненный мир» конституирует трансцендентальную структуру субъекта, но не наоборот. Теоретическая новация французского философа состоит в тематизации идеи интерсубъективности в данной концепции: «Говоря, что ключевой темой философии Мерло-Понти является взаимоотношение человека и мира, следует иметь в виду, что эта тема неразрывно связана со взаимоотношениями человека и человека, с тем, что обозначается термином «интерсубъективность»» [4, с. 584].

«Другой» – это не объект познания наряду с вещами (позитивистский подход), но и не *alter ego* субъекта (идеалистический подход), он находится как бы «между» субъектом и объектом: «Критикуя субъект-объектную парадигму, М. Мерло-Понти, однако, не отказывается от понятий субъекта и объекта, а подвергает их переосмыслению. Философ рассматривает субъект и объект не просто как взаимодействующие и взаимообусловленные феномены, но как две части единого целого, которые, что немаловажно, являются вторичными по отношению к этому целому» [1, с. 99]. Речь, таким образом, идёт не о новом, более изощрённом, понимании отношений субъекта и объекта, а об их сложном «переплетении», или «складке». «Я» и «другой», воспринимающий и воспринимаемый, создают перцептивную «складку» «наподобие того, как в двух стоящих друг против друга зеркалах рождаются две бесконечные серии вложенных друг в друга образов, которые в действительности не принадлежат ни одной из этих поверхностей, так как каждый образ является всего лишь отве-

том на другой и образует с ним пару куда более реальную, чем каждый образ по отдельности» [15, с. 201]. «Я» и «другой», создавая перманентную «складку», образуют, согласно Мерло-Понти, плоть мира.

Прекрасной иллюстрацией данной концептуальной схемы, на наш взгляд, является фильм «Охота на лис» (1980) режиссёра В.Ю. Абдрашитова (род. 1945). Картины мастера «...начиная с идеологии киноизображения, включения минимальной технической агрессивности, последовательного монтажа, – в подтверждение вышесказанного замечает К.З. Караева, – использованы как прозрачная сетка для изучения характера, проникновения в сознание «испорченного» тоталитарным «нельзя» человека и интерпретации мира, микромира (или индивидуального сознания. – прим. авт.), справедливо претендующего на расширение до макродействительности вокруг него (или плоти мира – прим. авт.)» [12, с. 117].

«В фильме «Охота на лис» герой в момент трудного жизненного выбора (выступить свидетелем, дабы избившие его в парке подростки понесли заслуженное наказание, или промолчать, вопреки голосу совести и жизненной позиции, но оставить «чистой» биографию подростков) не смог пойти против своего понимания справедливости. Но, как ни странно, именно это вызывает в нем труднейшую внутреннюю борьбу, пожалуй, впервые ставит беспощадный вопрос: правильно ли он живёт?..» [11, с. 215]. Канва фильма с точностью повторяет канву экзистенциалистских романов: главный герой попадает в «пограничную ситуацию», которая выводит его в «открытость бытия». Однако композиция картины многослойна, и экзистенциальному уровню предшествуют социальный и психологический, которые, на наш взгляд, выполняют роль т.н. ложных сюжетных ходов. Прочтение фильма соответствует движению мысли в рамках феноменологической редукции.

Первый уровень: криминальная социальная драма.

На данном уровне выстраиваются чёткие субъект-объектные отношения в контексте социальной реальности: есть главный герой Виктор Белов, образцовый рабочий завода («на доске почёта вишу»), жертва, и его обидчики – комсомольский активист Костя Стрижак и студент ПТУ Володя Беликов. Действие фильма разворачивается в т.н. «застойные годы», мы имеем дело с позднесоветским обществом «развитого социализма». В последнем классовая борьба в хрестоматийном марксистском смысле отсутствует, однако уже звучат тревожные нотки расслоения общества: у

родителей Стрижака есть деньги на адвоката, и он получает условный срок, у Беликова их нет – он исключён из ПТУ и отправляется в колонию для несовершеннолетних. Белов не может смириться с проявлением социальной несправедливости и начинает посещать своего обидчика в тюрьме. Впрочем, это лишь внешняя причина, «зацепка», которую вдумчивому зрителю следует «редуцировать».

Второй уровень: психологическая мелодрама.

На данном уровне выстраиваются субъект-субъектные отношения между главным героем и его женой Мариной. Семейный кризис, первоначально воспринимаемый супругой как реакция на происшествие в парке, обусловлен иными причинами. Марина подозревает мужа в измене и предпринимает попытки «встряхнуть» отношения, заводит разговоры о втором ребёнке, но Виктор остаётся глух к доводам жены.

Чем же обусловлен внутренний кризис главного героя? Для ответа на этот вопрос нужно заключить его «социально-психологический мир» в скобки.

Третий уровень: экзистенциальная драма.

При первом приближении Белов и Беликов находятся по разные стороны «баррикад»: первый – жертва, второй – преступник, первый – рабочий, второй – студент ПТУ и т.д. Однако по мере развития действия становится очевидно, что социально-психологическое противопоставление персонажей лишь «ширма» («социальная одежда», как выразился в одном из интервью сценарист фильма А. Миндадзе), и при более глубоком рассмотрении мы имеем дело не с антитезой, а со «складкой». На последнее намекает созвучие фамилий персонажей. Не случайно Белова ошибочно принимают за родственника Беликова, когда он приезжает навестить последнего в колонии.

Белов – это перспективный взгляд на Беликова, Беликов – это ретроспективный взгляд на Белова. В кульминационный момент фильма – эпизоде в комнате длительного свидания – происходит взаимное всматривание персонажей с «зеркальной проекцией». Эффект «складки» усиливается мизансценой: герои сидят на кроватях друг против друга, происходит общение, которое мы не должны понимать в бытовом смысле: «Общение – способ личностного бытия и имманентное условие свободы, поскольку общение предполагает взаимную открытость. <...> Это и значит, что только в открытом переходе формы субъективности в другую субъективность она осуществляет себя, осуществляет себя как свободу. Общение феноменально, и в этом смысле наглядно показывает,

что значит свободное бытие. Подлинное личное общение предполагает некое забвение себя, забвение в Ближнем» [21, с. 56]. Другими словами, общение выступает в данном случае как экзистенциал бытия.

«Верись, нет, почище тебя был. Армии спасибо, там мне мозги вправили. Вернулся другим человеком. <...> На завод пришёл, женился. Квартиру дали, зарплата. Сын растёт. Спортом, “Охота на лис” – слышал такой? – Первый разряд. В общем, нормально, всё как у людей», – словесный автопортрет Белова, который больше напоминает аутопортрет, нежели исповедь. Не случайно, он так мнительно следит за реакцией своего визави и видит в ней злую иронию. Человек напротив – это не Беликов, это «другой», образующий с Беловым бесконечную серию «складок», взаимных наложений. Кто смеётся над Беловым? Беликов, а может быть, сам Белов? Или речь идёт о коллективном Беликове и коллективном Белове? Возникает напряжённая «амальгама смыслов», воспринимающий и воспринимаемый образуют «единую перцептивную ткань» [18].

В завершение разговора о фильме отметим, что подобный художественный приём «зеркальной проекции» типичен для ранней творческой манеры тандема Абдрашитов-Миндадзе. Так, в их первой совместной киноработе «Слово для защиты» (1976) молодая адвокатесса, разбирая дело своей подзащитной, совершившей отчаянное покушение на убийство возлюбленного, понимает, насколько блёклы её чувства к жениху на фоне этой «шекспировской» истории любви, и отказывается от замужества. В картине «Поворот» (1978) молодожёны насмерть сбивают пенсионерку, а потом, знакомясь с родственниками погибшей и обстоятельствами её жизни, проясняют собственные отношения.

В последнем на момент написания статьи фильме «Магнитные бури» (2003) Абдрашитов смещает фокус внимания с характеров персонажей на дискурс власти как таковой. По сюжету в провинциальном городке два бизнесмена претендуют на завод, и его рабочие, подверженные неясным «магнитным бурям», разделяются на два противоборствующих лагеря и устраивают по ночам потасовки. Главные герои картины – семейная пара Валера и Марина, «которых, как песчинки, подхватывают, вихрят и разбрасывают в разные стороны все эти “магнитные бури”» [13], – условны в своей психологической прорисовке. Автор делает акцент не на «складке» сознания персонажей (обида жены на мужа из-за его участия в ночных боях, разлад в отношениях, взаимное от-

чуждение и т.д.), а на «складке» «внешней», «событийной». Герои обретают своё «Я», свой «характер» исключительно в контексте перипетий на заводе, погружаясь в его «дискурс».

Таким образом, в данном фильме мы сталкиваемся с другим видом «складки», «складкой» как событием. Для детального рассмотрения последней необходимо обратиться к творчеству Ж. Делёза.

Философская система Жюль Делёза (1925-1995), являясь постнеклассической и антиметафизической, отказывается от традиционных для западной метафизики установок и принципов. В первую очередь это касается идеи бытия как чего-то трансцендентного (трансцендентального), постоянного, вечного. Бытие, согласно мыслителю, – это Единое-в-расходящихся-сериях, мир постоянного становления, т.н. «хаосмос».

В этой связи для философии Делёза характерны два методологических лейтмотива: последовательные антиплатонизм и антигегельянство. Так, французский философ, с одной стороны, призывает «низвергнуть платонизм», а с другой – категорически заявляет: «В первую очередь я ненавижу гегельянство и диалектику» [8, с. 17]. Разберём подробнее оба лейтмотива.

Антиплатонизм Делёза выражается в отказе от противопоставления идеального и реального, иерархической связи между образцом (Идеей) и копиями (симулякрами). «Низвергнуть платонизм, – уточняет философ, – значит заставить симулякры подняться к поверхности, утвердить их права» [6, с. 340]. И далее заявляет: «Симулякр – вовсе не деградировавшая копия. В нём таится позитивная сила, отрицающая как оригинал и копию, так и модель и репродукцию» [6, с. 341]. Другими словами, Делёз утверждает позитивный смысл симулякров, «сущность» которых не в сущности, а в со-бытии-с-Единым. Бытие едино и однозначно, у него множество форм (имён), но все они равны и не имеют исключительного статуса.

Антигегельянство французского мыслителя проявляется в решительном отказе от диалектического метода, в частности от понятия как основной формы философского мышления. «Так, Делёз не берётся говорить о реальном как о внешнем референте (о вещи, человеке, истории, о том, что есть). Он производит философское реальное. Философская деятельность это и есть то самое производство. Для него создавать концепт не значит вдыхать категориальность в эмпирию: это значит конструировать чистый, автономный универсум, *ordo* и *conplexio*, не подражающие иному, не представляющие и не обозначающие его, но произво-

дящие по собственным меркам», – отмечает известный французский философ Ж.-Л. Нанси [17]. С ним соглашается профессор Я.И. Свирский: «Понятие конституирует область трансцендентного, с которой Делёз связывает не критическое принятие регулятивных норм и правил, не только ограничивающих творческие потенции мыслящего существа, но и «статичное» видение мира» [19, с. 64].

Итак, понятие, построенное на триаде знака, означающего и означаемого (т.н. «семиотический треугольник»), заменяется в системе Ж. Делёза на концепт. Как известно, в классической философии термины «понятие» и «концепт» являлись синонимичными и, как следствие, взаимозаменяемыми. Что такое делёзовский концепт?

«Концепт, – отвечает автор, – это событие, а не сущность или вещь. Он есть некое чистое Событие, некая этось, некая целостность» [7, с. 27]. Отметим при этом, что событие смысла не есть состояние вещей или положение дел.

Принципиальный методологический отказ от гегелевской диалектики (это даёт основание А. Бадью назвать философский метод Делёза «антидиалектикой» [3, с. 45-50]) означает в том числе игнорирование классических бинарных оппозиций (реальное – виртуальное, потенциальное – актуальное и т.д.), составляющих противоречие и требующих «снятия». Именно этим обуславливается использование трихотомии (а не дихотомии, как у Гегеля) реального, виртуального и актуального в онтологии мыслителя. Делёз ищет концепт, который бы удерживал триаду в динамическом и при этом недиалектическом единстве, и находит его в философской системе Г. Лейбница. Понятие «складка», творчески переработанное французским мыслителем, становится искомым концептом-событием.

В одном из интервью автор даёт концепту следующее метафорическое определение: «...Складки есть везде: у скал, у рек и деревьев, в организме, в голове и в мозгу, в душах и в мышлении, в так называемых пластических искусствах и т. д. Но складка не относится все же к области универсального... Вещь отличается, и отличается прежде всего от самой себя... Складки меняются, и каждая складка отличается от другой. Нет двух вещей с одинаковыми складками, например нет двух одинаковых скал и нет никакой обязательной складки для одной и той же вещи. В этом смысле складки есть везде, но складка не является универсальной. Это некий «дифферент», «дифференциал»... Концепт складки всегда является сингулярным, и он может захватить территорию, только

меняясь, раздваиваясь, преображаясь» [9, с. 203]. Другими словами, «складка» – это различие, которое различает и само различается. Сущность «складки», таким образом, не описывается операцией тождества, именно поэтому она не является классическим понятием.

Как известно, у лейбницевской «монады» «нет окон», следовательно, в этой субстанции исключены субъект-объектные отношения и необходима процедура «включения» [22]. «Включение» – это не выражение «точки зрения», а её актуализация в душе: «То, в чём происходит и не перестаёт происходить включение, или то, что включает в смысле завершённого действия, является не позицией, не местом и не точкой зрения, но тем, что пребывает в точке зрения, тем, что точку зрения занимает, тем, без чего точка зрения не стала бы таковой. И этим с необходимостью является душа, субъект. <...> Весь мир не что иное, как виртуальность, существующая актуально лишь в сгибах выражающей его души, ибо душа действует благодаря внутреннему разгибу, посредством которого она составляет представление о включённом в неё мире» [5, с. 41].

Резюмируя всё вышесказанное, зафиксируем, что виртуальное в философской системе Делёза не есть потенциальное (возможное) бытие, оно есть реальное бытие. Актуальным (событием) оно становится в «складке», при подключении субъекта к «точке зрения» (дискурсу) «определённой общественной практики (науки, правосудия, медицины, религии, политики, образования и т.п.), посредством которой люди – в границах данной практики – реализуют свои когнитивные и/или коммуникативные потребности» [14, с. 44]. В этом аспекте философ солидарен с М. Фуко: «Нужно быть готовым в любую минуту принять дискурс в его событийном вторжении, в той пунктуальности, с которой он появляется, и в том временном рассеивании, которое позволяет ему быть повторённым, познанным, забытым, преобразованным, стертым вплоть до своих малейших следов, погребённым в книжной пыли, вдалеке от всякого взгляда. Не надо отсылать дискурс к далекому присутствию его истока; его надо рассматривать в его собственной инстанции» [20, с. 70].

В фильме Сергея Лобана (род. 1972) «Шапито-шоу» (2011) если и есть главный герой, то это – сам дискурс. Композиция картины – калейдоскоп различных общественных практик (глобальная сеть Интернет, «пионеротряд», глухонемые, артисты Шапито и т.д.), сложно переплетающихся между собой и обретающих телесность в ансамбле персонажей.

Драма героя интернет-дискурса с ником Киберстранник на первый взгляд очевидна: он не может себя реализовать в «оффлайн-пространстве». Виртуальный роман с Верой не транслируется в реальную жизнь. Герои не находят взаимопонимания. «Складка» как подключение к концептуальному персонажу Киберстранник в интернет-дискурсе воспринимается героем как превращённая форма его «Я». Именно поэтому Киберстраннику кажется, что виртуальные отношения реальны и интернет-дискурс всего лишь инструмент их трансляции. Тем не менее «субъект конституируется в этой коммуникации, ибо до неё никакого субъекта нет. Он является эффектом смыслопорождающей ситуации» [10, с. 327]. И как результат – глубокая фрустрация от несоответствия «реальной» Веры её виртуальному образу и расставание с ней.

Крайне любопытен персонаж Рома-легенда, двойник культового рок-музыканта Виктора Цоя. С точки зрения Делёза, Цой – это не музыкант, который родился, писал песни и умер, он – концептуальный персонаж, существующий в виртуальном пространстве и актуализуемый в реальном. В этом смысле Рома-Легенда – очередная «складка» дискурса группы «Кино», линией «перегиба» которой является внешнее сходство актёра Сергея Кузьменко с известным рокером. В иных общественных практиках Рома-Легенда никому не интересен. Не говоря уже о его личном бытии как свободной экзистенции.

И это общий «диагноз» времени: герои понятны только в рамках узких социальных практик (глухонемой среди глухонемых, «интернет-лузер» в соцсетях и на сайтах знакомств, эпигон Виктора Цоя в образе рок-кумира на сцене и т.д.). Подключаясь к другому дискурсу, они образуют новый «загиб души» и утрачивают привычную идентичность, что приводит к фрустрации и экзистенциальному одиночеству.

Итак, на примере понятия «складка» рельефно проступает трансформация философии неклассической (в нашем примере феноменологии) в философию постнеклассическую (постструктурализм). Если в первом случае «складка» была призвана смягчить жёсткую субъект-объектную оппозицию (наследие философии Нового Времени), то во втором случае имеет место попытка её «снятия». Тем не менее говорить о «снятии» в гегелевском смысле слова не приходится, так как положительное содержание понятия субъект (разум, душа, самость, свобода) не переходит в новое понимание субъективности. Постструктуралистский субъект лишён субъектности и обретает идентичность лишь в контексте дискурса.

Учитывая несомненный эвристический потенциал «складки», дальнейшего исследования заслуживают другие социально-философские и культурологические проекции данного концепта. Последний может быть использован для описания современных социокультурных дискурсов, в первую очередь интернет-коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е., Сабанчиев Р.Ю. М. Мерло-Понти и М. Хальбвакс: экзистенциальный выбор как основание исторического сознания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 98-103.
2. Ажимов Ф.Е. Эстетико-антропологическое измерение феноменологии М. Мерло-Понти // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 81-83.
3. Бадью А. Делёз. Шум бытия. М., 2004.
4. Вдовина И.С. От первичного восприятия к миру культуры // Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.
5. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.
6. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011.
7. Делёз Ж. Что такое философия. М.: Академический проект, 2009.
8. Делёз Ж. Письмо суровому критику // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 13-25.
9. Делёз Ж. О Лейбнице // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 202-211.
10. Дьяков А.В. Философия постструктурализма во Франции. Нью-Йорк: Северный Крест, 2008.
11. Елисеева Е.А. Решение художественного пространства в отечественных игровых фильмах 70-80-х годов XX века: традиции и новаторство // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 2. С. 211-216.
12. Караева К.З. Пейзаж, соц-арт и В. Абдрашитов. Полемиические заметки // Вопросы культурологии. 2010. № 7. С. 115-119.
13. Кошелева З. Вадим Абдрашитов: жизнь на полигоне (интервью) // Искусство кино. 2003. № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2003/08/n8-article4>
14. Кротков Е.А., Носова Т.В. О природе философского (метафизического) дискурса // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXI. № 3. С. 41-60.
15. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006.
16. Можейко М.А. Складка // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_74.php

17. Нанси Ж.-Л. Складка мысли Делёза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://es-dejavu.ru/d-2/Gilles_Deleuze.html
18. Подорога В.А. Складка // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2750.html>
19. Свицкий Я.И. Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делёза: дисс. ... д-ра филос. наук. Москва, 2004.
20. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004.
21. Ячин С.Е. Аналитика человеческого бытия: введение в опыт самопознания. Систематический очерк. М.: ИНФРА-М, 2014.
22. Mogens, L., 2015. Five figures of folding: Deleuze on Leibniz's monadological metaphysics, *British Journal for the History of Philosophy*, Vol. 23, no. 6, pp. 1192-1213.

REFERENCES

1. Azhimov, F.E. and Sabancheev, R. Yu., 2015. M. Merlo-Ponti i M. Khal'bvaks: ekzistentsial'nyy vybor kak osnovanie istoricheskogo soznaniya [Maurice Merleau-Ponty and Maurice Halbwachs: existential choice as a basis of historical consciousness], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 98-103. (in Russ.)
2. Azhimov, F.E., 2011. Estetiko-antropologicheskoe izmerenie fenomenologii M. Merlo-Ponti [The aesthetic-anthropological dimension of M. Merleau-Ponty's phenomenology], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 81-83. (in Russ.)
3. Badiou, A., 2004. Delez. Shum bytiya [Deleuze. The clamor of being]. Moskva. (in Russ.)
4. Vdovina, I.S., 1999. Ot pervichnogo vospriyatiya k miru kul'tury [From elementary apprehension to the world of culture]. In: Merleau-Ponty, M., 1999. *Fenomenologiya vospriyatiya*. Sankt-Peterburg: Yuventa, Nauka (in Russ.)
5. Deleuze, G., 1997. Skladka. Leybnits i barokko [The fold: Leibniz and the baroque]. Moskva: Logos. (in Russ.)
6. Deleuze, G., 2011. Logika smysla [The logic of sense]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)
7. Deleuze, G., 2009. Chto takoe filosofiya [What is philosophy?]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)
8. Deleuze, G., 2004. Pis'mo surovomu kritiku [Letter to a harsh critic]. In: Deleuze, G., 2004. *Peregovory*. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 13-25. (in Russ.)

9. Deleuze, G., 2004. O Leybnitse [On Leibniz]. In: Deleuze, G., 2004. Peregovory. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 202-211. (in Russ.)
10. D'yakov, A.V., 2008. Filosofiyapoststrukturalizma vo Frantsii [Post-structural philosophy in France]. N'yu-York: Severnyy Krest. (in Russ.)
11. Eliseeva, E.A., 2011. Reshenie khudozhestvennogo prostranstva v otechestvennykh igrovyykh fil'makh 70-80-kh godov XX veka: traditsii i novatorstvo [The determination of artistic space in Russian story films in 1970s-1980s: traditions and innovations], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, no. 2, pp. 211-216. (in Russ.)
12. Karaeva, K.Z., 2010. Peyzazh, sots-art i V. Abdrashitov. Polemicheskie zametki [Landscape, social art and V. Abdrashitov. Agonistical notes], Voprosy kul'turologii, no. 7, pp. 115-119. (in Russ.)
13. Kosheleva, Z., 2003. Vadim Abdrashitov: zhizn' na poligone (interv'yu) [Vadim Abdrashitov: life on the range (interview)]. URL: <http://kinoart.ru/archive/2003/08/n8-article4> (in Russ.)
14. Krotkov, E.A. and Nosova, T.V., 2009. O prirode filosofskogo (metafizicheskogo) diskursa [On the nature of philosophical (metaphysical) discourse], Epistemologiya i filosofiya nauki, Vol. XXI, no. 3, pp. 41-60. (in Russ.)
15. Merleau-Ponty, M., 2006. Vidimoye i nevidimoye [The visible and the invisible]. Minsk: Logvinov. (in Russ.)
16. Mozheyko, M.A., 2001. Skladka [The fold]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_74.php (in Russ.)
17. Nancy, J.-L., 2007. Skladka mysli Deleza [The fold of Deleuze's thought]. URL: http://ec-dejavu.ru/d-2/Gilles_Deleuse.html (in Russ.)
18. Podoroga, V.A., 2010. Skladka [The fold]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2750.html> (in Russ.)
19. Svirskiy, Ya.I., 2004. Nelineyny mir postneklassicheskoy nauki i tvorcheskoe nasledie Zh. Deleza [Non-linear world of post-non-classical science and the legacy of G. Deleuze]. Moskva. (in Russ.)
20. Foucault, M., 2004. Arkheologiya znaniya [Archaeology of knowledge]. Sankt-Peterburg: Gumanitarnaya Akademiya. (in Russ.)
21. Yachin, S.E., 2014. Analitika chelovecheskogo bytiya: vvedenie v opyt samopoznaniya. Sistemicheskii ocherk [Analytics of human being: introduction to the experiment of self-cognition. Methodical essay]. Moskva: INFRA-M. (in Russ.)
22. Mogens, L., 2015. Five figures of folding: Deleuze on Leibniz's monadological metaphysics, British Journal for the History of Philosophy, Vol. 23, no. 6, pp. 1192-1213.

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 001.8

Е.В. Косилова*

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД МЕТОДОЛОГИЕЙ В БИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ**

В статье рассматриваются некоторые характерные признаки методологии биологии, психологии и вкратце медицины. Статья основана на личных наблюдениях автора. Показано, что во всех перечисленных науках методологическими особенностями являются: непредсказуемость результата, создание искусственного объекта, распределение знания по членам лаборатории, определяющая роль возможностей приборов, господство статистики и отсутствие case studies, отсутствие феноменологического понимания, унификация, ориентация на «доказательные» количественные методики

Ключевые слова: методология биологии, методология психологии, артефакт, эксперимент, унификация, количественные методы

Some observations on methodology of biology and psychology. ELENA V. KOSILOVA (Lomonosov Moscow State University)

The paper deals with some essential features of methodology of biology, psychology and, in brief, medicine. It is based on what the author herself observed. The author describes such methodological features of the named sciences as: unpredictability of experiment's results, formation of artifacts; dispensation of the knowledge among the members of laboratory; determining role of the technical capabilities; domination of statistics and absence of case studies; lack of phenomenological understanding; unification; orientation on the "evidence-based" qualitative methods.

Keywords: methodology of biology, methodology of psychology, artifact, experiment, unification, qualitative methods

В статье речь пойдет в основном об отечественной науке, без ссылок, поскольку автор рассказывает только то, чему сама была свидетелем, но, конечно, и без указания конкретных лиц и мест. Эта статья – критическая по настрою – призвана создать у философов представление о некоторых сторонах методологии естественных наук, о которой у них не всегда есть представление, ибо философия институционально и методологически устроена совсем иным образом. Автор никоим об-

разом не имеет в виду принизить значение науки в современном мире.

Биология

Заявление «объект биологии – живое» звучит банально. Ниже мы увидим, что это не совсем верно. Предмет в каждой области биологии выделяется самостоятельно. Как именно – рассмотрим на примере физиологии. Сначала дадим общие характеристики экспериментальной работы в био-

* КОСИЛОВА Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: implicatio@rambler.ru

© Косилова Е.В., 2016

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 15-03-00820а.

логии. Эксперименту зачастую не предшествует никакая разработанная гипотеза. Конечно, уж о математизированной гипотезе нет и речи. Даже качественный результат иногда предвидим, но чаще нет. Специфика биологического объекта (в нашем случае – организм или мозг): ВСЕ ВОЗДЕЙСТВУЕТ НА ВСЕ. Исключительная сложность устройства организма приводит к тому, что воздействовать на него – примерно то же, что экспериментировать с платой компьютера, не зная, как она устроена. Естественный выход: эксперимент проводится методом тыка. Его общая формула: *сделаем что-нибудь и посмотрим, что получится*. Это, конечно, гротеск. Кое-что известно заранее, но в основном откуда? – из предшествующих экспериментов, проведенных методом тыка. Специально надо отметить, что «сделаем что-нибудь» означает отрезать, уничтожить, разрушить какую-нибудь часть организма. Не будет большим преувеличением сказать, что «биология – наука о смерти», по крайней мере в областях, подобных физиологии. Поскольку все воздействует на все, куда бы экспериментатор ни ткнул, какой-нибудь результат он получит.

Определяющая роль метода. Под методом понимается очень простая вещь: какая установка стоит на столе в данной лаборатории. Установка может измерять потенциалы клеток, вязкость жидкости, скорость протекания жидкости по сосудам, газовый состав выдыхаемого воздуха и т.п. Может быть, это лабиринт для крыс. Установки стоят очень дорого, и редкая лаборатория, по крайней мере в нашей стране, может позволить больше одной-двух установок. Строение установки можно до некоторой степени менять, но в ограниченных пределах. Следовательно, *лаборатория ставит те эксперименты, которые позволяет делать установка* (так выбирается предмет исследования).

На примере установки для измерения работы сердца (она снимает показания кровяного выброса, частоты сокращений, возможно – регистрирует сокращение участков сердечной мышцы) рассмотрим, какие эксперименты тут можно поставить.

а) Протестировать влияние на сердце некоторого вещества. Обычно этим и занимаются в силу наличия большого количества заказов от фармакологических компаний. Можно сделать предварительно операцию на сердце (искусственный инфаркт и т.п.) или операцию на любом другом органе и посмотреть, как влияет данное вещество в разных условиях. При мне была модной тема «стресс». Исследовалась она так: крыс загоняли до полусмерти, давая им разряды тока (вариант:

помещали мышей в аквариум и смотрели, как долго они плавают до того, как пойдут ко дну) и потом смотрели, как действует вещество. Множество экспериментов в физиологии очень кровавые и безжалостные! Идеально было бы найти вещество, которое позволяет крысам бежать, а мышам держаться на воде дольше, чем в контрольной группе. Разумеется, некоторые гипотезы относительно того, какие вещества лучше брать для этого, имелись. Но даже если вещество не действовало, эксперимент не считался неудачным. Наверняка можно было найти разницу между опытными и контрольными животными в локализации и обширности инфаркта, в состоянии коронарных сосудов, а если совсем плохо – визуально подсчитать количество язв в желудке в среднем в обеих группах или установить контакт с соседней лабораторией, где изучают печень и почки и проверить разницу на их установке.

б) Можно поменять животное. Установка обычно приспособлена к животным определенного размера, от крыс до кошек, как ее менять – об этом дальше. Но даже если получатся разные результаты для крыс и кошек – это уже открывает поле для десятков дальнейших экспериментов (попробовать вырезать печень у кошки, попробовать перерезать спинномозговые нервы у крысы и т.п.). Если вещество действует на всех протестированных животных одинаково, это тоже отличный результат – далее можно искать рецепторы к этому веществу, прикидывать, как его можно использовать для медицины и многое другое.

в) С этим же веществом протестировать модель заболевания, допустим перикардита или хронической сердечной недостаточности, или ишемии, или ограничения питания, или... вариантов столько, на сколько хватает фантазии у сотрудников. Варианты зависят не только от заказов фирм, иногда даже входят с ними в конфликт, но прежде – от перспектив публикации и от авторитета данной лаборатории у коллег.

г) Поменять вещество и снова проделать весь вышеописанный цикл. Здесь есть небольшое место гипотезе и предвидению, но в основном все равно основной метод – метод тыка.

д) На одном и том же эксперименте можно сделать (в части статьи *discussion*) самые смелые предположения.

Этот список далеко не полный. Можно одновременно измерять несколько показателей, можно предварительно делать очень хитрые операции. Например, может оказаться, что какой-нибудь анастомоз (искусственное закорачивание артерии на

вену) полностью переворачивает действие вещества). И так далее.

е) Математизация результатов – примитивная статистика (критерий Стьюдента). Если кто-нибудь может получить более достоверный результат другим способом, ему карты в руки, но никто обычно других способов не знает. Журналы, разумеется, не принимают статьи, в которых результаты не достоверны. Один из верных способов повысить достоверность результата – увеличить количество экспериментов, то есть количество животных (одно экспериментальное животное не используется в других экспериментах и после эксперимента забивается). Обычно считается, что средняя норма – от 10 до 20 животных. Однако многим не хочется так много работать, тем более если операция сложная. Это ведет к большому количеству приписок, которые очень сложно проверить.

ё) Case study, то есть интересный эксперимент на одном животном, в современных журналах не котируется. Такая статья, если только не исходит от академика, будет отвергнута. Вся биология насквозь пронизана статистикой. Только статистически подкрепленный эксперимент будет принят. Само по себе это не страшно, но очень плохо, что данная парадигма проникает в медицину. В медицине, к сожалению, приживаются биологические методы, связанные с выгодой для фармакологических фирм. Ниже я расскажу, как это делается при помощи элементарной статистики.

Чтобы понимать специфику научной деятельности в биологии, надо представлять себе структуру лаборатории и того, кто в ней, собственно, является познающим субъектом.

Средняя лаборатория состоит из пяти-десяти человек.

КТО	ЧТО ЗНАЕТ И ДЕЛАЕТ	ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ
Шеф	Задает общую проблематику. Договаривается с фармакологическими фирмами. Ведет аспирантов. Пишет ведение и заключение.	Как устроена установка (см. ниже). Давно забыл, как делать анастомоз. Может не знать, как взять в руки агрессивную крысу. Может не знать всех сотрудников (аспирантов).
Доктор наук и кандидат наук	В рамках общей проблематики разрабатывают эксперимент. Пишут Discussion. Знают в лицо всех сотрудников и осуществляют координацию.	Как и шеф, разучились делать экспериментальную работу.
Младший научный сотрудник (мнс) и 1-2 аспиранта	Проводят собственно эксперимент. Умеют взять в руки любую самую агрессивную крысу и безболезненно сделать наркоз. Знают все условия и выводы, в том числе те, которые кажутся побочными. Пишут Results и, если нужно, Methods*.	Аспиранты могут не знать, с каким веществом работают, т.к. много работ с допингами и по заказам обороны. Они не вникают в тонкости работы установки (но мнс обычно установку знает досконально, это его дело). Они слабо представляют контекст исследования и какие результаты были ранее.
Особая личность: человек, который умеет читать	Чаще это женщина. Идеально, если она умеет читать по-английски, но и по-русски читает литературу почти только она: биологи не любят библиотек. Почти никто из биологов не знает иностранных языков. Она пишет обзор литературы. Если она умеет еще и писать по-английски, ей нет цены.	Не знает вообще, что происходит в лаборатории, за исключением самых общих вещей; ее дело – что происходит в мировой науке.
Очень важная личность: мастер – золотые руки	Обычно это сотрудник не одной лаборатории, а института. У него может не быть высшего образования. Но он может как угодно перестроить установку: с крыс на собак, с сердца на кишки, с регистрации потенциала на регистрацию частоты импульсов. Установку он видит специфическим зрением техника, и ему достаточно двух слов и одного взгляда, чтобы понять, что от него хотят и что для этого надо сделать.	Про эту конкретную лабораторию он не знает ничего, кроме имени шефа и мнс.

* Методы включают описание установки, и в этих местах обычно ссылаются на ранее опубликованные статьи. Поэтому изменение установки (см. посл. пункт) проходят незаметно от общественности.

Это типовой состав лаборатории, он может меняться. Маленькие лаборатории состоят из шефа, мнс и аспиранта. Тогда функции распределяются по-другому. Но очень редко бывает, чтобы в лаборатории существовал хотя бы один человек, который знает все о том, что происходит.

Как я уже писала выше, все воздействует на все, поэтому каждый эксперимент, как бы нелепо он ни был поставлен, непременно дает «новое знание». Поэтому лаборатория обычно выпускает за год очень много статей. Двенадцать, т.е. по одной в месяц, – это, я думаю, не самое большое. Все статьи, разумеется, подписаны всеми соавторами, в том числе аспирантами. Проводить статьи в журналы – дело шефа, у которого там много связей, если нужны рекомендации, то всегда действует взаимобмен. Конечно, его же дело подбирать оппонентов аспирантам, и тоже в порядке взаимобмена.

Типичные примеры

Эксперимент с подобием гипотезы. Тестировали крыс на решение задачи в лабиринте; лабиринт сложный, задача сложная. Выделились три группы крыс: первая решала задачу одним способом, вторая другим, третья вообще не решала. Тут было широчайшее поле для гипотез, в том числе с применением компьютерной метафоры и учения позднего Павлова. Главенствовала гипотеза о том, что разные группы крыс по-разному используют память. А потом получили грант и стали проверять на крысах вещество. Гипотеза звучала так: три группы крыс на вещество будут реагировать по-разному, но как – неизвестно, надо посмотреть. Возможно, будут по-другому решать задачу. Оказалось, нет, решают так же, но разница действительно была. Вещество было в свободном доступе, и после решения задачи третья группа не пила его совсем, вторая группа пила значимо больше, первая – значимо меньше. А вот если крыс надолго оставляли без задач, то есть в покое, вторая группа не пила, а первая начинала пить. Вещество в данном случае не секретное: подслащенный 5% C_2H_5OH . Это был интереснейший результат, потому что из этого были сделаны выводы о том, кто и почему пьет: некоторые от стресса, а другие – наоборот, от скуки. И это связано с тем, как они решают задачи, с устройством их памяти и стратегий обращения к ней (это входит в состав гипотезы, разумеется, т.е. не доказано, что речь действительно о памяти).

Пример эксперимента без гипотезы. Те же условия. У крыс разрушали различные зоны мозга и смотрели, как изменяются их способы решения

задачи. Пришли к выводам об этих зонах мозга. Некоторые выводы были интересны, но даже совокупным мозговым штурмом не удалось придумать, как их можно подтвердить (возможно, дело в том, что лаборатория была маленькая).

Самый вымученный пример эксперимента. Аспирант изучал вопрос, едят ли землеройки т.н. сеголеток, то есть лягушат, только что прошедших метаморфоз из головастиков и разбредаящихся из родного водоема. По мысли аспиранта, в голодные годы землеройки выживают, поедая сеголеток.

Землеройки сеголеток не едят. Они ведут совсем другой образ жизни, их пища – земляные черви, жуки и т.п. У него в эксперименте землеройки тоже отказывались есть сеголеток, если была хоть какая-то альтернатива. Но он ставил и ставил эксперименты, перестраивал установку, наконец дошел до того, что морил землероек голодом, который они не переносят. И он добился, что пара-тройка землероек съела по паре-тройке сеголеток. Остальные землеройки предпочли умереть от голода.

Дальше – дело техники, зарисовок и фотографий, подходящих статистических критериев и всего остального. Вряд ли, конечно, его научный руководитель (а это была известная ученая) разрешила ему выпускать диссертацию с результатом «землеройки питаются сеголетками». Но, разумеется, какая-то глава, посвященная или выживанию землероек, или опасностям для сеголеток, в этой диссертации была.

Что хорошо видно на этих примерах – это то, что лаборатория сама создает себе из так называемого «живого» так называемый «предмет исследования». Исследования, которые проводятся в некоторых лабораториях, не имеют никакого отношения к жизни животных в их естественных условиях. Морить животное голодом, чтобы заставить его есть то, что оно никогда не ест в природе, – пример такого фантазийного «предмета исследования». Да и крысы в своей жизни не бегают по лабиринтам и не пьют пива.

Несколько слов о медицине

В целом медицина следует за биологией в основных трендах.

Один из трендов в медицине – практическое исчезновение в ней case studies. Медицинские журналы все менее охотно публикуют отдельные случаи, им нужны те же группы 5-10 человек – экспериментальная и столько же контрольная, – тот же слепой метод. Более того, такой подход проникает в психологию и психиатрию! Там вытесняются методы понимания (в психологии они

называются качественными) в пользу методов статистических, даже зачастую без объяснения (в психологии: количественные методы).

На этом построена доказательная медицина. Грубо говоря, она состоит в том, что лекарство, прежде чем выпущено, проходит статистическую проверку. Существует огромное количество лекарств. Проверка любого вещества (на приблизительно 30 платных добровольцах каждое!) занимает много времени и денег. В «доказательную» лабораторию берут не все лекарства. Какие? Вот здесь возникают злоупотребления.

а) Фармакологические компании: проплатить исследования тех веществ, которые им выгодно продавать – новые и дорогие. Я не говорю про коррупцию на уровне ложных результатов – против этого все же принимаются достаточно жесткие меры. Однако всем известно, что статистика часто позволяет получить нужный результат без всяких подлогов и коррупций. Лекарства чаще всего действительно эффективны, но деятельность фармакологических компаний приводит к вытеснению с рынка дешевых лекарств и замене их на дорогие, которые зачастую ничуть не лучше.

б) Страховые компании: выплачивают страховку только на те лекарства, которые прошли процедуру «доказательства». Если вещество, которое помогает, не прошло проверку, больной платит из своего кармана. Более того, если не ошибаюсь, врача даже могут наказать за использование «недоказанных» средств. Понятно, что у страховой компании и сами по себе выплаты уменьшаются, и возникает соблазн коррупции в виде проплаты «доказательным» лабораториям дешевых лекарств, чтобы платить по страховке меньше. Это тренд обратный, и он удешевляет рынок, но зачастую не пропускает на него эффективные, хотя и дорогие, лекарства.

Исчезновение case studies и торжество статистических методов приводят к катастрофической унификации диагностики и лечения. Очень двусмысленным детищем ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения) в этом плане является так называемый МКБ – международный классификатор болезней. Задуман он был из насущных практических нужд (скажем, в разных странах действуют разные стандарты диагностики, и человек, считающийся здоровым в одной стране, пересекая границу, неожиданно для себя оказывается больным. На этой почве могут возникнуть даже криминальные конфликты). МКБ периодически пересматривается, раньше пересмотры касались в основном нозологии, теперь в корне пересматривается сам подход к болезням с заменой их на син-

дромы, по возможности однозначно диагностируемые. Сейчас действует МКБ 10-го пересмотра, но уже на подходе 11-й пересмотр, в котором, как говорят, будут резко преобладать синдромальные классификации над классификациями болезней.

Повторюсь, что дело это, в общем, полезное, и делают его люди компетентные и понимающие, какие задачи являются насущными. Поначалу не видно беды в том, что диагностика унифицируется. Однако затем на основе рекомендаций той же ВОЗ к каждому синдрому (читай: каждому пункту МКБ) разрабатываются стандарты лечения. Обычно это происходит на уровне министерств отдельных стран. Опять же в этом не видно беды, пока речь идет, условно говоря, о вывихе голеностопного сустава.

Беды еще не видно, но она уже есть. Рекомендации помогают сориентироваться неопытным врачам, но опытный доктор, видевший в жизни множество переломов, ставит диагноз на глаз, а не по критериям МКБ. И он может увидеть то, что не ухватывается унифицированным критерием, – например, что перед ним не вывих, а опухоль. Он видит это по множеству мелких признаков, что и говорит о его опытности.

Сомнения посещают уже в таких чисто соматических случаях, как панкреатит. Имеются две школы, одна настаивает на лечении по формуле «холод, голод и покой», вторая – на активном операционном вмешательстве. На настоящий момент, насколько мне известно, договориться им не удалось. Следует ли принять решение голосованием компетентных представителей всех стран в ВОЗ или в рамках некоего конгресса? Очень возможно, что результат будет во всех случаях около 50:50, и смысла давать однозначные рекомендации по лечению в этом случае нет, каждая школа будет лечить своих больных так, как свойственно ей.

Что же касается психиатрии, то тренд унификации и господства статистики в этом случае действует однозначно во вред. Психиатрию следует рассмотреть как особый случай.

Поскольку мозг и душа – неизмеримо более сложные системы, чем весь остальной организм, возможность болезней и нарушений их так же неизмеримо больше. Это банальность. Психически больные субъекты гораздо более разнообразны и уникальны, нежели больные панкреатитом (между прочим, удивительно, что они куда менее разнообразны, чем можно было бы ожидать). Строго говоря, для диагностики психических болезней МКБ вообще не применим, а при отсутствии унифицированной диагностики терапевтические рекомендации по определению невозможны.

Прибавим к характерной для психиатрии гипердиагностике еще и тупо, механически поставленный по МКБ диагноз и, по рекомендациям, лекарство, прошедшее доказательные процедуры, и мы получим медицину, которая мало чем отличается от лоботомии 1950-х гг.

Психически больного надо стараться видеть во всей его уникальности, что возможно только при использовании метода, который научно именуется феноменологическим, а на простом языке называется пониманием. Непреодолимым препятствием к этому является то, что как раз на простом языке этого больного часто понять невозможно; например, невозможно понять бред и то, почему больной не реагирует на рациональные доводы. Признаки бреда регистрируются визуально, для чего подходит и МКБ, и лечатся тем лекарством, которое рекомендовано – или комиссией министерства, или в рамках данной школы (сводящейся часто к одному-двум отделениям). Я не проводила соответствующих исследований, но думается, большинство психиатров подтвердит, что в одном отделении диапазон используемых средств – около десятка (а я думаю, ближе к пяти-шести) – и это при огромном разнообразии их в психиатрической фармакологии. Психиатров в этом обвинить трудно: при ограниченном времени пребывания больного в стационаре хаотическое перепробование десятков средств – еще хуже.

Господство унификационных тенденций привело к тому, что психиатры перестают пытаться понять данного конкретного больного, описать его в его уникальности – даже тогда, когда понимание возможно (например, в случае реактивной депрессии). Зачем пытаться вникать в его переживания, если диагноз ставится в этом случае достаточно просто по МКБ, а стандарты лечения, как уже было сказано, традиционны на уровне отделения в рамках министерских рекомендаций?

На этом фоне не может не радовать, что возрождается традиция т.н. клинических разборов, т.е. пристального расспроса больного группой докторов под руководством профессора [2]. После внимательного опроса доктора совещаются между собой и соборным разумом выносят решение о диагнозе и лечении. Интересно, что иногда такой консилиум искажает диагноз еще больше, чем механическая МКБ-диагностика (см.: [3]) – за счет авторитета председательствующего или еще по каким-то причинам. Но, конечно, здесь мы видим настоящую вдумчивую работу, не допускающую унификации. Это и называется феноменологическим методом. К сожалению, такие клинические разборы редко идут под запись и где-либо публи-

куются. Из известных журналов, регулярно публикующих клинические разборы, можно назвать только «Независимый психиатрический журнал».

Психология

Рассмотрим ее на примере когнитивной психологии. Но сначала скажем несколько слов о специфике методологии психологии в общем и целом. Психология – раздвоенная наука. Кто-нибудь может подумать, что, судя по названию, это наука о душе. Понятно, что слово «душа» нужно заменить современным – психика, внутренний мир человека, область его мышления и чувств. В принципе, этим самым психология и занимается, но – очень своеобразно. Первая часть этой раздвоенной науки обеими ногами стоит на биологии, или, конкретнее, физиологии нервной системы. Впрочем, сюда же относится и генетика (скажем, передача по наследству склонности к темпераменту), и этология (по определению: наука о поведении животных) – всем им находится место в методах психологии. Если кому-нибудь трудно понять, как наука о поведении животных может изучать психику человека, то кратко сошлюсь на так называемую социобиологию. Это идущая от К. Лоренца разработка способов объективной регистрации поведения. Сейчас она разрабатывается преимущественно психиатрами [1], но в перспективе применение ее и к вполне здоровым людям. Проблема тут только в сложности регистрации множества признаков одновременно, но эта проблема решается по мере увеличения мощности компьютеров и сложности регистрирующих установок.

Ближе всех к биологии стоит, разумеется, нейропсихология и психофизиология. Об их методах можно сказать все то же, что выше было сказано о методах биологии. Это методы тыка, построения широких гипотез задним числом без возможности проверки, господствующая роль приборов, искусственное создание объекта исследования, так сказать, негативность. Проявляется это в том, что в большинстве случаев материалом является мозг, некоторым образом нарушенный, по крайней мере, подвергшийся какому-то воздействию. Мы помним, что свои первые знаменитые опыты по локализации психических функций А.Р. Лурия ставил на больных, перенесших ранение головы. С тех пор мало что изменилось.

Но вторая ветвь психологии, так сказать, гуманитарная психология, не опирается на биологию. Теперь вспомним, что существует противопоставление методов объяснения и понимания, которое в психологии можно свести к противопоставлению качественных и количественных методов. Количе-

ственные методы – это, иначе говоря, статистика. Понятно, что эти методы господствуют в биологической ветви психологии. Что непонятно, так это то, что они проникли в ее «гуманитарную» часть, вытесняя феноменологические методы понимания. У всех людей психика разная. Выше было сказано, что унификация не применима в психиатрии, но в психологии она неприменима на порядок больше.

Пример. Некий ученый изучает «жизнестойкость» – нам сейчас неважно, что это такое, но ясно, что это личное достояние субъекта, и можно только пытаться понять, как некоторые достигают жизнестойкости и почему другие не достигают ее. Для этого нужны беседы, исследовательские интервью, феноменологическое описание, герменевтическая интерпретация – словом, это нужно изучать методом *case studies*, качественным методом.

Однако данный ученый вынужден, скрепя сердце, произвести на свет некий опросник. Далее он вооружается базовым для всех психологов тестом ММРІ и идет собирать статистику. Жизнестойкость измеряется в баллах, шкалы ММРІ служат для «познания» подопытных личностей, а результат представляется в виде корреляции шкалы жизнестойкости со шкалами ММРІ. Правило количества подопытных – примерно такое же, как в биологии, от 10 до 20 (чем больше, тем лучше), и корреляции, разумеется, должны быть достоверны. Возможно, окажется, что жизнестойкость коррелирует, например, со шкалой «паранойи» ММРІ. Что дает этот результат уму или сердцу?

Рассмотрим теперь когнитивную психологию. Отнести ее к биологической ветви однозначно нельзя, но это и не гуманитарная психология. Ранее она занимала как бы промежуточное положение. В настоящее время, с появлением методик томографии, которые были подхвачены когнитивной психологией, она приблизилась к биологии, однако интеграция ее с культурной антропологией, наоборот, отдаляет ее от биологии – словом, это область широкая и неоднородная. Тем не менее я рискую утверждать, что ей свойственны все особенности методологии вышеописанных наук. Не будем брать спарку «когнитивная психология-психофизиология», так как тут и так все ясно, эту интердисциплинарную область просто можно считать подвидом биологии. Возьмем противоположную область, вроде бы далекую от биологии.

Рассмотрим т.н. нейроэстетику. Вообще говоря, она считает себя отдельной наукой, но не будет большой натяжкой отнести ее к когнитивной области.

Пример постановки эксперимента в области нейроэстетики: с использованием некоей установки (фМРТ, регистрация ЭЭГ или кожных потенциалов – не имеет значения) исследовали различные группы испытуемых на восприятие музыки. Среди групп были: а. европейцы, профессиональные музыканты; б. европейцы, не имеющие музыкального образования; в. неевропейцы, имеющие и не имеющие образования, соответственно. Мелодический материал также включал некое разнообразие – от примитивных мелодий до признанных шедевров. Реакцию измеряли при помощи имеющейся установки и затем кратким интервью, включавшим два три вопроса: какое произведение понравилось больше, какое место в каком произведении понравилось больше и т.п. Результат обсчитывали, разумеется, статистически. Между большинством групп, сопоставленных попарно, различий не было. Также не было разницы между самоотчетом и данными с установки. Этот результат радует сердце – какова межчеловеческая сила искусства! – но характерная примитивность постановки опыта, огромное разнообразие возможностей варьировать опыт, изменяя группы испытуемых и мелодии, тестируя вещества или влияние предыдущих мелодий на восприятие следующих, с подобием гипотезы, но без понимания происходящего, – все это напоминает биологию с ее методом тыка.

Мы выяснили выше, что в биологии познающим субъектом в большинстве случаев можно назвать только всю лабораторию вместе взятую. Отсюда, собственно, и господство унификационных количественных методов. Для феноменологического понимания нужен *один* экспериментатор (знающий все о том, что происходит во время опыта, знающий устройство установки и т.п.) и *один* испытуемый, которого экспериментатор внимательно расспрашивает. Тогда появляется шанс понимания: например, почему при прослушивании одних мелодий образование влияет на восприятие, а при прослушивании других – нет? Это заявление вовсе не означает: «уберите из лаборатории все установки и только разговаривайте». Это было бы глупо, ибо почему бы не исследовать мозговые процессы? Однако феноменологическая внимательность привнесла бы понимание. А практика «двойных слепых методов» катастрофически препятствует пониманию. Из результатов вышеописанного опыта – скорее всего, заказанного каким-то рекламным агентством – даже непонятно, какую музыку ставить во время рекламы.

Результат опытов отрицательный, но его можно попытаться спасти, имитируя внимательность

к испытуемым. Их можно разделить не только на европейцев и неевропейцев и образованных/необразованных, но еще и, например, по возрасту, полу, темпераментам (естественно, с применением ММРІ), да хотя бы по шкале жизнестойкости. Где-нибудь непременно найдется положительная корреляция, и результат, соответственно, будет получен. Поскольку все это не под силу одному человеку, группа разрастется, будет создана лаборатория, распределены роли, и мы придем к результатам, мало чем отличающимся от биологических.

В рассмотренных науках, а именно биологии и психологии, методологическими особенностями являются: непредсказуемость результата, распределение знания по членам лаборатории, определяющая роль возможностей установки, искусственное создание предмета исследования («под возможности установки»), господство статистики и отсутствие case studies, отсутствие феноменологического понимания, унификация, ориентация на «доказательные» количественные методики.

Я, конечно, несколько утрировала ситуацию. Во всех науках не все так плохо. И спасает эти науки наличие эрудированных и, главное, мудрых ученых. К сожалению, таких ученых мало. Трудно быть мудрым и эрудированным в век лавинообразного потока бессмысленного «нового знания», полученного случайным образом в огромном числе ветвей и областей современной науки. Ситуацию мог бы спасти мозговой шторм или по крайней мере постоянно действующий семинар, но опыт показывает, что на таких семинарах мало-помалу складывается постоянное общество, в котором

говорят между собой два-три человека, и трудно сказать, что выносят оттуда остальные. Многочисленные конференции мало способствуют обмену научной информацией, их цель – неформальное общение ученых между собой. И уж точно они не являются подобием того мозгового шторма, который мог бы спасти лабораторную разобщенность и создать практически настоящее понимание. Роль научных журналов не слишком велика, по крайней мере, создается впечатление, что она в нашей стране много меньше, чем за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гильбурд, О.А. Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. М.: Видар, 2007.
2. Клинические разборы в психиатрической практике / Под ред. А.Г. Гофмана. М.: МЕДпресс-информ, 2009.
3. Косилова Е.В. Психиатрия: опыт философского анализа. М: Проспект, 2014.

REFERENCES

1. Gilburd, O.A., 2007. Shizofreniya: semiotika, germenevtika, sotsiobiologiya, antropologiya [Schizophrenia: semiotics, hermeneutics, sociobiology, anthropology]. Moskva: Vidar. (in Russ.)
2. Gofman, A.G. ed., 2009. Klinicheskie razbory v psikiatricheskoi praktike [Clinical interviews in psychiatry practice]. Moskva: MEDpress-inform. (in Russ.)
3. Kosilova, E.V., 2014. Psikiatriya: opyt filosofskogo analiza [Psychiatry: an attempt of philosophical analysis]. Moskva: Prospekt. (in Russ.)

